

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать? Собесѣдованіе второе и третье (окончаніе). Законоучителя Нѣжинскаго историко-филологическаго института князя Безбородко . . . А. Хойнацкаго.

Архіепископъ Иннокентій Борисовъ. Біографическій очеркъ (продолженіе) Свящ. Т. Буткевича.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Значеніе Сократа въ исторіи греческой философіи . . . М. Остроумова.

Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (продолженіе). И. Корсунскаго.

Письма философа Сенеки (продолженіе). * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опредѣленія Свягѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, ПЕЩЕЦКАЯ, № 26.

1884.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ канонѣвъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года: то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ приобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Сентября 1 дня 1884 года. Г. Харьковъ.

Цензоръ Протоіерей *Т. Павловъ.*

КАКЪ ВСЕГО ПРОЩЕ И УДОБНѢЕ НАУЧИТЬСЯ ВѢРОВАТЬ? *)

СОБЕСѢДОВАНИЕ ВТОРОЕ,

СКАЗАННОЕ

ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА,

18 марта 1884 года.

Поминайте наставники ваши, иже глаголаша вамъ Слово Божіе, ижеже взирающе на скончаіе жителства подражайте вѣрть ихъ. (Евр. XIII, 7).

Итакъ, съ умомъ, посвященнымъ въ таинства вѣры, съ сердцемъ чистымъ, открытымъ для воспріятія вѣры, и съ волею благою, исходящею отъ вѣры и къ вѣрѣ снова возвращающеюся, приступая къ вѣрѣ, по подражанію святымъ, мы сами можемъ сдѣлаться истинно вѣрующими... Таково послѣднее слово, *конецъ завѣщанія* нашего прошедшаго собесѣдованія по вопросу о томъ, какъ всего проще и удобнѢе научиться вѣровать?

Но какъ ни важны и ни дѣйствительны сами по себѣ указанные средства для пріобрѣтенія вѣры, мы могли-бы остановиться на нихъ и ограничиться ими, если-бы всѣ мы, подобно угодникамъ Божіимъ, сами могли содѣлаться, по первому требованію или желанію, святыми и богоугодными. Но какъ быть съ нашею немощію грѣховною? Что дѣлать, когда умъ, и зная вѣру, станетъ самъ колебаться въ ней, когда свѣтъ вѣры въ сердцѣ помрачится страстями, или воля начнетъ уклоняться отъ вѣры дѣлами порочными и недостойными? А между тѣмъ тутъ-то и заключается настоящая опасность для

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 13.

вѣры потерять въ сомнѣнiяхъ, или померкнуть во тѣмѣ сердечнаго омраченiя и жизни богопротивной.

Какъ-же поступать въ этихъ случаяхъ, тѣмъ болѣе что положенiе подобнаго рода есть общее достоянiе человѣчества, такъ какъ святыхъ мало, а грѣшныхъ много, премного на землѣ?

Поминайте наставники ваши, иже глаголаша вамъ Слово Божiе, — отвѣчаемъ мы опять, какъ отвѣчали и прежде, и *взирая на скончанiе жителъства ихъ, подражайте вѣрѣ ихъ,* и будете сами вѣровать непреложно и несомнѣнно.

Вы думаете, что святые также не испытывали никакихъ сомнѣнiй, не знали никакихъ соблазновъ и прираженiй грѣховныхъ? Святый апостоль Павелъ, какъ неизмѣримо былъ великъ предъ Богомъ и людьми, а между тѣмъ, послушайте, что самъ онъ говоритъ о себѣ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю, кто соблазняется, и не разжизаюся?* Но тѣмъ-то святые и отличались отъ насъ грѣшныхъ, потому и вѣровали, что всѣмъ сомнѣнiямъ въ вѣрѣ они противопоставляли глубочайшее, непосредственное убѣжденiе въ истинности вѣры, страстямъ сердечнымъ—преискреннее сознание своей грѣховности и нравственной безпомощности безъ вѣры, и, наконецъ, колебанiямъ воли—совершеннѣйшую преданность волѣ Божiей съ распинанiемъ плоти со страстями и похотями, обращая такимъ образомъ самое *искушенiе вѣры своея многочисннѣйше злата гблюща, огнемъ не искушена, въ похвалу, честь и славу, въ откровенiи Исусъ Христовъ.*

Намъ извѣстно, что для многихъ, въ особенности въ настоящее время, однимъ изъ ближайшихъ препятствiй къ вѣрѣ служитъ прежде всего мнимая, такъ называемая на языкѣ мiра сего, несовмѣстимость будто-бы вѣры съ знанiемъ положительнымъ, иначе сказать, тайна вѣры и чудеса христіанскія. Но въ томъ-то и заключается первая-же и величайшая ошибка наша, а вмѣстѣ съ нею и наше горе тяжкое, что, не рассчитавшись съ своими силами, мы беремся, такимъ образомъ, измѣрять безусловное, божественное и безконечное по своему ограниченному, субъективному разуму, всегда носящему въ себѣ отпечатокъ личности и времени,—совершенное по несовершенному, всецѣлое по конечному, святое и святѣйшее по омрачен-

ному грѣхѡмъ... Вы говорите: „я не вѣрую, потому что не понимаю“... Но скажите ради Бога, велика-ли область того, что мы понимаемъ умомъ вообще въ самыхъ знаніяхъ положительныхъ? Можете-ли вы, напр. даже научиться грамотѣ, если первоначально не повѣрите учителю, что *a* есть *a*, *b* есть *b*, и т. д. Какъ-же вы хотите, чтобы не было таинъ въ вѣрѣ? Если человѣческій умъ задумывается надъ каплею крови, текущей въ жилахъ, то какъ-же мы можемъ мечтать, чтобы небо, не то небо, которое мы видимъ, а небо премірное, божественное, *небеса небесъ* не представляли ничего таинственнаго?

И неужели, въ самомъ дѣлѣ, невѣріе такъ и рѣшаетъ всѣ вопросы бытія и жизни, такъ безошибочно, такъ безповоротно отвѣчаетъ на нихъ? Безбожникъ или атеистъ говоритъ: „я не вѣрую, потому что не могу понять существованія вѣчнаго, вездѣ сущаго Духа“. Но вселенная безъ Бога, безъ творенія развѣ не загадка еще болѣе темная и сокровенная? Такъ и всебожникъ или пантеистъ отвергаетъ твореніе, потому что, какъ говоритъ онъ, не можетъ понять творенія изъ ничего... Но развѣ понятіе истеченіе міра изъ Бога? Развѣ разуміе безконечное, которое въ тоже время конечно, и конечное, которое вмѣстѣ и безконечно? Не яснѣе-ли, не проще всего рѣшаетъ эти вопросы святая вѣра наша, не потому-ли она и покоряетъ себѣ всѣ здравомыслящіе умы, что для всего она полагаетъ причины вполнѣ соответствующія и совершеннѣйшія, какъ напр. для творенія всемогущество, премудрость и благодать Божію, для спасенія—искупленіе и благодать и т. п.?

Если-же есть вѣра, то должно быть и откровеніе, какъ источникъ вѣры, а если есть откровеніе, то какъ-же не должно быть въ немъ таинъ, когда оно есть откровеніе ума безконечнаго и всесовершеннѣйшаго? Потому-то, между прочимъ, самое существованіе въ вѣрѣ таинъ откровенія скорѣе должно служить доказательствомъ истинности вѣры, ея виѣмрнаго, божественнаго происхожденія, чѣмъ возраженіемъ противъ нея. Что-же это было-бы за откровеніе, которое ничего-бы не открывало намъ?

Тожѣ самое мы должны сказать вамъ, братіе мои, и о чудесахъ вѣры и откровенія. Вы говорите, что желали-бы вѣровать, да васъ смущаетъ чудо... Но имѣете-ли во-первыхъ на-

стоящее понятіе о чудѣ? Вы не можете усвоить себѣ, какъ это, на примѣръ, по глаголу Господню, или по молитвамъ святыхъ Его, немощные исцѣляются, слѣпые прозираютъ, мертвые встаютъ; какъ Господь и святые Его благодатию повелѣваютъ стихіями, какъ ходятъ они по водамъ, укрощаютъ дикихъ звѣрей, какъ самая тѣла святыхъ остаются непричастны тлѣнію и пр. и пр. Что-же тутъ такого необыкновеннаго? Развѣ вся наука человѣческая и искусство не къ тому-же стремятся, чтобы врачеваніемъ болѣзней отдалить смерть отъ человѣка, и познаніемъ тайнъ природы содѣлать его полноправнымъ господиномъ стихій и всего сущаго на землѣ, чтобы бальзамированіемъ тоже самое тѣло сохранить отъ разложенія и т. п. Вся разница состоитъ только въ томъ, что здѣсь мы дѣйствуемъ такъ называемыми естественными силами физическими, а тамъ все совершается такими-же, не менѣе естественными, и даже болѣе состоятельными, выше-естественными, сверхъестественными, всемогущими силами празственными и божественными.

Отъ того-то, какъ нельзя болѣе справедливо сказалъ одинъ мудрецъ христіанскій, что „то, что сверхъестественно на землѣ, естественно на небѣ“... Почему? Потому что творецъ чуда, какъ-бы оно ни совершалось, непосредственно-ли самимъ Богомъ, или чрезъ Его святыхъ угодниковъ, есть Господь всемогущій и премудрый, Творецъ неба и земли. Что-же можетъ препятствовать всемогущему и премудрому распоряжаться по своей волѣ *въ дѣлахъ руку Его?*..

Къ этому, если хотите имѣть настоящее *полнѣйшее* понятіе о чудѣ, то не смотрите на чудеса, какъ это принято у нашихъ раціоналистовъ, какъ на какія-нибудь случайныя, отдѣльныя явленія въ природѣ или жизни, а рассматривайте ихъ непремѣнно безусловно въ связи съ домостроительствомъ нашего спасенія, или иначе сказать, съ тѣмъ порядкомъ природы и жизни, который существуетъ теперь, и тѣмъ, который былъ нѣкогда ихъ достояніемъ до паденія человѣка и теперь, по планамъ этого домостроительства и въ силу искупленія, во всей полнотѣ своей составляетъ нашу конечную цѣль и назначеніе. Въ этомъ отношеніи всякое истинное христіанское чудо въ существѣ своемъ не только не есть нарушеніе какихъ-либо зако-

новъ природы, а напротивъ есть возвращеніе ихъ къ ихъ нормальному состоянію и порядку, пока *вся тварь снова не освободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ*. (Римл. VIII, 21). Поелику-же весь настоящій порядокъ природы и жизни, съ его болѣзнями и смертію, и вообще подчиненіемъ человѣка стихійнымъ силамъ природы, и по нашему собственному сознанию и по свидѣтельству Слова Божія, есть слѣдствіе грѣха и паденія, то, само собою разумѣется, какъ съ удаленіемъ отъ Бога, чрезъ грѣхъ, мы содѣлялись жертвою смерти и тлѣнія, такъ съ приближеніемъ къ Богу, путемъ добродѣтели, смерть должна бѣжать отъ насъ, болѣзни должны оставлять насъ, тлѣніе не должно касаться нашего тѣла. Если чрезъ грѣхъ мы потеряли власть надъ природою, то посредствомъ добродѣтели должны снова покорить ее себѣ, чтобы огонь не жегъ насъ, холодъ не мучилъ, вода не потопляла. Если грѣхъ сдѣлалъ намъ враждебными извѣстныхъ животныхъ, то добродѣтельная, христіанская жизнь должна дать намъ силы и средства снова подчинять ихъ себѣ, *владычествовать надъ ними*. А въ этихъ-то именно и подобныхъ имъ явленіяхъ и состоитъ истинное чудо христіанское. Они только намъ кажутся неестественными, потому что они невозможны при той обыденной, причинной связи вещей, къ которой мы привыкли, но которая можетъ быть всегда нарушена вмѣшательствомъ высшей силы божественной.

Не говоримъ уже о томъ, какимъ несомнѣннымъ и неопровержимымъ доказательствомъ въ пользу дѣйствительности чудесъ служить самое ихъ существованіе... Къ тому-же, кто не знаетъ, что чудеса въ Евангеліи такъ непосредственно связаны съ лицемъ и дѣломъ Господа нашего Іисуса Христа, и вся исторія Церкви столь много утверждается на чудесахъ, что почитать Христа и призывать себя членомъ Его Церкви, и не признавать чуда,—это все равно, что признавать существованіе свѣта и теплоты, и не вѣрить въ бытіе солнца, отъ ко-его этотъ свѣтъ и теплота исходятъ, т. е. не имѣть ни малѣйшаго понятія о самомъ христіанствѣ въ его коренныхъ и существеннѣйшихъ основаніяхъ. Тогда, зачѣмъ-же Самъ Спаситель столь часто и безусловно ссылается на чудеса свои не только

предъ невѣрующими іудеями, но даже предъ Своими собственными учениками, какъ на очевиднѣйшее доказательство Своего божественнаго посланничества?—И скажите, что было-бы чудесѣ, если-бы апостолы сами выдумали такую личность, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ съ Его чудесами, или-же списали Его жизнь и дѣла съ натуры, какъ это было на самомъ дѣлѣ..... Да и не десятки, не сотни, а тысячи и тысячи тысячъ людей пришлось-бы такимъ образомъ записать въ число неисправимыхъ безумцевъ или крайнихъ мистиковъ или идеалистовъ, потому что они не только вѣрили въ чудо, но и сами видѣли его собственными глазами, или, что еще существеннѣе, сами испытали его дѣйствіе на себѣ, какъ это бываетъ и теперь, во-очію нашею, при мощахъ святыхъ угодниковъ, отъ чудотворныхъ иконъ и пр. и пр., во исполненіе обѣтованія Христова: *отруай отъ мя дѣла, яже азъ творю, сотворитъ и больше сихъ сотворитъ.* (Іоан. XIV, 12).

Вы желаете вѣровать?—Такъ позвольте указать вамъ и на другой источникъ современнаго невѣрія, а именно общеніе съ людьми, не расположенными къ вѣрѣ, и чтеніе книгъ, противныхъ вѣрѣ, и вообще преобладающее въ нашемъ обществѣ расположеніе ко всему, что такъ или иначе идетъ противъ вѣры, а не въ защиту ея. Въ сущности, какъ для насъ, такъ и для вѣры было-бы всего лучше, если-бы мы не сходились съ подобными людьми и никогда не читали и не слышали ничего подобнаго, по той простой причинѣ, что въ настоящемъ грѣховномъ состояніи своемъ мы всегда скорѣе склопимся на сторону отрицанія и неправды, чѣмъ на сторону истины, такъ какъ истина требуетъ нравственной борьбы и самоотверженія, а отрицаніе и неправда, наравнѣ съ злыми и не вѣрующими людьми, потворствуютъ пороку и беззаконію.

Но если ужъ такъ или иначе случится вамъ знакомиться съ ученіемъ или мнѣніями отрицателей, то дайте себѣ благородный зарокъ, во-первыхъ—не ловить ихъ, что называется, па-лету, какъ это водится между нами, а изучать ихъ, знакомиться съ ними по подлинникамъ, потому что въ своихъ собственныхъ книгахъ и сочиненіяхъ самые отрицатели свое ученіе и свои мнѣнія излагаютъ по большей части въ совершенно дру-

гомъ видѣ и въ другой постановкѣ дѣла, вовсе не такъ опасной для вѣры, какъ это выходитъ въ передѣлкѣ ихъ непрошенныхъ клеветовъ и популяризаторовъ. Вмѣстѣ съ этимъ, знакомясь такъ или иначе съ тѣмъ, что говорится противъ вѣры, не лѣнитесь ради самой-же вѣры изучать непремѣнно честно все, что говорится и можетъ и должно быть сказано въ защиту вѣры въ ученіи и сочиненіяхъ вѣры и Церкви православной, или обращаться съ своими недоумѣніями къ лицамъ ближе другихъ знакомымъ съ вѣрою, а потому и обладающимъ необходимыми средствами для разъясненія всякихъ недоумѣнныхъ вопросовъ во имя Господне. Тогда вы неминуемо придете къ заключенію, что на ряду съ этими немногими, болѣе или менѣе заслуживающими вниманія, мнимыми возраженіями отрицательной критики противъ вѣры или противъ тѣхъ или другихъ ея истинъ и положеній, она, святая вѣра наша, имѣетъ на своей сторонѣ не десятки, а сотни самыхъ вѣскихъ и неопровержимыхъ доказательствъ и основаній; что совмѣстно съ горстью своихъ жалкихъ отрицателей она имѣетъ за собою цѣлыя сонмы *самовидцевъ и служителей словесе*, святыхъ апостоловъ, мучениковъ и исповѣдниковъ, которые не только вѣрили во Христа, но и свою вѣру засвидѣтельствовали, какъ мы сказали, запечатлѣли и подписали своею собственною кровію, *уже въ рою побѣдиша царствою, содѣяша правду, получиша обтѣванія, заградиха уста лъбовъ, угасиха силу огненную, избѣгоша острѣя меча, возмогахъ отъ немощи, быша крѣпцы во бранехъ, обратиха въ бѣгство полки чуждыхъ, скорбяще, лишени, озлоблени, въ пустыняхъ скитающесе и въ пропастьхъ земныхъ....* (Евр. XI, 33—38). Если не вѣрить такимъ свидѣтелямъ, то послѣ этого нельзя вѣрить ни одному человѣку на свѣтѣ.. Что параллельно этимъ пресловутымъ Страусамъ, Фейербахамъ, Ренанамъ, которыхъ можно перечестъ по пальцамъ, христіанство имѣетъ на своей сторонѣ столь невзвѣримое число великихъ Василиевъ, Григоріевъ, Златоустыхъ, столько принопамятныхъ нашихъ Филаретовъ, Иннокентіевъ, Дмитріевъ и цѣлыя тысячи подобныхъ имъ умвѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей древняго и новаго міра во всѣхъ частяхъ вселенной, которые не только читали всякія книги враждебныя вѣрѣ,

но и нарочито изучали ихъ, и при всемъ этомъ также оставались вѣрными евангельской истинѣ, какъ и простые вѣрующіе, и съ этою вѣрою умирали и умираютъ о Господѣ въ единой надеждѣ на блаженную вѣчность, завѣщанную намъ учениемъ вѣры и Евангелія Христова.— *Тѣмъ-же убо, толкъ и муче облажающъ насъ облакъ свидѣтелей, и гордость всяку отложше и удобѣ обстоятельный грѣхъ* излюбленнаго отрицанія терпѣніемъ да тецемъ на предлежащій намъ подвигъ вѣры, взирюще на началника вѣры и совершителя Иисуса (Евр. XII, 1, 2).

Страшно сказать, но съ теченіемъ времени выясняется все болѣе и болѣе, что самыя злостныя нападки на христіанскую вѣру, и въ частности распространеніе ихъ изъ спеціальныхъ изслѣдованій и книгъ, посредствомъ такъ называемыхъ популярныя изданій, народныхъ журналовъ и газетъ, выходитъ по преимуществу изъ вражескаго лагеря исконныхъ противниковъ христіанства, — іудеевъ, которые, какъ говорятъ, не щадятъ для этого никакихъ ухищреній и средствъ, съ діавольскою цѣлію искажая почти всегда нарочито самыя невинныя взгляды и мнѣнія иныхъ ученыхъ, чтобы, подорвавши такъ или иначе христіанскую вѣру, основать на развалинахъ ея свое Іудино царство, царство золотого тельца во имя корысти и всемірнаго преобладанія.— Но неужели и намъ идти объ руку съ врагами креста Христова, *глаголющихъся*, какъ прекрасно говоритъ святой апостоль, *быти Іудей, и несущихъ, но сомнище сатанино*. Они призвали нѣкогда кровь Христову на себя и на чадъ своихъ... О, да не падеть эта святѣйшая кровь на насъ!!!. *Страшно есть еже впасти въ руки Бога живаго*. (Евр. X, 31).

Вы желаете вѣровать?—Присоедините къ сказанному еще одно условіе. Когда случится вамъ встрѣчаться съ тѣми или другими возраженіями противъ вѣры и въ особенности противъ Церкви Христовой, справляйтесь всякій разъ безусловно, въ какихъ отношеніяхъ возраженія эти находятся къ родной папѣй святой Церкви православной? Вы увидите тогда знаменательный фактъ, не всѣми однако, къ сожалѣнію, примѣчаемый, что въ сущности почти всѣ нападки противъ христіанства, какъ вытекаютъ изъ почвы, такъ и держатся на почвѣ совершенно чуждой православію, и зиждутся главнымъ образомъ на тѣхъ

крайностяхъ и злоупотребленіяхъ, которыя отъ произвола римскихъ папъ и потомъ Лютера и его послѣдователей внесены въ церковь римско-католическую и протестантскую и многоразличныя секты послѣдней. Напротивъ, православная вѣра наша тѣмъ именно и сильна, тѣмъ она непоколебима во вѣки вѣковъ, *и врата ада не одолѣютъ ее*, что, будучи во всемъ вѣрна евангельской истинѣ и апостольскому ученію и преданію, она чужда всякихъ крайностей, и потому невольно располагаетъ къ себѣ всякаго здравомыслящаго человѣка своею неодолимою логическою правдою, совершеннѣйшею своею чистотою, святостію и величіемъ, отрѣшающими вѣрующаго отъ всего земнаго и временнаго и устремляющими наши душевныя очи къ небесному и вѣчному. Не даромъ нынѣ на самомъ западѣ и въ отдаленной отъ насъ Америкѣ, среди облегающей ихъ мглы религіознаго разъединенія и непрерывныхъ вѣроисповѣдныхъ споровъ, все чаще и громче раздается голосъ, что настоящій *„свѣтъ“* возможенъ только *съ востока*, именно отъ насъ, отъ нашей заветной Церкви православной; и многіе, многіе *идутъ къ этому свѣту*, изучая православіе, и остаются въ немъ, какъ въ единственномъ хранилищѣ католической, вселенской истины. А у насъ это сокровище подъ руками. Мы въ немъ родились, живемъ въ немъ... Какъ-же мы должны дорожить имъ! Какъ любить его!... *Яко-же убо пріяете Христа, Исуса Господа, такожде въ немъ ходите, укоренени и наздани въ немъ на основаніи апостоловъ и пророкъ, и извѣствовани вторю, яко-же научистеся, избыточествующе въ ней благодареніемъ.* „Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди“.

Вы желаете вѣровать?—Такъ не забывайте и не лѣнитесь, какъ можно болѣе обращать вниманіе на все окружающее васъ, на этотъ міръ, на самихъ себя и на исторію человѣчества и пр. и пр. Нельзя сказать, чтобы мы этого и не дѣлали въ настоящее время. Напротивъ, мы учимся и изучаемъ весьма много, премного. Но вся суть въ томъ, что, изучая землю и даже небо, мы почти исключительно помышляемъ о томъ, какъ-бы только побольше извлечь изъ этого пользы для себя, для своихъ временныхъ интересовъ, эксплуатиро-

вать природу, какъ теперь принято говорить; что, обращая вниманіе на самихъ себя, больше заботимся объ удовлетвореніи своего самолюбія, о развлеченіяхъ разнаго рода, чтобы разогнать столь модную нынѣ напускную скуку, или же о нужныхъ и ненужныхъ, законныхъ и незаконныхъ прибѣткахъ для болѣе широкой мірской жизни; что знакомясь съ исторіею человѣчества, ищемъ здѣсь всего: и излюбленнаго прогресса, и цивилизаціи, и гуманности, и вліянія окружающей среды, случайныхъ обстоятельствъ и личнаго воздѣйствія, за исключеніемъ путей промысла Божія, и т. д. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ мы желали бы, если бы то было въ нашей власти, совершенно изгнать съ лица земли всякое, такъ называемое, классическое, т. е. болѣе или менѣе серьезное образованіе, чтобы всюду господствовалъ одинъ только реализмъ, и даже на самыя благороднѣйшія науки большею частию смотримъ съ крайней, утилитарной, меркантильной точки зрѣнія, никакъ не идущей далѣе личныхъ выгодъ, личнаго интереса, т. е. эгоизма. Спросите любаго изъ молодыхъ людей, учащихся теперь въ нашихъ школахъ, — для чего они учатся? Они, не обинуясь, отвѣтятъ вамъ, что для того, чтобы выучиться, т. е. получить права службы и затѣмъ за службу эту получать деньги и деньги... А какъ они будутъ служить? Готовы-ли, какъ должно, къ службѣ? Это вопросы самаго послѣдняго разбора, о которыхъ всего лучше никого и никогда не спрашивать...

Между тѣмъ для ума, мыслящаго по правиламъ здоровой общечеловѣческой логики, достаточно и одной пылинки въ неизмѣримой области мірозданія, чтобы прійти къ вѣрѣ. Иначе, скажите, кто могъ дать ей бытіе изъ ничего, или сказать вѣрѣ, не изъ чего либо, кромѣ Бога? Присоедините къ сему еще этотъ дивный порядокъ всего существующаго, эту безпредѣльную красоту и величіе природы, и вы невольно скажете словами священнаго Писанія: *Яко отъ величества красоты созданийъ сравнительно Рододѣлатель ихъ познавается.* Въ особенности же позвольте спросить васъ, случалось-ли вамъ хоть разъ въ жизни, забывши все прочее и сосредоточившись въ себѣ самихъ, поднять взоры свои къ небу въ ясную звѣздную ночь, и своею мыслию и чувствомъ пропикнуть далеко,

далеко туда, въ эти безмѣрные пространства, гдѣ столько самыхъ разнообразныхъ міровъ совершаютъ дивное теченіе свое? Какъ назовете вы то чувство, которое помимо воли овладѣваетъ человѣкомъ при этомъ, какъ не чувствомъ благоговѣнія самаго глубокаго и совершеннѣйшаго? А это благоговѣніе въ сущности и есть дѣйствіе вѣры въ Бога въ насъ, или сказать лучше, таже вѣра, только въ качествѣ преискреннѣйшаго сознанія нашей зависимости отъ совершенства и безконечнаго величія Божія. Такъ, вѣрно говоритъ Давидъ, что *небеса поощають славу Божию, твореніе же руку его возвышаетъ твердь...* (Пс. XVIII, 2). Нужно только, какъ можно чаще проникать въ эти небеса, изучать ихъ богоподобную красоту и величіе. Отъ того-то, между прочимъ, всѣ лучшіе, великіе астрономы, Ньютонъ, Кеплеръ и др. были людьми самыми вѣрующими. Тѣмъ паче не можетъ не проникаться особеннымъ чувствомъ вѣры всякій искренно желающій вѣровать, устремляя вмѣстѣ съ тѣлесными и духовные свои взоры къ небу, потому что самое то небо родственно намъ во всѣхъ отношеніяхъ. Тамъ престоль Божій, тамъ ангелы непрестанно воспѣваютъ славу Его, тамъ святые молятся за насъ. *И наше житіе на небесахъ есть, откуда и Предтеча прииде о насъ Христосъ.*

Съ этой стороны, если хотите, святая вѣра наша не можетъ опасаться даже самаго крайняго матеріализма, только, само собою разумѣется, не правственаго, а научнаго. Напротивъ, пусть онъ глубже и глубже анатомируетъ природу до послѣднихъ основъ ея. Въ концѣ концовъ дойдетъ же онъ до того пункта, когда сама природа скажетъ ему: *до здѣ дойдеши и не преидеши...* А дальше что?—*Вопроси четвероногихъ, говорилъ еще въ древности Іовъ, аще ти рекутъ, и птицъ небесныхъ, аще ти возвѣстятъ; повѣждь земли, аще ти скажетъ и исповѣдятъ ти рыбы морскія. Кто убо не уразумѣетъ во всѣхъ сихъ, яко рука Господня сотвори сія.* (XII, 7—9). Такъ, неотложно, такъ скажетъ и всякій истинно ученый матеріалистъ, какъ только станетъ изучать природу безъ мыслей предвзятыхъ, съ умомъ свѣтлымъ, желающимъ знать одну только истину. Ибо, какъ мы сказали, одна только истина вполне сродна уму нашему, что *въ началъ сотвори Богъ небо*

и землю, море и вся, яже въ нихъ, и яко отъ не сущихъ сотвори сіе Богъ...

Вы желаете вѣровать?—Допросите затѣмъ самихъ себя, что вы такое въ этомъ мірѣ, какая цѣль вашего существованія, какой вашъ конецъ и назначеніе? И если въ этомъ ряду бесконечно-разнообразныхъ міровъ и существъ и неустанной смѣнѣ явленій вы пожелаете найти себѣ надлежащее мѣсто, уразумѣть причины и источникъ зла въ мірѣ, предугадать свое будущее, свою судьбу, то никакая естественная наука, никакая философія не дадутъ вамъ отвѣта ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ кромѣ вѣры. Ибо всѣ науки эти возвращаются только въ сферѣ того, что входитъ въ область нашего наблюденія душевнаго, умственнаго или чувственнаго; а вопросы о жизни и смерти, о добрѣ и злѣ, о нашемъ прошедшемъ и будущемъ—премѣрнаго характера и потому выше всякаго естественнаго наблюденія. Съ какою же преискреннею благодарностію, съ какою любовію должны мы послѣ этого относиться къ святой вѣрѣ нашей, которая только одна, при свѣтѣ откровенія Божія, чуднымъ образомъ уясняетъ для насъ наше прошедшее, настоящее и будущее, научая всѣхъ и каждого, что мы созданы Господомъ Богомъ, какъ высшія существа въ этомъ мірѣ, *по образу и по подобію Божию, на дѣла благая, да съ нихъ ходимъ*; что если существуетъ зло въ мірѣ, то оно не отъ Бога и не отъ природы; а отъ нашей злой воли, нашего грѣха и паденія, что для избавленія отъ грѣха намъ даровано *избавленіе кровію Господа нашего Іисуса Христа и оставленіе прегрѣшеній по богатству благодати Его*, потому что всѣ мы *наслѣдницы, по обѣтованію, жизни отныня*. Отселѣ написаны слова нашего одного извѣстнѣйшаго писателя: „стоитъ мнѣ знать о Богѣ, и я живу; стоитъ забыть, и я умираю... И стоитъ только признать мнѣ, что Богъ есть, какъ жизнь тотъ часъ поднимается во мнѣ, и я чувствую и возможность и радость бытія“... *О Немъ бо, прибавимъ мы отъ лица вѣры, мы всѣ живемъ, движемся и есьмы*.

Вы желаете вѣровать?—Впикните, наконецъ, въ смыслъ исторіи человечества, и вы увидите, что все въ пей какъ исходитъ отъ вѣры, такъ и ведетъ къ вѣрѣ. Отсюда только при

свѣтъ вѣры можно уразумѣть, какъ должно, эту смѣну однихъ великихъ народовъ древняго міра другими, пока, наконецъ, на развалинахъ ихъ *Богъ небесный не возставитъ царство Христово, еже во отки не разсыплется, и царство Ею инимъ не останется*, при чемъ послѣднее величайшее, всемірное государство Римское, по планамъ домостроительства Божія, является какъ надежнѣйшее поприще для повсемѣстнаго распространенія Христовой вѣры *отъ конецъ до конецъ вселенныя*. Не даромъ поэтому сами невѣрующіе вмѣстѣ съ нами считаютъ годы въ исторіи до Рождества и послѣ Рождества Христова, какъ единственнаго кореннаго центра въ судьбахъ человѣка и человѣчества. Только откровеніе посвящаетъ насъ въ тайну чудной исторіи народа Израильскаго, его безпримѣрной живучести среди прочихъ народовъ древняго и новаго міра, какъ народа богоизбраннаго, изъ котораго долженъ родиться Спаситель рода человѣческаго—Мессія. Только откровеніе объясняетъ намъ, отъ чего одни народы стоятъ, а другіе падаютъ, извѣствуя, что *правда возвышаетъ языкъ, умаляютъ же племена грѣси* и т. д. и т. д.

Не говоримъ уже о томъ, въ какой непосредственной связи судьба всѣхъ народовъ міра находится съ богооткровенными пророчествами вѣры; какъ самыя мельчайшія черты, предсказанныя пророками касательно тѣхъ или другихъ націй и даже частныхъ городовъ, исполнялись и исполняются съ поражающею самихъ противниковъ вѣры точностію.... Присоедините ко всему этому дивное распространеніе христіанства на землѣ, взвѣсьте, какъ должно, тѣ вѣковыя ужаснѣйшія препятствія, которыя оно встрѣчало и теперь встрѣчаетъ почти на всякомъ шагѣ, припомните ту нечеловѣческую борьбу, въ которую она должна была вступить по своемъ появленіи и которую ведетъ доселѣ, всюду и всегда выходя побѣдителемъ, вопреки всѣмъ расчетамъ и естественнымъ соображеніямъ своихъ враговъ, и вы невольно воскликните съ апостоломъ: *сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша....*

Кто же есть побѣждающій міръ?—Токмо вѣрующій, яко Иисусъ есть Сынъ Божій. Аминь.

СОБЕСѢДОВАНИЕ ТРЕТЬЕ,

СКАЗАННОЕ

ВЪ Н Е Д ъ Л Ю В А І Й,

1 апрѣля 1884 года.

Въ прошедшей бесѣдѣ своей съ вами, братіе, мы указали вамъ тѣ лучшіе пути и средства, какими каждый изъ насъ можетъ прийти къ вѣрѣ, направляя, какъ должно, свой умъ къ познанію вещей божескихъ и человѣческихъ. Теперь намъ остается еще обратить вниманіе на наше сердце и волю, и спросить ихъ, чѣмъ могутъ и должны онѣ послужить намъ въ дѣлѣ вѣры и для вѣры?

И знаете, какая мысль при этомъ неволью поражаетъ насъ прежде всего и болѣе всего? Вы желали бы вѣровать, да не вѣруете.... Значитъ, должно быть, вамъ отлично живется на этомъ свѣтѣ: у васъ нѣтъ ни горя, ни страха, ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія... Хотя и счастье у благородныхъ душъ заставляетъ радостно биться сердце и благодарить виновника счастья за благо и радость, дарованныя имъ. Такъ и въ заурядной жизни неблагодарность считается однимъ изъ самыхъ непростительныхъ пороковъ. Но кого станетъ благодарить за счастье, за радость свою человѣкъ невѣрующій? Людей, что-ли? Но эти люди, о, какъ весьма рѣдко, бываютъ причиною нашего счастья и радости на землѣ! Остается, значитъ, благодарить или природу... Но кто не знаетъ, какъ она глуха, безучастна ко всѣмъ нашимъ радостямъ и вообще ко всему, что такъ или иначе касается нашего положенія въ мірѣ семъ. Или, быть можетъ, вы станете благодарить случай, судьбу? Въ большинствѣ случаевъ у насъ теперь такъ и принято говорить и писать: „благодаря случаю, благодаря судьбѣ“... Но подумайте сами, братіе мои, сколько смысла въ этихъ словахъ и выраженіяхъ, поколику случай, судьба,—это тѣже безучастные, глухіе факторы, которые, какъ и природа, безразличны ко всякой нашей радости и печали, и по самому существу своему, скорѣе способны отравлять всякую радость, чѣмъ давать ее, противопоставляя этимъ случайнымъ радос-

тѣмъ тѣмъ сомнѣній разнаго рода, житейскіе расчеты, злобу, зависть, ненависть, какъ непосредственные спутники чистаго случая и судьбы. Нѣтъ, коли радоваться, такъ *радоваться о Господѣ*, коли благодарить отъ сердца, то *благодарить только Бога*, такъ какъ *отъ Него* только одного *исходитъ всякое даяніе благо и всякій даръ совершенъ*, и Онъ одинъ только, Своею безконечною благодію и всемогуществомъ, Своею премудростію и неизреченнымъ промысломъ можетъ поручиться, что *радости нашей никтоже возметъ отъ насъ, яко Той блазъ есть, и Той есть прежде всѣхъ, и всяческая о Немъ состоятся* (Іоан. XV, 22).

Но скажите дальше, что станете дѣлать вы, когда горе тяжкое, нескходное поразитъ вашу душу, когда васъ станутъ посѣщать болѣзни, эти предвѣстники смерти, чтобы напоминать намъ, что страшная минута, минута смерти не далеко отъ насъ,—когда взоръ смущается и устрашается предъ непроницаемымъ мракомъ таинственнаго будущаго, когда отъ самыхъ удовольствій чувствуется томленіе и скука, когда наскучиваетъ міръ, и самая жизнь становится въ тягость, когда не знаешь, куда дѣвать время, которое, кажется, такъ медленно идетъ, и тоска глубокая, нескходная овладѣваетъ душой или неописанное безпокойство терзаетъ ее? О, не дай, Господи, никому изъ насъ переживать что-либо подобное!!!... Но если это случится, то кто успокоитъ потрясенную душу, кто прольетъ свѣтъ надежды и елей любви примиренія въ мятущееся сердце? Не вашъ ли излюбленный скептицизмъ или, что тоже, невѣріе? Нѣтъ, нѣтъ, и стократъ пѣтъ. Въ горькія минуты жизни всякій скептицизмъ, всякое невѣріе только приводятъ къ отчаянію, а дальше, какъ вы сами знаете, къ самоубійству. Только одна вѣра въ состояніи постепенно приготовить насъ ко всѣмъ превратностямъ міра, заблаговременно внушая намъ не пристращаться ни къ чему земному и временному; она только одна можетъ дать смыслъ самымъ тяжкимъ бѣдствіямъ нашимъ, указывая въ нихъ или карающую руку Божію за наши беззаконія, чтобы чрезъ это снова возвратитъ или обратитъ насъ на путь вѣры и благочестія, или же испытующую десницу Всевышняго, чтобы этимъ еще болѣе содѣлать насъ достой-

ными вѣчной награды и воздаянія; только она одна владѣетъ секретомъ облегчать самое тяжкое горе, завѣщая во всякой скорби и тугѣ сердечной искать помощи свыше у Господа и Пречистой Его Матери и всѣхъ святыхъ Его въ несомнѣнной надеждѣ на ихъ помощь и заступленіе... Потому, прежде чѣмъ помышлять о замѣнѣ христіанскаго ученія другимъ, нужно изгнать скорбь и страданія съ лица земли. Ибо только одинъ Христосъ можетъ сказать, какъ говоритъ Онъ во святомъ Евангеліи Своемъ, и не только сказать, но и оправдать самымъ дѣломъ эти великія завѣтныя слова Свои: *приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѡ. XI, 28), отъ чего, между прочимъ, сами невѣрующіе, а тѣмъ болѣе глаголющіе себя быть невѣрующими, въ минуту скорби и ужаса невольно поднимаютъ взоры къ небу и невольно взываютъ ко Господу: *Господи, помилуй!*.. Помилуй, Господи, и насъ, помилуй насъ; *яко ты Господи помощникъ намъ во благовременіихъ и скорбѣхъ; въ кровѣхъ крилу твоею возрадуемся.*

Вы желаете вѣровать?—Обратитесь далѣе къ своей совѣсти, и вопросите ее, можетъ ли она оставаться безъ вѣры, безъ Бога и искупленія. Часто у самыхъ закоренѣлыхъ грѣшниковъ совѣсть пробуждается, какъ искра изъ-подъ пепла, и грозно вопіетъ противъ порока и беззаконія. Что же сказать о людяхъ внимательныхъ къ своему внутреннему духовному состоянію, готовыхъ приспо служить, но подъ вліяніемъ грѣха ежечасно, ежеминутно оскорбляющихъ его? Мы знаемъ одного изъ таковыхъ въ лицѣ св. апостола Павла, который перазъ подъ вліяніемъ грѣховнаго возбужденія взывалъ: *окаяненъ азъ человекъ! Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего?* И онъ, подобно всѣмъ угодникамъ Божиимъ, находилъ утѣшеніе въ этомъ состояніи только въ вѣрѣ, въ вѣрѣ въ Господа нашего Иисуса Христа, *его же предположи Богъ очищеніе върою въ крови Его.* Кто же и что спасетъ насъ, если не будемъ вѣровать? Слышите ли, что самъ Господь говоритъ: *еще не имѣете вѣры, во грѣсѣхъ вашихъ умрете.*

Да, други мои возлюбленные, въ числѣ другихъ причинъ, удаляющихъ насъ отъ вѣры, нельзя не отвести самаго видна-

го мѣста этому, все болѣе и болѣе проникающему въ наши души отсутствію сознанія нашей грѣховности, и съ нею неразрывно связанной виновности предъ Богомъ. Въ послѣднее время случалось намъ читать „исповѣдь“ одного изъ выдающихся дѣятелей на поприщѣ нашей отечественной письменности, какъ извѣстно, произведшую не малое впечатлѣніе въ читающемъ обществѣ. Но кромѣ глубокой сердечной боли и искренняго сожалѣнія какъ по отношенію къ писателю ея, такъ и къ его поклонникамъ, мы ничего другаго не вынесли изъ этого чтенія,—потому что въ своей исповѣди авторъ говоритъ о всемъ кромѣ тяжести грѣха, какъ будто бы у него нѣтъ никакой совѣсти, или же вся жизнь его усѣяна отъ начала до конца одними цвѣтами добродѣтели. Удивительно ли, что при такихъ обстоятельствахъ въ этой исповѣди нѣтъ ни слова о Христѣ, что его въ недоумѣніе ставитъ самое величайшее изъ таинствъ христіанскихъ, и онъ не только легкомысленно дозволяетъ себѣ глумиться надъ этимъ таинствомъ, но и обѣщаетъ еще критиковать прочіе уставы и учрежденія церковныя?

Не тоже ли въ сущности повторяется и съ каждымъ изъ насъ, съ тою только разностию, что авторъ исповѣди все-таки, хоть и не всегда правильно, размышлялъ о себѣ, а мы и того не дѣлаемъ, не имѣя ни времени, ни охоты заниматься самоиспытаніемъ, а тѣмъ болѣе вниманіемъ къ своей совѣсти. Отъ того въ настоящее время весьма часто случается, что иной, явившись на исповѣдь, положительно самъ не знаетъ, въ чемъ исповѣдываться. Не говоримъ уже о такихъ, которые подъ вліяніемъ горделиваго самообольщенія или парочитаго извращенія основныхъ понятій нравственности не въ состояніи отличить порока отъ добродѣтели, и даже порокъ готовы считать добродѣтелью. А гдѣ нѣтъ сознанія грѣха, тамъ не можетъ быть и желанія освободиться отъ него; значитъ, тамъ не можетъ быть и настоящей вѣры, которая одна въ ученіи Евангелія и въ страданіяхъ Христовыхъ, и сими страданіями заслуженной и подаваемой намъ отъ Господа благодати указываетъ единственное средство для примиренія грѣшнаго члѣвѣка съ Богомъ и избавленія нашего отъ гнѣва и проклятія Божія. *Яко нѣсть иного имени подѣ небесемъ, кро-*

мѣ имени Христова, о Немъ же подобаетъ спастися намъ. О немъ бо, т. е. о Христѣ, избавленіе имамы кровію Его, и оставленіе прегрѣшеній по богатству благодати Его (Еф. 1, 7).

Съ этой стороны въ особенности намъ необходимо поучиться у святыхъ угодниковъ Божіихъ, и по апостолу, *подражать имъ*. Находясь постоянно на стражѣ своего спасенія и на всякомъ шагу сравнивая свою жизнь и дѣятельность съ требованіями вѣры и закона евангельскаго, они, чѣмъ больше наблюдали надъ собою, чѣмъ глубже и глубже заглядывали въ сокровеннѣйшіе тайники своего сердца и совѣсти, тѣмъ больше и больше открывали у себя недостатковъ... Не такъ, какъ мы: никого не убилъ, не укралъ, не обидѣлъ нарочито; значить, и правъ... Напротивъ святые потому и стали святыми, что одинаково считали себя отвѣтственными предъ Богомъ какъ за дѣла злыя, такъ и за слова нечистыя, и даже *праздныя*, и за сокровеннѣйшія мысли и пожеланія недостойныя. Нѣкоторые изъ нихъ на высшей степени правственнаго совершенства достигали того, что отличали даже такъ называемые *прилоги*, т. е. случайныя, мимолетныя грѣховныя прираженія въ родѣ невольнаго воспоминанія о прежнихъ грѣхахъ и т. п. Понятно, отчего такіе люди даже не могли жить безъ вѣры, какъ не могли-бы жить и мы, если-бы хоть сколько-нибудь подражали имъ. *Истина бо Божія, т. е. оправданіе въ грѣхахъ, въ рою Иисусъ Христовою во всѣхъ и на всѣхъ върующихъ. Все бо согрѣшениа и лишени суть славы Божія, оправдаемы туне благодатию Его, избавленіемъ, еже о Христѣ Иисусѣ* (Римл. III, 22. 23).

Этого еще мало, если-бы мы такъ жили, какъ святые, то ни у кого изъ насъ не было-бы этой скуки, отъ которой задыхается большинство въ средѣ такъ называемой нашей интеллигенціи, ни того бездѣлья, которое многихъ и многихъ ведетъ къ разврату и гибели, потому что сознаніе собственныхъ грѣховъ, и отсюда вытекающее безпокойство совѣсти, неминуемо вели-бы насъ къ *покаянію нераскаянному*, а покаяніе повело-бы къ вѣрѣ, вѣра-же къ сознанію тяжелой отвѣтственности за грѣхи предъ Богомъ и будущаго блаженства за жизнь святую и добродѣтельную, и все это къ дѣламъ любви и благотворенія христіанскаго и т. д. и т. д. Можетъ ли быть что-

либо выше и вождельнѣе для человѣка? Можетъ-ли быть что-либо достойнѣе насъ въ этой жизни, поколику она есть не что иное, какъ кратковременный переходъ отъ привременнаго бытія въ жизнь вѣчную, по ученію той-же вѣры, *да отъ грѣхъ избывше, правдою поживемъ, вторю, яже о Христъ Исусъ.*

Не говоримъ уже о томъ, насколько таже святая вѣра наша необходима каждому изъ насъ, чтобы, познавши тяжесть грѣха, вести жизнь богоугодную и святую. Ибо, оставляя грѣховную жизнь, намъ необходимо *облещися въ совершенно новаго чело-вѣка, созданнаго по образу и по подобію Божію*, нужно стать *новою тварью* во Христвъ. Но кто въ состояніи вложить въ насъ эти пачала новой жизни? Никакое философское убѣжденіе, какъ принято говорить и думать теперь, ни гуманность, ни заповѣдь такъ называемой разумной морали, ни обязанность самоуваженія, ни тѣмъ болѣе эгоизмъ, какъ и на счетъ его помышляютъ, ничто — ничто не поможетъ намъ въ этомъ случаѣ. Все это слишкомъ гнилыя основы, которыя рушатся обыкновенно, какъ всякому изъ насъ извѣстно, при первомъ серьезномъ напорѣ страстей и искушеній. Только Господь, своею благодатію какъ можетъ привлечь насъ къ добру, такъ и удержать на пути спасенія. *Никто же бо можетъ приити ко Мнѣ*, говоритъ Самъ Спаситель, *аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его* (Іоан. VI, 44). *Богъ бо одинъ есть дѣйствующій въ насъ и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи* (Фил. II, 13). Только въ союзѣ со Христомъ я могу получить *вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію*. Только въ качествѣ истиннаго члена Церкви Христовой я могу быть участникомъ святыхъ таинъ, установленныхъ Спасителемъ для ближайшаго усвоенія намъ благодати Божіей въ жизнь вѣчную и т. д. *Ико-же бо роза не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ*, говоритъ Господь, *тако и вы аще во Мнѣ не пребудете* (Іоан. XV, 4). Но какъ я удостоюсь милости Божіей, какъ сподоблюсь благодати, если самъ не буду желать ее, и для этого, само собою разумѣется, не буду прежде вѣрвать какъ въ виновника и источника благодати, такъ и въ самую благодать, т. е. не буду настоящимъ вѣрующимъ христіаниномъ въ полномъ смыслѣ этого слова? *Благодатію бо есте спасени чрезъ*

отру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ (Еф. II, 8). Потому, какъ нельзя болѣе справедливо, сказалъ одинъ христіанскій мудрецъ (Руссо:) „Сынъ мой, сохрани душу твою въ томъ состояніи, которое позволяетъ тебѣ желать, чтобы былъ Богъ, и ты никогда не будешь сомнѣваться въ его существованіи“.

Вы желаете вѣровать?—Такъ отъ своей частной жизни, ея задачъ и интересовъ перейдите къ жизни семейной, гражданской и общественной и размыслите, какова бываетъ она безъ вѣры, и какова есть и должна быть по вѣрѣ? Достоинно вниманія, что апостоль, описывая *последнія времена*, когда, по свидѣтельству *Духа Божія*, нравственное растлѣніе человечества должно будетъ дойти до крайней степени, между прочимъ указываетъ, что въ тѣ времена *мѣщны отступятъ отъ вѣры, внимающе духовомъ лестницѣ, погруженные въ лицемеріе и сожженные своею совѣстью*, и за симъ присовокупляетъ, что *будутъ тогда человецы родителями противящися, неблагоприятны, неправедны, нелюбовны, клеветницы, сребролюбцы, величавы, горды, хульницы, невоздержанныцы, неблаголюбцы, сластолюбцы* и т. д. Не есть ли это во многихъ отношеніяхъ копія или вѣрнѣйшій списокъ съ нравовъ нашего времени? Сколько несчастныхъ родителей все громче и громче начинаютъ жаловаться теперь на непокорность дѣтей своихъ? До чего померкли наши доблести гражданскія, что теперь нельзя прочесть ни одной газеты, чтобы не вычитать въ ней то о растратѣ общественныхъ денегъ, нерѣдко сложившихъ изъ послѣднихъ лептъ несчастныхъ вдовъ и сиротъ, то о злоупотребленіяхъ по рекрутскимъ присутствіямъ, то объ оправданіи завѣдомо явныхъ воровъ, мошенниковъ и даже убійцъ, то о зараженіи цѣлыхъ селеній любострастными болѣзнями и пр. и пр. И не мы, духовные, но сами представители свѣтской печати, наконецъ, начинаютъ открыто говорить, что все это не что иное, какъ неизбѣжное слѣдствіе крайняго упадка вѣры въ обществѣ, разврата нравственнаго и религіознаго. Къ этому припомните тѣхъ, которые еще такъ недавно шли на безбожное царубійство и предали горькой смерти лучшаго изъ царей міра сего.... Они даже предъ лицомъ смерти, законно заслуженной за свои злодѣянія, не захотѣли не

только исповѣдываться и причаститься святыхъ Таинъ, но къ всеобщему ужасу отворачивались отъ самаго креста Господня... И это у насъ, въ нашемъ православномъ русскомъ государствѣ. Что же творится тамъ, въ прославленной Европѣ, за границею? Откуда эти всѣ французскія революціи, нѣмецкіе социализмы, англо-швейцарскіе коммунизмы, и проч.—имъ же нима легіонъ—какъ не отъ паденія той же вѣры и безумнаго разрушенія всяческихъ основъ нравственности и жизни христіанской.

Если же такъ, то что другое остается намъ, какъ не обращаться съ силою къ вѣрѣ, призывая ее святую и всеовершеннѣйшую на помощь, чтобы наши чада слушали родителей своихъ о Господь, и всѣ мы были кротки, мирны, правдивы, милосердны, богобоязненны, христолюбивы, повинующеся всякому начальству человеку Господа ради, аще Царю, яко преобладающему, аще ли княземъ, яко отъ него посланнымъ, не токмо за нѣтъ, но и за соотѣсть творяще всякую святиню въ страсть Божіемъ (1. Петр. II, 13. 14), въ несомнѣнномъ убѣжденіи, которое даетъ тоже одна святая вѣра, что нѣтъ власти, аще не отъ Бога, суція же власти отъ Бога учинены суть, и иже не имѣтъ оубо осужденъ будетъ (Рим. XIII, 1. 2) и т. д. Такъ лучшіе люди въ настоящее время и начинаютъ разсуждать и поступать, даже изъ лагеря бывшихъ либераловъ и отрицателей. Тѣмъ паче должны и должны безусловно дѣйствовать такимъ образомъ мы, желающіе вѣровать, если дѣйствительно желаемъ себѣ истиннаго мира и счастья на землѣ, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.

Вы говорите, что желали-бы вѣровать, да вамъ не дается вѣра... Скажите же, приикали ли вы далѣе когда-нибудь сердцемъ и душою къ великой тайнѣ смерти, и въ особенности случалось-ли вамъ хоть разъ въ жизни стоять надъ могилою дорогаго, любимаго существа?—Вотъ земля уже готова поглотить въ свои нѣдра бранные останки покойника; тяжелыя глыбы глухо стучать о крышку гроба, и вы все еще называете усопшаго его именемъ, взываете къ нему, какъ къ живому, и съ невыразимымъ чувствомъ какого-то особеннаго примиренія и любви присоединяете свою душу и сердце къ

завѣтному гласу святой Церкви, возглашающей покойному „*отчину память*“... Поймите же, что это и есть именно голосъ вѣры, которая знаменательно пробуждается у могилы и надъ могилою у самыхъ нерѣдко закоренѣлыхъ отрицателей и заставляеть ихъ, помимо ихъ воли и сознанія, вмѣстѣ съ вѣрующими молиться о покойникѣ. Весьма поучительно во всѣхъ отношеніяхъ, что многіе изъ самыхъ искреннихъ лютеранъ и протестантовъ, не находя въ своей церкви молитвъ за усопшихъ, обращаются за такими часто къ православнымъ священникамъ, и съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и умиленія выслушиваютъ наши панихиды, когда таковыя служатся по ихъ покойникамъ. Даже эти цвѣты, эти вѣнки, которыми вы украшаете смертные останки и гробницы своихъ родныхъ и друзей,—что это такое, какъ не свидѣтельство той же вѣры, что эти люди и тамъ, за предѣлами гроба продолжаютъ бытіе свое, дорожатъ нашею о нихъ памятію, видятъ усердіе наше и утѣшаются нашею любовію къ нимъ. Иначе какое дѣло трупу до цвѣтовъ, и холодной безмолвной могилѣ до вѣнковъ? Не дѣлаютъ же этого самыя высшія животныя. За чѣмъ же дѣлать намъ, если нѣтъ будущей жизни и общенія умершихъ съ живущими на землѣ.

Помни послѣдняя твоя, и во отъки не согрѣшиши, говорилъ еще древній мудрецъ израильскій, а христіанинъ долженъ еще присоветовать къ сему: „и будешь всецѣло вѣровать въ Господа Бога“, *не какъ проіе, не имущіе упованія*. Потому что только одна вѣра въ состояніи, какъ должно, успокоить умирающаго надеждою на малосердіе и всепрощеніе Божіе; она только одна можетъ достойно приготовить насъ къ кончинѣ напутствіемъ молитвы и святыхъ Таинъ, равно какъ и самое тѣло наше предать благопристойно землѣ въ надеждѣ воскресенія и жизни будущаго вѣка.—*Аще пойду и посреди стни смертныя не убоюся зла, яко Ты, Господи, со мною еси* (Пс. XX, 4). Какъ-же не полюбить такой вѣры? Какъ не предаться ей всѣмъ существомъ, всею душею, всею крѣпостію и всѣмъ помышленіемъ своимъ?

А сколько еще частныхъ случаевъ, частныхъ, повидимому, случайныхъ обстоятельствъ каждый изъ насъ можетъ пайти въ

жизни своей для утверждёнiя въ вѣрѣ и жизни христіанской, если только, подобно святымъ, захочетъ, какъ слѣдуетъ, обращать надлежащее вниманіе на эти случаи и обстоятельства. Не говоря уже о такихъ чудесныхъ событіяхъ, какъ напр. призваніе Апостола Павла, или обращеніе Константина Великаго, нѣтъ ни одной жизни столь бѣдной на землѣ, чтобы не было въ ней путей и откровеній промысла Божіа, этихъ небесныхъ вѣстниковъ, призывающихъ насъ къ Богу и добродѣтели. Сюда относятся прежде всего разныя удивительныя стеченія обстоятельствъ, неожиданное и непредвидѣнное спасеніе отъ неминуемыхъ бѣдъ, отъ клеветы, незаслуженнаго позора и т. п. Какъ не благодарить Господа Бога за это, какъ не вѣровать въ него!!! Сего мало. Читая житія святыхъ, встрѣчаешься съ такими обстоятельствами, бывшими однако причиною обращенія многихъ изъ нихъ, что не знаешь, чему болѣе удивляться, неизслѣдимому-ли милосердію Божію, все устрояющему на службу человѣкамъ, или же этимъ людямъ, которые въ маломъ умѣли отличить многое и отъ этого малаго многому научились во спасеніе свое. Что, напримѣръ, естественнѣе и обыкновеннѣе паденія листа съ дерева? Но одинъ благочестивый мужъ былъ обращенъ и этимъ простымъ способомъ, и содѣлался святымъ. Что чаще бываетъ, какъ не паденіе волосъ съ головы? Но одинъ св. мужъ вспомнилъ при этомъ извѣстныя евангельскія слова: *оамъ же и власи главни оси изочтени суть* (Мѡ. X, 30), и эти слова такъ поразили его душу, какъ это Господь заботится и о столь малой вещи, какъ волосъ, что онъ всецѣло отдался волѣ Божіей и угодилъ Господу. Извѣстно также, что взглядъ на святыя иконы и другія священныя изображенія не менѣе благотворнымъ образомъ дѣйствуютъ на душу человѣка. Такъ, между прочимъ, картиною страшнаго суда былъ обращенъ ко Христу святой равноапостольный князь Владиміръ, а съ нимъ вмѣстѣ и вся наша святая Русь православная. Потому нельзя не пожалѣть отъ чистаго сердца, что употребленіе святыхъ иконъ все больше и больше выводитъся между нами даже въ лучшихъ домахъ, а если гдѣ еще и продолжается, то ставятся обыкновенно такія маленькія иконы, и такъ незамѣтно въ углахъ, что не только

не могутъ производить какое-либо впечатлѣніе на человѣка, но не всегда даже могутъ быть отысканы непривычнымъ глазомъ. А между тѣмъ, кто знаетъ, не отъ того-ли мы и становимся все хуже, а наипаче наши дѣти, тѣмъ больше что святыя иконы, по особенному устройенію Божию, служатъ для насъ источниками не только поученія, но и благословенія Господня. Таковое-же значеніе для насъ имѣютъ и чтеніе Слова Божія, и даже нерѣдко простой взглядъ на святое Евангеліе, случайныя встрѣчи и самыя заурядныя слова и выраженія. Такъ преподобный Венедиктъ обратилъ однажды свое вниманіе въ церкви на читаемыя слова изъ Евангелія: *аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и роздаждь нищимъ* (Мѡ. XIX, 21), и, немедленно по выходѣ изъ церкви, продавъ все, роздалъ нуждающимся и удалился въ пустыню для служенія Господеви. Одинъ Авва попался въ руки разбойниковъ, которые заставляли его пить вино. Святой повиновался, и тѣмъ обратилъ разбойниковъ къ вѣрѣ. Одинъ рабъ, будучи посылаемъ госпожею своею за мощами мучениковъ, сказалъ ей, смѣясь: „а что если вмѣсто другихъ блаженныхъ останковъ принесутъ тебѣ тѣло мое“. Потомъ пошелъ на мѣсто, гдѣ производилось истязаніе надъ христіанами, призналъ себя послѣдователемъ Христа, и будучи замученъ за Него, принесенъ былъ къ госпожѣ своей въ качествѣ святаго страстотерца Христова и т. д. и т. д.

И такимъ образомъ Господь обращается съ призваніемъ благодати не только къ частнымъ лицамъ, но и къ цѣлымъ народамъ и государствамъ. Таковы въ древности были гоненія на христіанъ, переселенія народовъ; въ новѣйшія времена — войны, какъ напр. для нашего отечества война двѣнадцатаго года, революціи разнаго рода, и въ особенности моровыя язвы и эпидемическія болѣзни. У пророка есть мѣсто, гдѣ болѣзни представляются какъ-бы просящимися у Господа, чтобы онъ отпустилъ ихъ для опустошенія вселенной. И кому не извѣстно, что какъ только эти посланицы неба являются на землѣ, цѣлыя тысячи обращаются ко Господу, чтобы испросить себѣ милость и всепрощеніе свыше. *Отъ Господа бо исправляются стопы моему; смертный-же, како уразумѣетъ пути своя? — Блюдите убо, како опасно ходите, не яко-же немудры, но яко*

же премудри, искупяюще время, яко дніе] лукави суть (Еф. V, 15. 16).

Въ заключеніе-же всего, въ какомъ-бы положеніи вы ни находились, братіе, какія-бы обстоятельства васъ ни окружали, какіе бы вопросы ни занимали васъ, если вы по истинѣ желаете вѣровать, присоединяйте ко всему всегда и вездѣ искреннѣйшую и совершеннѣйшую молитву ко Господу, *да Богъ Господа нашего Иисуса Христа, Отецъ славы, дастъ вамъ духа премудрости и откровенія въ познаніе Его*, т. е. сказать иначе, *Самъ содѣлаетъ васъ вѣрующими по дѣйствию въ васъ державы крѣпости Его. Суть бо отъ васъ нѣмыи, какъ говоритъ Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, иже не вѣрують; но сего ради, тутъ же присовокупляетъ Онъ, рещъ вамъ, яко никто-же можетъ приити ко Мнѣ, аще не будетъ ему дано отъ Отца Моего*. Потому-то еще Давидъ молился, чтобы ему дано было свыше уразумѣть словеса отъ Закона Господня. И святые апостолы, даже имѣя вѣру въ сердцѣ, но желая еще больше и крѣпче вѣровать, взывали ко Господу: *приложи намъ вѣру, какъ и несчастный отецъ, искавшій исцѣленія сына своего, на вопросъ Спасителя: вѣруешь-ли? отвѣчалъ: вѣрую Господи, помози моему неврѣю*. Не откажетъ и намъ Отецъ нашъ небесный въ нашей молитвѣ о вѣрѣ, лишь-бы только молитва эта была отъ сердца и направлена на конецъ благій. Ибо для того Онъ и посылалъ въ міръ Сына Своего единороднаго, да осямъ вѣрующій въ Онъ не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный. *Аще убо вы зми суще умѣете даяніе блага даяти чадомъ вашимъ, колми наче Отецъ вашъ небесный дастъ Духа Святаго* (Лук. XI, 13), духа вѣры, духа премудрости и разума просящимъ у Него.

Да приблизится-же молитва моя предъ Тя Господи, по словеси Твоему уразуми мя.

Могущему-же наче вся творити по преизбыточествію, иже просимъ или разумываемъ, по силѣ дѣйствующей въ насъ, Тому слава въ Церкви о Христѣ Иисусѣ во вся роды вѣка вѣковъ, Аминь (Еф. III, 21).

Протоіерей св. О. Войнацкій.

АРХІЕПИСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ.

(Продолженіе *).

Нравственность духовенства въ глазахъ Иннокентія занимала всегда самое видное мѣсто; къ преступленіямъ противъ должности и благоповеденія Иннокентій былъ очень строгъ и взыскателенъ. Особенно нетерпимо въ духовенствѣ было для него пьянство. Въ наказаніяхъ за эти преступленія онъ былъ скоръ и неумолимъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Діаконъ А—скій жаловался на своего благочиннаго, за нанесеніе ему оскорбленія дѣйствіемъ; благочинный, ссылаясь на свидѣтелей, уличалъ діакона въ клеветѣ, присовокупляя при этомъ, что онъ ведетъ слишкомъ нетрезвую жизнь. Консисторія назначила слѣдствіе. Иннокентій-же прибавилъ: „велѣть кончить скорѣе слѣдствіе; а діакону между тѣмъ воспретить священнослуженіе“.—Благочинный протоіерей В—скій донесъ, что заштатный священникъ А. Е., присланный въ слободу Петропавловку для исправленія мірскихъ требъ, предался пьянству. Резолюція: „судить по всей силѣ законовъ негоднаго священника, а протоіерея Веселовскаго вызвать ко мнѣ“. Каѳедрального собора пономарь З. Н—скій во время причащенія Иннокентіемъ святыхъ таинъ, похаживая безвременно въ алтарѣ взадъ и впередъ, произвелъ громкій стукъ „полуденною“ дверью. На рапортѣ объ этомъ благочиннаго Иннокентій написалъ: „въ присутствіи консисторіи сдѣлать опредѣленіе объ удаленіи его, Н—скаго, на село и вмѣстѣ съ тѣмъ отдать подъ надзоръ благочиннаго: ибо благочинный не разъ доносилъ на него, что вездѣ, гдѣ онъ ни бывалъ при архіерейскихъ служеніяхъ, велъ себя

не хорошо и безчинно".—Благочинный, священникъ Г. В. донесъ рапортомъ, что священникъ В. Д—въ „за наклонностію къ пьянству не можетъ показать должной исправности“. Резолюція: „запретить священнослуженіе, предать суду, вызвавъ его сюда“.—По донесенію благочиннаго, священника И. Н—скаго, такимъ-же неисправнымъ, по нетрезвости, былъ и Деркачевскій священникъ В. Ш—въ. На рапортъ благочиннаго Иннокентій написалъ: „лишивъ рясы, отправить немедленно въ Куряжскій монастырь подъ строжайшій надзоръ, а дѣло его вести надлежащимъ судомъ“. Жена Ш—на вступилась за мужа. Прося Иннокентія объ оказаніи ей помощи въ содержаніи въ Харьковскихъ училищахъ ея дѣтей, по случаю лишенія мужа ея священническаго мѣста и отсылки его съ запрещеніемъ священнослуженія въ Куряжскій монастырь, она заявила при этомъ, что болѣзнь мужа ея продолжается болѣе трехъ лѣтъ и что благочинный протоіерей И. Н—скій, „не распорядясь въ оныя годы, а дождавши окончанія сыномъ его богословскаго курса, тогда уже представилъ рапортомъ о пьянственной страсти мужа“ ея. На прошеніи ея Иннокентій положилъ однако-же такую резолюцію: „спросить о ректора (семинаріи) о поведеніи сего священника въ монастырѣ, а попадѣ въ уши, чтобы она напрасно не писала вздорнаго на благочиннаго, ибо сама-же мыѣ говорила, что не знаетъ, что дѣлать съ мужемъ и что у нихъ яко-бы и весь родъ такой“. Къ этому намъ остается только присоединить, что и дѣти Ш—на въ то время воспитывались въ училищахъ, по заявленію ректора семинаріи, на казенномъ содержаніи.—На рапортъ градскаго благочиннаго, протоіерея А. М—скаго о нетрезвости діакона Харьковской Николаевской церкви А. Т—ва, Иннокентій написалъ: „поелику сей діаконъ уже и мною самимъ замѣченъ неоднократно въ неприличномъ поведеніи и мало надежды на его исправленіе, то, лишивъ выѣшняго мѣста, выслать въ домъ архіерейскій на усмотрѣніе, а потомъ велѣть искать мѣста въ селѣ“.—Бѣловодской Николаевской церкви діаконъ І. К—скій, о которомъ мѣстный благочинный донесъ какъ о человѣкѣ нетрезваго поведенія, просилъ объ увольненіи его за штатъ и о рукоположеніи на его мѣсто во діакона сына его Авто-

нома, служившаго въ то время писцомъ въ Изюмскомъ духовномъ правленіи. Резолюція: „низведши навсегда въ причетника опредѣлить его куда-либо подалѣе отъ Бѣловодска на годъ и потомъ уже въ заштатъ, если будетъ трезвъ“. Встрѣчаются и такого рода резолюціи: „священника, отрѣшивъ отъ мѣста, предать суду по надлежащему, а благочинному строжайше внушить, чтобы онъ смотрѣлъ за своимъ дѣломъ добросовѣстно, иначе самъ будетъ отрѣшенъ отъ должности и мѣста“.—„Пьяному неучу сему велѣть искать другаго мѣста, гдѣ его приять пожелаютъ“.—„Пьянаго причетника отрѣштить отъ мѣста съ высылкою въ Харьковъ“.—„Запретить священнослуженіе, вызвать немедленно и священника и діакона (подравшихся) въ Харьковъ“. Въ селѣ Яблочномъ діаконъ Н. П—въ, будучи пьянымъ, неодѣтый, въ одной только рубахѣ и босой, танцевалъ близъ своего двора и безобразничалъ, ругаясь неприличными словами. На рапортѣ объ этомъ благочиннаго Иннокентій написалъ: „діакона П—ва велѣть выслать, немедля, въ Харьковъ, снявъ съ него рясу“. По разсмотрѣніи поступковъ этого діакона, консисторія постановила: отправить этого діакона за нетрезвость на три мѣсяца въ Старо-Харьковскій монастырь. Иннокентій не согласился съ консисторіею и написалъ такую резолюцію: „поелику это не простая нетрезвость, а соединенная съ буйствомъ, то низвести сего діакона въ причетники и опредѣлить куда-нибудь впредь до выслуги на прежній чинъ“. Пономарь П. В. просилъ о перемѣщеніи его на пономарское мѣсто изъ Протопоповки въ село Алешки. Резолюція: „отдать на семь-же мѣстѣ подъ строжайшій надзоръ благочиннаго съ тѣмъ, чтобы при первой несправности донесъ для лишенія пропитанія и сего мѣста“.—Старобѣльское духовное правленіе донесло, что Кабычипскій діаконъ И. І. самовольно отлучался въ Черкасскую епархію для торговли овцами. Резолюція: „самовольнаго діакона лишить мѣста“.—Села Влѣзскъ священникъ Д. З—въ, бывши въ архіерейскомъ домѣ на епитиміи, самовольно ушелъ изъ Харькова домой. На рапортѣ объ этомъ благочиннаго Иннокентій написалъ: „запретить священнослуженіе, лишивъ мѣста и рясы за то, что самовольно уходилъ изъ Харькова“.—Благочинный Д. донесъ Иннокентію, что ссору

между діакономъ К. З. и крестьяниномъ В. оиъ „утушилъ“. Резолюція: „къ свѣдѣнію; а діакона, какъ видно изъ сей бумаги, имѣющаго частыя сношенія съ людьми непокойными и занимающагося отдаваніемъ денегъ въ долгъ, отдать подъ особый надзоръ благочиннаго“.—Надворный совѣтникъ Жебровскій занесъ жалобу чрезъ благочиннаго и духовное правленіе на Бѣловодскаго дьячка М. Л. за нарушеніе городовыхъ постановленій и нанесеніе ему дерзостей. Резолюція: „подтвердить по всему вѣдомству Бѣловодскому, чтобы отъ мѣстныхъ городовыхъ постановленій, если они непротивузаконныя, отсутствовало никѣмъ не было. Дьячка заставить положить сто поклоновъ за то, что въ такомъ маловажномъ дѣлѣ не послушался приказанія управляющаго. Благочинному и духовному правленію сдѣлать выговоръ, что первый донесъ правленію, а послѣднее—миѣ безъ своего мнѣнія о дѣлѣ,—чѣмъ бы значительно сократилась переписка. Впредь не пускать ко миѣ бумагъ такъ безгласно“.—Правленіе семинаріи занесло жалобу на одного Харьковскаго діакона. Резолюція: „сообщить въ консисторію, чтобы она обратила вниманіе на безразсуднаго діакона В., который съ учениковъ беретъ заемныя письма и у котораго квартира служитъ притономъ бродягъ и воровъ“.—Селенія Низъ дьячекъ И. Р. просилъ о перемѣщеніи его въ слободу Чернетчину. Резолюція: „уволить въ сѣтское званіе, яко весьма не благонадежнаго къ духовному, ибо, бывши на испытаніи, оказался нетрезвъ и завелъ драку“. Села Ювсугъ священникъ М. Л., лишенный, по жалобѣ благочиннаго, мѣста, подавая протестъ въ Святѣйшій Синодъ, просилъ объ оставленіи его на мѣстѣ до распоряженія Святѣйшаго Синода и о возвращеніи товарищами его доходовъ. Резолюція: „уже оставленъ на мѣстѣ, только вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться ему здѣсь на усмотрѣніи, при Крестовой церкви, доколѣ не будетъ отпущенъ домой“.—Ключарь протоіерей М—скій и казначей іеромонахъ Діонисій донесли Иннокентію, что во время всеобщаго бдѣнія діаконъ В. Ч—цкій, пришедши въ церковь Крестовую, при окончаніи уже канона, въ нетрезвомъ видѣ, шумѣлъ на клиросѣ и безчинствовалъ, пѣлъ „необыкновеннымъ“ голосомъ, чѣмъ потревожилъ и привелъ въ соблазнъ всѣхъ присутствовавшихъ въ

церкви, а когда ему было сказано ключаремъ, чтобы онъ или вышелъ, или молчалъ, онъ не захотѣлъ послушаться и еще съ большею дерзостію производилъ шумъ. Резолюція: „такъ какъ этотъ невѣжа уже не въ первый разъ безчинствуетъ въ церкви, и всѣ мѣры, даже собственныя внушенія мои ему, остаются безъ дѣйствія, то, лишивъ мѣста при соборѣ, отправить на три мѣсяца въ Ахтырскій монастырь подъ строгій надзоръ, а потомъ, если покажетъ исправленіе, просить мѣста въ селѣ, гдѣ прихожане его пожелаютъ“.—Слободы Сѣнной священно-и церковно служители донесли своему благочинному, что исправляющій у нихъ причетническую должность, запрещенный въ священнослуженіи, діаконъ І. К—скій, „къ пьянству такъ пристрастился, что если не имѣетъ способа удовлетворять, какъ-бы хотѣлось, пьянственной своей страсти на мѣстѣ жительства своего, то, не взирая ни на что, отправляется въ Богодуховскіе хутора и тамъ, при безумномъ употребленіи горячаго вина, спрашиваетъ себѣ милостыню самымъ униженнымъ способомъ, — чѣмъ безчеститъ священнослужительскій санъ и подвергаетъ нареканію все духовенство“. Благочинный, употребивъ съ своей стороны всѣ зависѣвшія мѣры къ удержанію этого діакона отъ пьянства и увидѣвъ ихъ не-дѣйствительность, донесъ Иннокентію. Иннокентій же на рапортѣ благочиннаго написалъ: „на разсмотрѣніе консисторіи, которая имѣетъ, какъ можно скорѣе, рѣшать подобныя дѣла, дабы этотъ бродяга не сдѣлалъ чего-либо важнаго; вповноваго же лишитъ рясы и велѣтъ благочинному взять къ своей церкви подъ строгій надзоръ“.—Безмѣстный пономарь І. Ж—скій просилъ объ опредѣленіи его пономаремъ къ Ахтырской Успенской церкви. Резолюція: „уголнить въ свѣтское званіе, ибо, если въ 23 года уже пьяница, то что будетъ дальше?“...—Благочинный протоіерей Протопоповъ донесъ, что вѣдѣнія его пономарь М. П—въ, не смотря на многократныя его требованія, не представляетъ къ Иннокентію сына своего, исключеннаго изъ перваго класса Куцянскаго духовнаго училища, для опредѣленія на мѣсто. Резолюція: „попомаря за упорство отрѣшить отъ мѣста, а сына, проэкзаменовавъ, если не способенъ, уволить изъ духовнаго званія“.—Одного дьячка благочинный обвинялъ

въ нетрезвости, несправности по службѣ и въ пристрастіи къ воровству лошадей и торговли ими совмѣстно съ цыганами. Резолюція: „бездѣльника и отчаяннаго дьячка велѣть выслать съ нарочнымъ въ Харьковъ для отсылки, яко совершенно негоднаго, въ губернское правленіе“. Ключарь, протоіерей М—скій доведъ, что соборный діаконъ А. Ч—цкій въ день Пасхи, во время служенія Иннокентіемъ литургіи, былъ нѣсколько въ пьяномъ видѣ и при чтеніи Евангелія сдѣлалъ нѣкоторыя замѣшательства, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе народа и подалъ поводъ къ соблазну. Резолюція: „на сужденіе консисторіи, которая не преминетъ при семъ взять во вниманіе всѣ прежніе поступки сего діакона, коему между тѣмъ отказать отъ собора“. Одинъ Краснокутскій крестьянинъ М. В. жаловался преосвященному Иннокентію за побои, нанесенные ему безмѣстнымъ діакономъ Гр. Л—скимъ. Иннокентій поручилъ благочинному, священнику М. Л—му произвести разслѣдованіе. Къ благочинному діаконъ Л—скій явился въ пьяномъ и безобразномъ видѣ, сталъ дѣлать дерзости, вырвалъ изъ рукъ самое слѣдственное дѣло и даже грозилъ ударить палкою. На рапортѣ объ этомъ благочиннаго Иннокентій написалъ: „на разсмотрѣніе консисторіи неукоснительное, а діакону Л—му не учить болѣе въ школѣ до окончанія суда надъ нимъ и воспретить ему пошеніе рясы“.

Полное прощеніе отъ Иннокентія можно было заслужить лишь полнымъ раскаяніемъ и фактическимъ исправленіемъ своего прежняго неодобрительнаго поведенія. Села Солдатскаго (Богодуховскаго уѣзда) священникъ І. П. за пьянство и нерадѣніе по должности былъ запрещенъ въ священно-служебіи. Послѣ этого, полгода спустя, онъ вошелъ въ консисторію съ прошеніемъ о разрѣшеніи ему священнодѣйствія и о дозволеніи искатъ священническаго мѣста. Консисторія сдѣлала опредѣленіе въ его пользу. Но Иннокентій не согласился съ консисторскимъ опредѣленіемъ и написалъ на немъ слѣдующее: „оставаться ему, П—му, въ запрещеніи срокомъ, пока не послѣдуетъ рѣшительнаго исправленія, коего не видно изъ рапортовъ благочиннаго, да, кромѣ того, есть доказательство, что сей священникъ велъ себя нетрезво, посему дать ему

другое діаконское мѣсто впредь до усмотрѣнія“. Двѣ недѣли спустя этотъ же самый священникъ, ссылаясь на опредѣленіе консисторіи, снова просилъ Иннокентія—разрѣшить ему священподѣйствіе и „дать билетъ на два мѣсяца для пріисканія мѣста и взятія одобренія“. Иннокентій опять написалъ: „оставаться ему въ запрещеніи и находиться на діаконскомъ мѣстѣ до совершеннаго исправленія подъ надзоромъ благочиннаго“. Неугомонный проситель, узнавъ объ этой резолюціи, въ третій разъ вошелъ съ прошеніемъ, „по уваженію къ крайней бѣдности немалаго его семейства и твердой рѣшимости его жить трезво“,—разрѣшить ему священнослуженіе и дать какое-нибудь священническое мѣсто. Но Иннокентій не ввѣлъ его просьбѣ и написалъ такую резолюцію: „дѣлать что сказано; ибо исправленія рѣшительнаго не видно“. Не достигнувъ цѣли такимъ путемъ, священникъ П—въ избралъ другой. Не дальше, какъ чрезъ мѣсяць послѣ послѣдняго отказа, Иннокентію подала прошеніе мать П—ва, вдова-старуха, также прося о разрѣшеніи сыну ея священнослуженія и объ опредѣленіи его куда-либо на штатное священническое мѣсто. Но и просьба матери-вдовы не достигла желанной цѣли. Иннокентій положилъ такую резолюцію: „пусть запрещенный священникъ покажетъ свое исправленіе должайшимъ временемъ, а теперь еще рано судить о твердости его исправленія“.—Другой запрещенный священникъ также просилъ предоставить ему какое-либо священническое мѣсто и разрѣшить священнослуженіе, ссылаясь на то, что онъ страдаетъ совершенно безвинно, по одной лишь „злѣбѣ“ на него бывшаго его благочиннаго. Резолюція: „назначить гдѣ-нибудь причетническое мѣсто просителю, дабы не шатался, объяснивъ ему, что надобно заслужить возвращеніе прежняго званія, а не марать бумагу похвалами своей мнимой невинности, которая похожа на грязь“.

При опредѣленіи просителей на мѣста, Иннокентій былъ довольно осмотрителенъ; онъ обращалъ всегда вниманіе на то, гдѣ проситель получилъ свое образованіе, „учень или неучь“, какого поведенія, какія причины побуждаютъ его искать мѣсто, какія условія приходской жизни въ просимомъ приходѣ и т. д. Харьковской Николаевской церкви протоіерей М—скій подаль

прошеніе объ увольненіи его за штатъ. Иннокентій положилъ на его прошеніи такую резолюцію: „протоіерея М—скаго уволить по болѣзненному состоянію въ заштатъ, изъявивъ ему полную благодарность за долговременное служеніе церкви и предоставивъ обратиться за пособіемъ въ содержаніи, если онъ имѣетъ въ томъ нужду, къ попечительству о духовныхъ, а на его мѣсто перевести священника соборнаго и учителя семинаріи Л—ва, яко имѣющаго право на то, по ученому званію своему“. На это мѣсто, между прочимъ, просился и ключарь соборный, протоіерей Григорій Гнѣдичъ, ссылаясь на недостаточность получаемаго имъ отъ собора содержанія. Но Иннокентій не отпустилъ его отъ собора, написавъ на его прошеніи слѣдующее: „служеніе о. протоіерея Григорія Гнѣдича весьма нужно для собора; посему предложить ему остаться при соборѣ, а объ улучшеніи способа къ содержанію его имѣетъ быть приложено надлежащее попеченіе“. Харьковского городского Успенскаго собора протоіерей І. П—въ просилъ о переводѣ его настоятелемъ къ ново-открытому Благовѣщенскому градскому собору съ надеждою занятія при 2-ой Харьковской гимназійи законоучительской должности и настоятельскаго мѣста, по устроеніи при этой гимназійи церкви. Соглашаясь на эту просьбу, Иннокентій написалъ: „опредѣлить просителя настоятелемъ будущаго Благовѣщенскаго собора, съ надеждою, высказанною имъ на предполагаемое законоучительство, такъ какъ по мѣсту его служительства и новаго служенія, равно и способности его, яко магистра богословія, онъ имѣетъ ближайшее на то право“.—Учитель 2-го класса Купянскаго духовнаго приходскаго училища, М. Т—скій просилъ предоставить ему священническое мѣсто при Харьковской Христо-Рождественской церкви. Резолюція: „представить свидѣтельство семинарское объ ученіи, а между тѣмъ мѣсто сіе предложить профессорамъ семинаріи“.—Когда уволился за штатъ кафедральный протоіерей Аонасій Могилевскій, Иннокентій предписалъ консисторіи предложить это мѣсто профессору богословія при Харьковскомъ Императорскомъ университетѣ и домовою при немъ церковью, протоіерею Іоанну Зимину. Протоіерей Зиминъ, находя это перемѣщеніе въ матеріальномъ отношеніи для себя невыгод-

нымъ, отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія. Такимъ отказомъ Иннокентій остался очень недоволенъ и на опредѣленіи консисторіи по этому дѣлу написалъ: „отъ такого почтеннаго протоіерея, каковъ о. Іоаннъ Зиминъ, ожидалось болѣе основательности и менѣе расчетовъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о пользѣ общей. Впрочемъ, святое мѣсто и безъ него не будетъ пусто“.—Села Зориковки священникъ С. П—въ просилъ Иннокентія объ увольненіи его за штатъ по старости лѣтъ и слабости здоровья съ дозволеніемъ для спасенія души приступать къ священнослуженію и о перемѣщеніи на его мѣсто племянника его, слободы Цареборисовой священника М. Л—скаго. На прошеніи этомъ Иннокентій написалъ: „уволить въ за-штатъ, изъявивъ благодарность отъ лица святаго церкви за долговременное служеніе ей, съ правомъ ношенія набедренника“.—Села Гречаниковки, Ахтырскаго уѣзда, священникъ Ѳ. Л—скій просилъ о перемѣщеніи его въ слободу Хухру. Резолюція: „довольно и настоящаго мѣста, яко не доучившемуся“.—Села Лихачевки священникъ Л. З—скій просилъ о перемѣщеніи его въ слободу Береку. Резолюція: „проситель не стоитъ по своему образованію лучшаго мѣста“.—Подобную-же резолюцію положилъ Иннокентій и на прошеніи, слободы Комаровки, діакона К. Д—скаго о предоставленіи ему діаконскаго мѣста въ слободѣ Рубежной: „просимое мѣсто будетъ занято; просителю, яко необучавшемуся въ школахъ, достаточно быть на своемъ мѣстѣ“.—Села Капитольскаго священникъ С. С—кій просилъ перемѣстить его на мѣсто умершаго отца его къ Изюмской Крестовоздвиженской церкви. Резолюція: „слава Богу, что имѣешь и такое мѣсто, какое имѣешь“.—Въ слободу Козинку просился на мѣсто священника одинъ діаконъ. Резолюція: „предложить мѣсто сіе семинаристамъ, такъ какъ тамъ есть раскольники“.—Священникъ В. К—скій просилъ о перемѣщеніи его къ новостроющейся Харьковской владбищенской церкви. Резолюція: „проситься внѣ Харькова и не марать напрасно бумаги“.—Села Охочей діаконъ П. С—чъ, которому за нетрезвость предписано было выйти въ другое село, просилъ объ оставленіи его на прежнемъ мѣстѣ. Резолюція: „за неодобри-

тельное поведеніе нельзя ему быть тамъ, гдѣ раскольники; опредѣлить его на другое мѣсто“.—Священникъ М. Е—цкій просилъ опредѣлить его на священническое мѣсто въ село Волоховку. Резолюція: „на такое мѣсто надобно священника, незамѣченнаго ни въ чемъ, для изглажденія соблазна отъ поведенія священника, удаленнаго съ сего прихода; предложить сіе мѣсто желающимъ изъ священниковъ или семинаристовъ“. Получивъ отказъ на это мѣсто, священникъ М. Е—цкій подалъ прошеніе о предоставленіи ему священническаго мѣста въ селѣ Тополяхъ Купянскаго уѣзда. Иннокентій опять отказалъ, положивъ такую резолюцію: „былъ тамъ плохой, да еще послать сомнительнаго? Пріискать мѣсто двуштатное, какъ сказано“.—Слободы Сороковки священникъ А. К—скій просилъ объ увольненіи его за штатъ и о перемѣщеніи на его мѣсто роднаго сына его, села Водянаго священника І. К—скаго, для призрѣнія его при старости. Резолюція: „въ Сороковкѣ необходимъ отличный священникъ по причинѣ раскола, тамъ гнѣздящагося,—почему, уволивъ за штатъ просителя, предложить то мѣсто священникамъ желающимъ или семинаристамъ лучшимъ“.—Окончившій курсъ семинарскихъ наукъ, студентъ П. Д—скій просилъ зачислить за нимъ священническое мѣсто въ селѣ Михайловкѣ Лебединскаго уѣзда и выдать на жительство билетъ. На прошеніи его Иннокентій написалъ: „поелику въ томъ селѣ нужно быть вмѣстѣ и учителемъ въ помещичьей школѣ, то предварительно согласиться съ помещикомъ на счетъ сего предмета, чтобы не вышло послѣ недоразумѣнія“.—Прихожане слободы Городнаго Николаевской церкви, помещики и казенные крестьяне, просили Иннокентія о посвященіи къ ихъ церкви во священника мѣстнаго дьячка С. К—ча. Резолюція: „предложить мѣсто семинаристамъ; а просителямъ объявить, что дьячка нельзя по правиламъ производить во священника“.—Селенія Приволья Изюмскаго уѣзда священникъ В. К—въ просилъ о перемѣщеніи его въ слободу Деркачи. Резолюція: „предложить это мѣсто семинаристамъ перваго разряда“.—Слободы Котельвы Николаевской церкви діаконъ І. Д—скій просилъ произвести его во священника въ той же слободѣ къ Покровской церкви, такъ какъ онъ

за женою своею получили, по отказу покойнаго тестя, его домъ, состоящій въ слободѣ Котельвѣ въ приходѣ, именно Покровской церкви, съ усадьбою и часть лѣса, оберегать который онъ не находитъ лучшаго средства, какъ находясь при Покровской церкви священникомъ. На этомъ прошеніи Иннокентій положилъ такую резолюцію: „къ невеликой цѣли слишкомъ большое и незаконное избрано средство“.—За неодобрительное поведеніе діакону К—му, послѣ исполненія имъ епитиміи, предоставлено было право просить штатное діаконое мѣсто, но лишь внѣ предѣловъ Зміевского уѣзда. Тѣмъ не мене діакопъ К—скій подалъ Иннокентію прошеніе о предоставленіи ему діаконскаго мѣста въ с. Звѣздахъ Зміевского уѣзда, но получилъ свое прошеніе назадъ съ такою резолюцію: „вѣдь сказано: пріискать мѣсто внѣ Зміевского уѣзда; зачѣмъ же добиваться, чего не должно? Слушать, что приказано“...

Не любилъ Иннокентій, когда являлись къ нему, такъ сказать, искатели „живаго“ мѣста. Студентъ семинаріи В. А—въ просилъ предоставить ему священническое мѣсто въ с. Бѣлокурашиной, которое занималъ болѣе двухъ лѣтъ болѣвшій протоіерей П—въ. Иннокентій отказалъ семинаристу въ этой просьбѣ, написавъ такую резолюцію: „больной можетъ выздороветь“.—С. Бахмутовки Старобѣльскаго уѣзда пономарь А. Л—въ просилъ предоставить ему въ той же слободѣ дьячковское мѣсто, „занимаемое шестидесятилѣтнимъ и въ опасной болѣзни находящимся“ дьячкомъ Т. Г—вымъ, который, по его словамъ, совершенно не могъ исполнять уже своей должности. Резолюція: „грѣшно проситься мальчишкѣ на мѣсто живаго и добраго старца“.—С. Карасевки Харьковскаго уѣзда священникъ Г. Д—въ просилъ о перемѣщеніи его въ село Ново-Осинову Купянскаго уѣзда для поддержанія сиротствующаго семейства его тещи. Резолюція: „объявить, когда явится проситель, что подобнымъ искательствомъ чужаго мѣста онъ вселяетъ невыгодныя попятія о своемъ характерѣ“...

Не долюбивалъ Иннокентій и частыхъ перемѣщеній съ одного мѣста на другое. Ахтырскій іеромонахъ Амвросій просилъ перевести его изъ Ахтырскаго монастыря въ Куряж-

скій. На прошеніи его Иннокентій написалъ: „оставаться тамъ, гдѣ есть: ибо при постриженіи клялся именемъ Божиимъ не оставлять монастыря безъ воли пастытеля“.—С. Николаевки Сумскаго уѣзда стихарный дьячекъ П. Л — цкій просилъ о рукоположеніи его въ діакона въ с. Краснополье Ахтырскаго уѣзда. Резолюція: „недавно еще и въ стихарь посвященъ, — жить на своемъ мѣстѣ“.—Дьячекъ Я. К — скій просилъ о перемѣщеніи его изъ слободы Будилокъ въ с. Станичное. Резолюція: „и безъ того много ходилъ съ мѣста на мѣсто, да притомъ и леучь, за сына же взыскать половину денегъ и отослать въ семинарское правленіе“. С.—Малыжиной дьячекъ С. С — кій просилъ о перемѣщеніи его въ с. Малую Писаревку на дьячковское мѣсто. Резолюція: „скоро положится жалованье, — оставаться гдѣ былъ“.

Не мало раздражало Иннокентія и то, когда получивъ просимое мѣсто, тотъ или другой проситель чрезъ нѣсколько времени находилъ его для себя невыгоднымъ и отказывался отъ него, ссылаясь обыкновенно на свое легкомысліе. Возвращая мѣсто снова, Иннокентій однакоже рѣдко оставлялъ просителя ненаказаннымъ. С. Березовки священникъ Г. К — вь просилъ снова о переводѣ его на старое мѣсто въ с. Славгородокъ, соглашаясь даже поступить на діаконскую вакансію, такъ какъ на предоставленномъ ему штатномъ священническомъ мѣстѣ въ с. Березовкѣ совершенно „нечѣмъ жить“. На этомъ прошеніи Иннокентій написалъ: „а кто-же виноватъ? Вѣдь самъ просился. Ради того, чтобы прихожане не оставались безъ служенія въ постъ и на свѣтлый праздникъ, дозволить совершать богослуженіе, а потомъ въ свое мѣсто“.—С. Безгиновки Старобѣльскаго уѣзда стихарный пономарь В. Д — чь, вопреки прежней своей просьбѣ, просилъ объ оставленіи его на прежнемъ мѣстѣ, не перемѣщая въ сл. Архангельскую на мѣсто больного, уволеннаго въ за-штатъ отца его, такъ какъ на занимаемомъ имъ мѣстѣ онъ удобнѣе можетъ помогать своему отцу и маленькимъ братьямъ. Резолюція: „оставить; но за легкомысліе велѣть положить сто поклоновъ въ Старобѣльскомъ соборѣ“.—С. Райгородка Старобѣльскаго уѣзда, дьячекъ Г. П — вь просилъ оставить его на занимаемомъ имъ мѣстѣ, не

увольняя его въ Екатеринославскую губернію, такъ какъ прежнее свое намѣреніе оиъ отмѣняетъ по своему болѣзненному состоянію. Резолюція: „если мѣсто еще не занято, то оставить на семь мѣстѣ, велѣвъ за легкомысліе положить 200 поклоновъ“.—Сумской соборный дьячекъ А. С—кій просилъ объ оставленіи его на прежнемъ мѣстѣ въ с. Лютовкѣ Богодуховскаго уѣзда. Резолюція: „за неосновательную прежнюю просьбу взискать рубль серебромъ на сиротъ, а на мѣстѣ по желанію оставить“.

Зачисленіе мѣстъ за дѣвцами-сиротами, практиковавшееся всегда среди духовенства, Иннокентію казалось дѣломъ довольно страннымъ, какъ страннымъ казались ему и просьбы не окончившихъ еще курсъ семинаристовъ о зачисленіи за ними священническихъ мѣстъ. Вдова-дьячиха А. Г—ва просила Иннокентія зачислить за дочерью ея, дѣвицею Еленою, дьячковское мѣсто въ с. Рябушкахъ, оставшееся празднымъ послѣ смерти мужа ея, впродъ до пріискавія жениха съ выдачею половинной части доходовъ. На прошеніи ея Иннокентій написалъ: „что за прошеніе—дѣлать дѣвицъ дьячками?“.—С. Злодѣевки Ахтырскаго уѣзда священникъ А. П—скій просилъ о дозволеніи ему поступить въ монашество въ Ахтырскій Свято-Троицкій монастырь, а мѣсто его „предоставить дочери его дѣвицѣ, въ замужествѣ уже поснѣвшей, съ тѣмъ чтобы до выхода ея въ замужество, дозволено было ему находиться на мѣстѣ, исправлять мірскія требы и отправлять священнослуженіе“.—Резолюція: „глупая просьба—предоставлять за дѣвкою мѣсто священника. Уволить просителя, а касательно невѣсты съ уступкою дома дать знать окончившимъ курсъ семинаристамъ“.—Слободы Боровской Старобѣльскаго уѣзда священникъ Г. Б—въ просилъ о перемѣщеніи сына его с. Евсуга, діакона Е. Б—ва, на мѣсто, находящагося при Боровской Николаевской церкви, діакона В. П—ва, а его перевести на мѣсто сына его въ Евсугъ, и дозволить ему пріискать жениха для дочери, окончившаго курсъ семинарскаго ученія, который-бы могъ занять его священническое мѣсто. Резолюція: „проситель воображаетъ слишкомъ много о своихъ правахъ, коихъ на дѣлѣ нѣту, исключая слѣпоты. Уволить его за штатъ, а сына обязать содержать его;

тѣмъ-же, кто получить мѣсто, предложить дочь просителю въ невѣсту“.—Ученикъ высшаго отдѣленія Харьковской духовной семинаріи И. М—въ просилъ о зачисленіи за нимъ празднаго священническаго мѣста въ с. Ново-Александровкѣ. Резолюція: „внушить просителю не варить каши, не доставъ прежде воды и крупъ“. Только въ уваженіе какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ, Иннокентій зачислялъ мѣста за „богословами“, не окончившими еще курса въ семинаріи. Такъ, по просьбѣ прихожанъ Воскресенской церкви с. Новой Водолаги, оуъ зачислилъ праздное священническое мѣсто за ученикомъ высшаго отдѣленія Харьковской духовной семинаріи, В. Б—скимъ, написавъ, впрочемъ, такую резолюцію: „зачислить, съ тѣмъ чтобы половину доходовъ съ мѣста до времени поступленія, отдавать семейству Ходскихъ и чтобы зачислившійся учился хорошо, иначе будетъ лишенъ мѣста“.—Такъ какъ воспитанники семинаріи, зачисливъ за собою мѣста, часто не оправдывали себя своимъ ученіемъ или поведеніемъ, то Иннокентій обѣщаль мѣста только тѣмъ, которые могли представить ручательство за себя отъ семинарскаго начальства. Ученикъ средняго отдѣленія семинаріи С. С—въ просилъ зачислить за нимъ діаконское мѣсто въ слободѣ Ворожбѣ съ полученіемъ доходовъ. Резолюція: „потребовать отъ семинарскаго правленія свѣдѣнія о семь ученикѣ и дабы оно воспретило ученикамъ подавать просьбы безъ засвидѣтельствованія о просителѣ семинарскимъ начальствомъ во избѣжаніе переписки и справокъ“.

Не любилъ Иннокентій, когда духовенство, оставивъ свое мѣстожителство, по его выраженію, „предавалось странствіямъ“ или „таскалось“ по разнымъ мѣстамъ, хотя въ прошеніяхъ объ отпускѣ указывались обыкновенно самыя „благовидныя“ побужденія: „поклоненіе святымъ мѣстамъ“, „поклоненіе святымъ угодникамъ“, „посѣщеніе родственниковъ“ и т. п. Состоявшій въ числѣ братіи Свято-Троицкаго Ахтырскаго монастыря, діаконъ Д. З—скій просилъ о выдачѣ ему паспорта на проѣздъ въ Кіевъ для поклоненія мощамъ угодниковъ Божіихъ. Иннокентій не отпустилъ его, положивъ при этомъ такую резолюцію: „и такъ много поднялось съ своихъ мѣстъ въ Кіевъ (для поклоненія мощамъ угодниковъ); удержать до слѣдующаго го-

да".—Низведенный въ причетническую должность священникъ М. П—въ просилъ отпустить его домой въ с. Охочую срокомъ на одну недѣлю. Резолюція: „отпустить дня на три не болѣе, предписавъ тамошнему священнику, чтобы онъ былъ немедленно высланъ къ благочинному, если опять забезумствуетъ отъ водки по прежнему".—Харьковской Троицкой церкви пономарь П. Ж—скій просилъ о выдачѣ ему паспорта въ г. Кіевъ для поклоненія святымъ мощамъ и свиданія съ матерью срокомъ на два мѣсяца. Иннокентій написалъ: „уволить съ тѣмъ, чтобы тамъ на родинѣ и остался".—Г. Изюма Николаевской церкви пономарь Л. Θ—скій просилъ о выдачѣ ему паспорта на два мѣсяца для проѣзда въ г. Екатеринославль для свиданія съ родными. Резолюція: „отпустить, если проситель ведетъ себя хорошо, ненуженъ для церкви и укажетъ, кто родственники".—На прошеніи послушника Куряжскаго монастыря Порфирія А—ва объ увольненіи его въ г. Кіевъ, срокомъ на три мѣсяца для поклоненія угодникамъ Божиимъ, Иннокентій написалъ: „дать билетъ для возвращенія на родину и никуда болѣе".—Вдова-дьячиха И. В—вапросила о выдачѣ ей паспорта въ г. Кіевъ для поклоненія святымъ угодникамъ. Иннокентій написалъ на ея прошеніи такую резолюцію: „молиться и сидѣть болѣе дома, да не оставлять дочери безъ призора одной, иначе прекращено будетъ пособіе изъ попечительства".—Впрочемъ, на прошеніи протоіерея Харьковской Михайловской церкви о дозволеніи ему получить паспортъ на 15 дней для свободного проѣзда въ г. Воронежъ на поклоненіе мощамъ святаго Митрофана, Иннокентій положилъ и такую резолюцію: „съ Богомъ!"

Честь и доброе имя духовенства для Иннокентія всегда составляли одну изъ главныхъ его заботъ. Съ этою цѣлію онъ даже далъ консисторіи предложеніе о томъ, чтобы въ домахъ вдовыхъ священно-церковно-служителей ни въ какомъ случаѣ не проживали постороннія лица женскаго пола, которыя могли бы дать поводъ набросить подозрѣніе на нравственность самихъ хозяевъ; благочинные обязаны были доносить, если гдѣ это распоряженіе не соблюдалось во всей строгости, и виновный всегда подвергался заслуженному наказанію. Между про-

чимъ, во исполненіе этого распоряженія, благочинный протоіерей П. Н—скій доведъ Иннокентію, что въ округѣ его проживаютъ „села Удъ у вдоваго священника Н. Н—ча, помѣщичья крестьянка престарѣлыхъ лѣтъ и крестьянинъ съ женою своею; у діакона того-же селенія А. Р—скаго таковая-же крестьянка престарѣлая, да слободы Черкасской Лозовой у священника Т. П—скаго племянница, дочь родной сестры его, казенная крестьянка, покрытая дѣвка молодыхъ лѣтъ“. На этомъ рапортѣ Иннокентій написалъ: „велѣть удалить покрытую дѣвку изъ дома священника немедленно, а за то, что держитъ ее и самъ подавалъ поводъ къ соблазну, вызвать его на усмотрѣніе въ домъ архіерейскій“.

Понятно послѣ этого, насколько непріятны были для Иннокентія всякія ссоры и дразги, кляузы и тяжбы, по мнѣнію Иннокентія, только порочившія духовенство. Два брата, дячекъ и пономарь, поссорились между собою; первый требовалъ отъ втораго „отдать принадлежащую ему по завѣщанію матери ихъ хату“. Дѣло дошло до Иннокентія. Иннокентій предписалъ благочинному примирить ихъ и прекратить ссору. Послѣ устраненія нѣкоторыхъ затрудненій, благочинному, наконецъ, удалось примирить ихъ и взять подписку, что они не будутъ болѣе „утруждать начальства“. На этомъ рапортѣ благочиннаго Иннокентій написалъ: „въ архивъ дѣло, а ссорившимся объявить, что при возобновленіи ссоры оба лишены будутъ своихъ мѣстъ“.—Священническая вдова, М. В—ская жаловалась Иннокентію на своего зятя, с. Сибѣнова-Кута священника Н. Л—ва, и его жену, а свою дочь, за то, что „они не дѣлаютъ ей сыновяго почтенія“. Когда, по порученію Иннокентія, мѣстнымъ благочиннымъ было произведено уже слѣдствіе по этой жалобѣ, вдова В—ская подала Иннокентію, такъ называвшееся тогда, „мировое прошеніе“ прежнюю ея жалобу на зятя и дочь считать „ничтожною“, въ надеждѣ, что на будущее время они будутъ къ ней болѣе почтительными. На этомъ прошевіи Иннокентій написалъ: „не стоило столько людей тревожить ради сихъ безразсудцевъ. Скорѣе вывести изъ сего села священника Л—ва, яко опороченнаго дѣломъ“. — Благочинный протоіерей П. Ходской доведъ Иннокентію „о немн-

ролюбивомъ свойствѣ въ характерѣ священника І. О—ва и объ отобраніи отъ него подписки жить впредь миролюбиво". На рапортѣ благочиннаго Иннокентій написалъ: „внушить священнику О—ву, чтобы онъ избѣгалъ всѣхъ поводовъ къ худому мнѣнію о немъ, тѣмъ паче, что начальство хочетъ имѣть въ немъ отличную надежду".—Въ селѣ Пересѣчномъ священникъ Д. уволился за-штатъ; между тѣмъ прихожане, уважая старика, подали Иннокентію прошеніе, въ которомъ, высказывая свое нежеланіе причисляться въ приходъ другаго священника и указывая причины такого нежеланія своего, довольно не выгодныя для чести священника, просили объ оставленіи при ихъ церкви навсегда штатнымъ священникомъ уволившагося уже за-штатъ. На этомъ прошеніи Иннокентій положилъ резолюцію: „во избѣжаніе возникшихъ распрей оставаться обоимъ священникамъ по прежнему, ибо уволившійся за-штатъ еще можетъ служить".—С. Ольшаной заштатный священникъ Т. Р—скій жаловался Иннокентію, что мѣстный приходскій священникъ В. К—скій и жена его взяли у него во время его болѣзни 2,700 р. асс. денегъ. Иннокентій предписалъ вызвать въ Харьковъ и истца и отвѣтника. Испугавшись предстоящаго свиданія съ Иннокентіемъ, виновные возвратили просителю всѣ деньги сполна,—о чемъ послѣдній и увѣдомилъ преосвященнаго, прося его оставить дѣло „безъ всякаго дальнѣйшаго производства" и не вызывая его, старика, въ Харьковъ. Иннокентій написалъ: „за безпокойство напрасное начальства и свою неосновательность опенять 10 руб. серебромъ на вдовъ и сиротъ".—С. Трехъизбянской священникъ В. С—въ допесъ Иннокентію, что діаконъ П. К—скій и другой священникъ А. А—въ „учинили въ его домѣ драку" по довольно грязному поводу. Находя этотъ доносъ несправедливымъ, діаконъ К—скій просилъ произвести формальное слѣдствіе. По этому случаю Иннокентій написалъ такую резолюцію: „подобныя слѣдствія ведутъ къ безчестію духовенства; посему препоручить о. протоіерею Чернякову секретно дознать истину происшествія съ причинами его, а священнику обвиняемому (о. А—ву) велѣть исцѣлять другаго мѣста".—По поводу тяжбы двухъ священниковъ одного села Иннокентій предписалъ консисторіи „велѣть

благочинному умирить тяжбу“.—На кляузномъ прошеніи одного священника Иннокентій написалъ: „о. благочинный имѣеть вникнуть въ это дѣло и кончить его, если можно, миромъ, съ возвращеніемъ сей бумаги, въ противномъ случаѣ рапортовать съ мнѣніемъ своимъ“.—Не малое удовольствіе доставляло Иннокентію, когда дѣйствительно благочиннымъ удавалось домашнимъ образомъ прекращать вражду тяжущихся. На одномъ рапортѣ такого рода онъ написалъ: „спасибо! однимъ споромъ меньше!“ На другомъ: „блаженни миротворцы!“...

Заботясь о возвышеніи духовенства въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, Иннокентій старался не мало также и о томъ, чтобы оно имѣло всегда приличный и самый виѣшній видъ. Съ этою цѣлію онъ далъ консисторіи такое предложеніе: „замѣчено мною, что священно-и-церковно-служители Харьковской епархіи употребляютъ неприличную званію ихъ одежду и носятъ на головѣ даже лѣтомъ безобразныя шапки и ермолки, что служитъ къ униженію ихъ сана. Посему консисторія имѣеть предписать благочиннымъ, чтобы такой безпорядокъ былъ прекращенъ единожды и навсегда подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, строгаго взыскапія“ *). Тоже самое Иннокентій всегда преслѣдовалъ и частнымъ образомъ. Зміевское духовное правленіе выслало въ Харьковъ, состоявшаго въ селѣ Гомольчѣ на діаконской вакансіи, священника І. С—каго, представляя его къ утвержденію штатнымъ свя-

*) Это распоряженіе напоминаетъ намъ одно изъ распоряженій, управлявшаго также некогда почти всею нынѣшнею Харьковскою епархіею, Вѣлградскаго епископа, Θεоктиста. 6-го сентября 1796 года Θεоктистъ далъ въ Вѣлградскую консисторію слѣдующее *предписаніе*: „Въ бытность мою Волчанской округи въ слободѣ Михайловкѣ, Бекарюкова-гожь, явился ко мнѣ въ дому тамошнемъ господскомъ, при собраніи многихъ благородныхъ гостей, той же округи села Нижегольска священникъ Николай Андриевскій съ заплетенными волосами. Того ради послать во всѣ духовныя правленія указы съ предписаніемъ, чтобы священно-и-церковно-служители не только въ господскіе, но и простыя приходскіе дома, равно какъ и въ города, а паче въ святыя церкви съ заплетенными волосами и не въ пристойномъ одѣяніи и обуви не входили; притомъ и другія къ благообразію священно-и-церковно-служительскаго чина обстоятельства въ тѣхъ же указахъ означить для всенепремѣннаго исполненія, а ежели гдѣ въ припадѣ церковномъ послѣдуетъ какая-либо неблагопристойность и соблазнъ отъ какихъ-либо причинъ, а паче отъ пьянства и ссоры и драки, то дѣятоначальникамъ, благочиннымъ и духовнымъ правленіямъ всякую неблагопристойность и соблазнъ въ

щенникомъ въ той же самой слободѣ. На рапортѣ правленія Иннокентій написалъ: „утвердить на мѣстѣ, обязавъ подпискою, чтобы одѣвался прилично своему званію“.— Впрочемъ, такихъ подписокъ въ архивѣ Харьковской духовной консисторіи хранится не одинъ десятокъ.

Не менѣе старался Иннокентій также и о томъ, чтобы урегулировать отношенія членовъ причта между собою, и преимущественно ему хотѣлось достигнуть этого относительно правильнаго и безобиднаго раздѣла причтовыхъ доходовъ. Съ этою, именно, цѣлію онъ далъ консисторіи предложеніе, которымъ, „для предотвращенія споровъ о раздѣлѣ доходовъ между церковнослужителями, для отклоненія разныхъ со стороны прихожанъ жалобъ въ вымогательствѣ, а равно и для узнаванія, въ какомъ состояніи находится каждый приходъ въ отношеніи къ доходамъ причта“, консисторія обязывалась „предписать, чтобы при каждой церкви, по примѣру другихъ епархій, заведена была тетрадь съ обозначеніемъ полученныхъ всѣхъ доходовъ за требы и поминовенія, и чтобы въ клировыхъ вѣдомостяхъ была показываема сложность годовыхъ доходовъ какъ денежнаго, такъ и произведеніями съ земель церковныхъ по цѣнамъ на нихъ существующимъ“. Неисполнители этого распоряженія подвергались всегда весьма строгому наказанію. Однажды (это было весною 1844 года), при обзорѣ епархіи, въ слободѣ Долгинькой Изюмскаго уѣзда Иннокентій

причтъ церковномъ прекращать и искоренять и во всемъ по благочиннической инструкціи поступать и во всякомъ соблазнительномъ поступкѣ церковнаго причта представлять мнѣ отъ духовныхъ правленій съ мнѣніемъ“.— Консисторія къ этому предписанію прибавила еще съ своей стороны, „чтобы священно-и-церковнослужители ничего не только соблазнительнаго, но и непристойнаго не говорили, а паче бесѣды свои имѣли бы отъ слова Божія къ утвержденію нравы своея въ чистотѣ и благочестивомъ житіи“.— Двумя днями раньше (именно 4-го сентября 1796 года) тотъ же Θεоктистъ писалъ Изюмскому духовному правленію: „Когда его Высокопревосходительство Харьковскаго и Воронежскаго намѣстничества правящій должность генераль-губернатора, господинъ генераль-поручикъ и кавалеръ Андрей Яковлевичъ Леванюковъ изволить объѣзжать города в округи, то вездѣ священно-и-церковнослужители были бы въ хорошемъ порядкѣ и прилично одѣты, чинили-бы Кго Высокопревосходительству поздравленія съ благополучнымъ прибытіемъ и препоручали-бы себя въ милость и покровительство; изъ ученыхъ же могутъ и прѣвѣтствіе сказать краткое и приличное въ пристойномъ мѣстѣ и въ свободное время и о послѣдствіяхъ рапортовать намъ“.

нашелъ, что причтъ не имѣеть „кружечныхъ доходныхъ книжекъ“. Обоимъ тамошнимъ священникамъ онъ тотъ-часъ-же воспретилъ священнослуженіе. И когда впослѣдствіи мѣстный благочинный донесъ, что такія книжки уже заведены и представлены ему и что раздѣлъ братскихъ доходовъ ведется надлежащимъ образомъ, Иннокентій не сразу разрѣшилъ виновнымъ священнослуженіе, но предварительно велѣлъ „немедленно“ выслать ихъ въ Харьковъ и отпустить ихъ домой лишь послѣ „должнаго внушенія и испытанія при архіерейскомъ домѣ“. До Иннокентія причты Харьковской епархіи дѣлили между собою доходы такъ, гдѣ какъ было „введено обычаемъ“, „существовало издавна“; вслѣдствіе этого между приходскими священно-и-церковно-служителями происходили частыя непріятности и ссоры. Въ августъ мѣсяць 1842 года настоятель Харьковского градекаго Успенскаго собора, протоіерей Антоновскій представилъ въ консисторію проектъ кружечнаго раздѣла причтовыхъ доходовъ. Консисторія постановила: сдѣлать по этому поводу запросъ о согласіи другихъ членовъ причта. Но Иннокентій не согласился съ этимъ постановленіемъ и положилъ слѣдующую резолюцію: „консисторія, независимо отъ чьего-либо согласія или несогласія, имѣеть составить примѣрный раздѣлъ денегъ для всѣхъ причтовъ и представить миѣ на утвержденіе, равно велѣтъ по всѣмъ церквамъ завести кружки, дабы положить конецъ спорамъ о недѣляхъ и дняхъ выгоднѣйшихъ“. Вслѣдствіе этого, три года спустя, именно въ 1845 году Харьковскою духовною консисторіею были составлены особыя правила для раздѣла причтовыхъ доходовъ, по которымъ доходы эти дѣлились такимъ образомъ: гдѣ одинъ священникъ съ двумя причетниками, тамъ изъ рубля священникъ получалъ 68 к., дьячекъ 20 коп. и пономарь 12 коп.; гдѣ одинъ священникъ съ діакономъ и двумя причетниками, тамъ священникъ получалъ 50 коп., діаконы 25 коп., дьячекъ 15 коп. и пономарь 10 коп. и т. д. При соборахъ доходы дѣлились такимъ образомъ: протоіерей получалъ 22 коп., священникъ 18 к., діаконы по 8¹/₂ к. дьячки—по 6 к., пономари—по 4 к., а звонари—по 2¹/₂ к. При этомъ, консисторія постановила, чтобы, „при двухштатныхъ и трехштатныхъ церквахъ, священники отправляли

священно-служеніе поседмично и получаемыми на каждой седмицѣ доходами дѣлились каждый съ своимъ причтомъ во избѣжаніе неудовольствій, исключая только исповѣдныя и проскомидныя деньги, изъ коихъ первыя должны принадлежать священнику за трудъ его одному исключительно, а послѣднія—ему съ діакономъ“.—Иннокентій, впрочемъ, не согласился съ постановленіемъ консисторіи относительно того, кому должны принадлежать проскомидныя деньги и на поляхъ консисторскаго журвала добавилъ: „и причетныямы, кои въ это время читаютъ часы и безъ коихъ нельзя служить обѣдни“.—Вымогательства за требоисправленія Иннокентій преслѣдовалъ также довольно строго и „неукоснительно“. Благочинный 3-го округа Старобѣльскаго уѣзда, протоіерей А. Б—въ донесъ Иннокентію рапортомъ о жалобѣ, занесенной ему коннозаводскими крестьянами М. П—комъ и А. Б—комъ на своего приходскаго священника Л. Т—скаго, который съ перваго за повѣнчаніе брата его Ігната требовалъ „на одного себя“ 16 р. сер., а со втораго за повѣнчаніе сына его Павла взялъ также въ пользу лишь одного себя 11 р. сер., при чемъ благочинный добавилъ, что, при всѣхъ его настояніяхъ, священникъ Т—скій не захотѣлъ все-таки вѣнчать П—ка, „хотя бракъ его несомнителенъ и троекратно оглашенъ уже въ церкви“. На этомъ рапортѣ Иннокентій написалъ: „священника Т—скаго, и прежде замѣченнаго въ разныхъ проступкахъ, отрѣшить отъ пастоящаго мѣста и предать суду по надлежащему, а мѣсто его предложить другому“.

Впрочемъ, Иннокентій отлично зналъ, гдѣ находится истинная причина и „неблагопристойной“ внѣшности духовенства, и грубыхъ вымогательствъ при требоисправленіяхъ. Причинą этого прискорбнаго явленія, по мнѣнію Иннокентія, заключалась въ скудости содержанія духовенства, въ незавидномъ положеніи его матеріальнаго быта. Вслѣдствіе этого Иннокентій весьма много заботился о томъ, чтобы, на сколько возможно, помочь духовенству въ этомъ отношеніи и такимъ образомъ спасти его отъ угрожавшей ему „положительной нищеты“. Цѣли этой онъ думалъ достигнуть прежде всего тѣмъ, что сокращалъ штаты причтовъ, закрывалъ церкви и приходы, которые,

по малочисленности своей, не могли въ достаточности обезпечивать содержанія духовенства, и, наконецъ, не открывалъ новыхъ церквей и приходоѡ безъ предварительнаго обезпеченія со стороны прихожанъ своихъ священно-и-церковно-служителей церковными домами, землями и вкладами. Консисторскій сторожъ И. Ш—скій просился пономаремъ въ село Мирное Богородуховаго уѡзда. На его прошеніи Иннокентій написалъ: „не опредѡлять на эти мѡста никого, доколѡ не будетъ получено рапорта объ устроеніи домовъ и отвода земли“.—Начальникъ 1, 2, 3 и 4 кавалерійскихъ округоѡ просилъ разрѡшенія о построеніи церкви въ селѡ Верхней Покровкѡ. Иннокентій положилъ такую резолюцію: „на разсмотрѡніе консисторіи, которая имѡетъ обратить вниманіе на то, будетъ-ли выполнено въ новой церкви все, что положено уставомъ военнаго поселенія для священника“.—На прошеніи жителей слободы Демьяновки, объ отсрочкѡ просительной книги для окончанія ихъ церкви, Иннокентій написалъ: „отсрочить на годъ, объявивъ просителямъ, что болѡе отсрочки не будетъ дано и что освященіе церкви не иначе будетъ дозволено, какъ по отстройкѡ вмѡстѡ съ церковію и домовъ для священно-служителей, какъ въ томъ дана была подписка“.—Помѡщикъ, штабсъ-капитанъ Николай Полозовъ просилъ Иннокентія объ опредѡленіи въ селеніе его Успенское наличнаго священника для богослуженія и исправленія требъ по его имѡнію. Иннокентій написалъ: „предложить г. помѡщику, чтобы, для обезпеченія причта, вслѡдствіе указа Святѡйшаго Синода, внесъ надлежащую сумму въ какое-либо кредитное установленіе, а безъ того указы воспрещаютъ въ такія церкви давать священниковъ“.—Благочинный Стефановскій донесъ Иннокентію рапортомъ, что въ Золочевѡ при соборной Успенской церкви состоятъ три причта, а прихожанъ всего только 1712 человекъ, да изъ нихъ многіе недостаточны, а другіе, числомъ болѡе двухъ сотъ, предположили выселиться, вслѡдствіе этого причтъ живетъ весьма бѡдно, а между тѡмъ одинъ изъ соборныхъ священниковъ, Г. Ж—скій, по причинѡ преклонности своихъ лѡтъ и болѡзненности, не можетъ уже священнодѡйствовать. На этомъ рапортѡ Иннокентій написалъ: „закрѡть сіе мѡсто: ибо въ Золочевѡ много священниковъ и

живутъ бѣдно, а нужды въ нихъ нѣту“.—Харьковской Михайловской церкви священно-и-церковнослужители вмѣстѣ съ прихожанами просили Иннокентія объ открытіи при ихъ церкви втораго штатнаго діаконскаго мѣста, которое-бы занялъ, состоявшій тогда на дьячковской вакансіи, діаконъ Т. П.—въ. На ихъ прошеніи Иннокентій написалъ: „діакону за хорошее поведеніе объявить благодарность съ надеждою получить высшее мѣсто, когда оно откроется, а вновь открывать подобныя мѣста запрещаетъ недавній указъ Святѣйшаго Синода“.—Діаконъ І. Д.—въ просилъ Иннокентія о рукоположеніи его во священника въ село Ясенокъ. Но Иннокентій написалъ на его прошеніи такую резолюцію: „предложить мѣсто сіе окончившимъ курсъ семинаристамъ; а между тѣмъ справиться, нельзя-ли отдѣлить сюда причта изъ сосѣдственной Жыгайловской церкви, яко двухпричтной“.—Окончившій курсъ семинаріи М. Б.—скій просилъ Иннокентія предоставить ему священническое мѣсто въ с. Котельвѣ при трехпричтовой Николаевской церкви. Иннокентій написалъ: „войти разсужденіемъ, не хорошо-ли будетъ сократить этотъ причтъ, сдѣлавъ церковь двухприходною“. Спустя три недѣли на это-же самое мѣсто подалъ прошеніе с. Колупаевки священникъ Д. В.—скій. Иннокентій положилъ на его прошеніи такую резолюцію: „дать переходящій указъ, а сію церковь (т. е. Колупаевскую) причислить до времени къ Липецкимъ церквамъ“.—Прихожане слободы Большой Писаревки просили дозволить произвести предположенную ими починку приходской ихъ церкви. На этомъ прошеніи Иннокентій написалъ: „дозволить, если прихода сего нельзя раздѣлить по другимъ имѣющимся тамъ церквамъ“.—Помѣщики с. Высшей Верхосулки Лебединскаго уѣзда: подполковница Н. П. Мазуревская, маіоръ Н. К. Кашинскій и подпоручикъ С. Романовъ подали отъ себя прошеніе Иннокентію объ опредѣленіи къ ихъ приходской Варваровской церкви на праздное священническое мѣсто священника М. Л.—ва, изъявившаго на поступленіе къ ихъ церкви желаніе. Тѣмъ не менѣе Иннокентій не считалъ нужнымъ прямо удовлетворить просьбѣ помѣщиковъ, но велѣлъ „объявить просителямъ, что священникъ будетъ назначенъ къ нимъ, если они назначутъ ему въ пособіе отъ себя денежный ок-

ладъ, такъ какъ содержаніе причта показывается очень скуднымъ“.—Прихожане с. Песокъ Зміевскаго уѣзда, при посредствѣ мѣстнаго благочиннаго, просили Иннокентія о возобновеніи находившейся въ ихъ селѣ ветхой деревянной Архангело-Михайловской церкви. Иннокентій передалъ это прошеніе на разсмотрѣніе консисторіи. Консисторія не пашла причивъ къ неудовлетворенію просьбы Песочанъ и въ такомъ смыслѣ представила свое опредѣленіе Иннокентію. Но Иннокентій взглянулъ на дѣло иначе и не согласился съ мнѣніемъ консисторіи, положивъ на ея опредѣленіи такую резолюцію: „консисторія опустила изъ виду обезпеченіе причта въ содержаніи, что весьма важно само въ себѣ и весьма не надежно, судя по малости прихода: посему не прежде входитъ представленіемъ въ Святѣйшій Синодъ, какъ 1-е, будетъ въ виду достаточная сумма на устроеніе церкви и 2-е, будетъ обезпечено содержаніе причта“.—Краснокутскіе казенные крестьяне просили перечислить ихъ изъ приходоу Краснокутскихъ церквей въ приходъ села Черветчины. Консисторія представила свое мнѣніе въ пользу просителей. Иннокентій, соглашаясь на удовлетвореніе просьбы Краснокутчанъ, положилъ, впрочемъ, на опредѣленіи консисторіи такую резолюцію: „утверждается; но нельзя-ли вмѣстѣ съ симъ закрыть одинъ штатъ гдѣ-либо въ Краснокутскѣ“.—Жители с. Колупаевки просили Иннокентія рукоположить къ ихъ церкви во священника Лицевскаго діаконъ Іоанна Ковалева, такъ какъ за бѣдностію и малочисленностію ихъ прихода къ нимъ не хочетъ поступать никто изъ окончившихъ курсъ семинаристовъ. Иннокентій однакоже не уважилъ ихъ просьбы и на прошеніи ихъ написалъ: „Ковалеву нельзя быть священникомъ. Пусть обезпечать содержаніе священника, тогда давъ будетъ изъ семинаристовъ“.—Запштатнаго города Краснокутска священникъ І. Ч—въ просилъ предоставить ему праздно священническое мѣсто при Успенской церкви г. Валокъ. По этому поводу Иннокентій приказалъ: „штатъ другой закрыть, распредѣливъ хутора по другимъ церквамъ, особенно причисливъ поболѣе къ собору, и представить мнѣ на утвержденіе, а просителю просить другаго мѣста“.—Въ Александровѣ Богодуховскаго уѣзда, вслѣд-

ствіе малочисленности и бѣдности прихода, Иннокентій велѣлъ „запечатать“ ветхую тамошнюю деревянную церковь. Опечаленные такимъ распоряженіемъ, прихожане начали ходатайствовать о разрѣшеніи имъ возобновить ихъ закрытую церковь. Просьба эта не избѣжала общей участи. Иннокентій велѣлъ „объявить просителямъ, что къ возстановленію церкви не прежде можетъ быть приступлено, какъ по собраніи ими отъ себя достаточной суммы, хотя на начало дѣла, и что причтъ не иначе можетъ быть назначенъ къ ней, какъ по обезпеченіи его отъ нихъ содержаніемъ, такъ какъ приходъ ихъ слишкомъ малозначительный“.—На прошеніи Купянцевъ о дозволеніи имъ строить каменнымъ зданіемъ приходскую Николаевскую церковь на торговой городской площади Иннокентій положилъ резолюцію: „послику содержаніе причта весьма скудно, то потребовать отъ прихожанъ предварительно обезпеченія на основаніи указовъ Святѣйшаго Синода, безъ чего не можетъ быть разрѣшена и постройка церкви“.—Села Мерехы Преображенской церкви приходскій священникъ и церковный староста ходатайствовали о выдачѣ имъ просительной книги для испрошенія добротныхъ даяній на возобновленіе приходской ихъ церкви, „пришедшей въ обветшаніе“. По поводу этой просьбы Иннокентій велѣлъ „навести справку, не можетъ ли приходъ сей церкви быть размѣщеннымъ по другимъ церквамъ, въ коихъ нѣтъ недостатка въ семь селѣ“.—Въ такомъ же смыслѣ далъ онъ резолюцію и на прошеніи жителей села Бѣлянскаго, которые просили назначить къ нимъ на діаконскую вакансію какого-нибудь священника. „Объявить просителямъ, писалъ Иннокентій,—что прошеніе ихъ не прежде можетъ быть исполнено, какъ по надлежащемъ исправленіи домовъ священнослужительскихъ, а между тѣмъ навести справку о смежныхъ церквахъ, не можетъ-ли часть прихода быть отчисленною къ какой-либо изъ нихъ“ *).

Не ограничиваясь частными случаями и отдѣльными распоряженіями, Иннокентій предпринималъ въ томъ-же родѣ и болѣе общія, болѣе серьезныя мѣры. Такъ, между прочимъ,

*) Тѣмъ не менѣе, при Иннокентіи, въ Харьковской епархіи было основано, выстроено вновь, возобновлено и освящено около 65 церквей.

онъ далъ предложеніе консисторіи слѣдующаго содержанія: „духовенство здѣшной епархіи большею частію крайне скудно въ содержаніи, а число причтовъ при церквахъ и индѣ число самыхъ церквей безъ нужды увеличилось; посему предлагаю консисторіи потребовать вѣрныя свѣдѣнія отъ благочинныхъ и представить мнѣ 1-е, при какихъ церквахъ причты могутъ быть уничтожены, а приходы ихъ соединены; 2-е, какія существуютъ церкви, которыя по мѣстной удобности могутъ быть приписаны къ другимъ и 3-е, приложить таблицу тѣхъ церквей, которыя въ тѣ два разряда не войдутъ, съ означеніемъ, имѣютъ ли онѣ законную пропорцію земли для священно-и-церковно-служителей, какое-либо денежное вспоможеніе отъ казны или отъ прихожанъ, капиталы, дома и усадьбы, угодья и всякаго рода неокладные доходы“.—А 2 го іюня 1845 года преосвященный Иннокентій писалъ своему петербургскому другу: „скорно-ли вы обрадуете наше бѣдное духовенство помощію отъ правительства? Въ этомъ настоятъ, особенно по нѣкоторымъ мѣстамъ, крайняя нужда... Безъ обезпеченія состоянія всѣ реформы по училищамъ не могутъ принести плода. Не худо-бы подумать и объ архіерейскихъ домахъ. Нѣкоторые терпятъ не менѣе сельскихъ причтовъ. Но если трудно дѣлить пособія, то пусть лучше все идетъ къ нимъ“.

Изъ сказаннаго, намъ кажется, ясно видно, какъ Иннокентій пользовался каждымъ случаемъ и каждымъ поводомъ къ тому, чтобы чрезъ сокращеніе причтовъ и увеличеніе приходовъ увеличить средства существованія мѣстнаго духовенства. Конечно, наше время представило самое несомнѣнное доказательство, что подобная мѣра улучшенія матеріальнаго быта нашего православнаго духовенства крайне несостоятельна и не столько приноситъ пользы, сколько влечетъ за собою самыхъ прискорбныхъ послѣдствій. Но для Иннокентія такія дѣйствія не могутъ послужить укоромъ; напротивъ, они могутъ свидѣтельствовать только о томъ, съ какою любовію и заботливостію онъ относился къ печальной участи современнаго ему духовенства. Не ему принадлежала инициатива этой мѣры; онъ былъ только точнымъ исполнителемъ, какъ онъ самъ говоритъ, указовъ Святѣйшаго Синода. Онъ пользовался этою мѣрою

только потому, что не имѣлъ въ своемъ распоряженіи ничего другаго, чѣмъ бы могъ помочь духовенству своей епархіи. При этомъ не должно забывать, что это было въ грозное и мрачное время крѣпостничества и въ рукахъ епархіальной власти это было единственное средство — заставить сибаритствовавшего помѣщика удовлетворить нравственно-религіозной потребности его многострадальныхъ крестьянъ. Правда, многіе изъ тогдашнихъ помѣщиковъ не долюбливали Иннокентія за его прямыя и рѣшительныя дѣйствія, по которымъ ему не рѣдко приходилось сталкиваться съ ними; не разъ они пытались даже, какъ увидимъ ниже, и дерзко отплатить ему... Но за то имя Иннокентія и доселѣ свято и съ благоговѣніемъ произносится въ его бывшей епархіи и едва-ли когда-либо будетъ забыто.

Въ 1845 году Иннокентій опять далъ мѣстной консисторіи предложеніе, въ которомъ онъ снова высказываетъ свою заботу объ обезпеченіи епархіальнаго духовенства. „Въ 13-мъ пунктѣ изданной отъ Святѣйшаго Синода инструкции для церковныхъ старостъ, — писалъ Иннокентій, — изображено: староста имѣеть присмотръ за домами, устроенными церковнымъ издвигеніемъ или обращенными въ собственность церкви для священно-и церковно-служителей; гдѣ же таковыхъ домовъ не имѣется, то да будетъ его обязанностію, согласно имяннымъ Высочайшимъ указамъ 1718 и 1722 годовъ, заводить ихъ на счетъ суммы церковной съ дозволенія епархіальнаго архіерея. А въ положеніи о способахъ къ улучшенію состоянія духовенства, Высочайше утвержденномъ 1829 года, §§ 12 и 14 велѣно: побуждать прихожанъ, особенно сельскихъ, чтобы отъ нихъ заводимы и поддерживаемы были дома для жительства священно-служителей; въ селеніяхъ же помѣщичьихъ къ исполненію сей обязанности возбуждать ревность и усердіе помѣщиковъ. Сіи положенія пополнены и вновь усилены 1842 года Высочайше утвержденными-же положеніями объ обезпеченіи сельскаго духовенства въ западныхъ губерніяхъ, коими предписано, § 40: при каждой сельской церкви для помѣщенія священно-и церковно-служителей должны быть устроены на удобной землѣ дома; § 42: церковные дома строить въ такомъ видѣ, какъ согласается между собою прихожане и священно-

церковно-служители; § 44: при церковныхъ домахъ должны быть дворы и службы и § 49: собственные дома священно-и церковно-служителей, гдѣ таковыя есть, ни въ какомъ случаѣ не могутъ замѣнять домовъ церковныхъ, ибо послѣдніе назначаются къ постоянному обезпеченію церковнаго причта въ необходимомъ помѣщеніи, а первые составляютъ частную собственность. Посему я, имѣя въ виду сіе постановленіе, а при обзорѣніи епархіи и по клировымъ вѣдомостямъ не встрѣчая таковыхъ домовъ по оной, исключая крайне немногихъ церквей, но и при тѣхъ сіи дома или не имѣютъ надлежащихъ выгодъ, или не для всего причта устроены, или устроенные обращены потомъ къ другимъ назначеніямъ, отчего духовенство, часто многосемейное, лишаясь главнаго и перваго удобства жизни, стѣсняется, по необходимости, въ дѣйствіяхъ по своимъ обязанностямъ,—предлагаю консисторіи 1-е, немедленно предпринять всѣмъ духовнымъ правленіямъ и благочиннымъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи консисторіи состоящимъ, дабы они приняли дѣйствительныя мѣры къ приведенію обязательныхъ правилъ въ должное исполненіе, внушая прихожанамъ, что по доставленіи сего главнаго удобства для жизни духовенства, они откроютъ тѣмъ путь для большей дѣятельности и вящаго усердія со стороны священно-и-церковно-служителей въ доставленіи имъ самимъ всѣхъ выгодъ и польвъ душевныхъ, а старостамъ сверхъ того представляя на видъ, что епархіальное начальство, пріемля строеніе таковыхъ домовъ за самое благотворительное пожертвованіе въ пользу церкви, не оставитъ доносить о томъ Святѣйшему Синоду и испрашивать узаконенныхъ наградъ за усердіе. Затѣмъ 2-е, для надлежащихъ соображеній о семъ тѣлѣ, нынѣ-же истребовать отъ мѣстныхъ начальствъ свѣдѣнія: а) гдѣ дома для священно-и церковно-служителей устроены и съ какими выгодами или невыгодами, б) гдѣ оныя обращены на другое употребленіе и в) гдѣ оныхъ вовсе нѣтъ“.

Въ этомъ отношеніи Иннокентій дѣйствовалъ весьма энергично и былъ твердъ въ разъ принятыхъ рѣшеніяхъ. Вотъ примѣръ. Жители с. Бараниковой Старобѣльскаго уѣзда задумали устроить церковь. Иннокентій далъ разрѣшеніе, но съ

тѣмъ, чтобы вмѣстѣ были устроены и дома для причта. Когда церковь была окончена, бараниковцы снова вошли къ преосвященному Иннокентію съ прошеніемъ о дозволеніи освятить ее. Иннокентій наотрѣзъ отказалъ имъ, объявивъ при этомъ, что новоустроенная ихъ церковь до тѣхъ поръ не будетъ освящена, пока они не устроятъ причтовыхъ домовъ. Такимъ образомъ, бараниковцы возвратились изъ Харькова домой ни съ чѣмъ и обратились къ посредничеству управлявшаго тогда Ъбловодскою конно-заводскою волостію, полковника Фрица, которому они были подвѣдомственны и который, причявъ ихъ сторону, обратился къ Иннокентію съ просьбою о дозволеніи освятить церковь, не обязывая прихожанъ предварительно постройкою домовъ для причта, такъ какъ бараниковскіе священно-и церковно-служители имѣютъ собственные дома. Въ отвѣтъ на эти доводы, Иннокентій велѣлъ сообщить Фрицу, что собственные дома бараниковскихъ священно-и церковно-служителей составляютъ ихъ частную собственность, а церковные дома назначаются къ постоянному обезпеченію церковнаго причта вообще. Видя, что такимъ путемъ съ Иннокентіемъ ничего не подѣлаешь, Фрицъ рѣшился прибѣгнуть къ новой хитрости. Бараниковскихъ священно-и церковно-служителей онъ принудилъ ласками и угрозами дать подписку, что, имѣя собственные дома, они вовсе не нуждаются въ постройкѣ для нихъ новыхъ; взявъ подписку и отъ бараниковцевъ,—что, коль скоро встрѣтится надобность въ постройкѣ домовъ, они по первому предложенію будутъ ими выстроены. Фрицъ снова обратился къ Иннокентію съ просьбою о дозволеніи освятить церковь, такъ какъ вслѣдствіе неимѣнія своей церкви бараниковцы не имѣютъ возможности „соблюдать христіанскую религію“. Удивленный такою постановкою дѣла, Иннокентій приказалъ вызвать въ Харьковъ бараниковскихъ священно-и церковно-служителей, сдѣлавъ имъ „приличное внушеніе“, обозвавъ ихъ „дураками“, не понимающими своей собственной пользы, а Фрицу велѣлъ „отвѣчать, что касательно освященія церкви дано надлежащее предписаніе и что священно-служители готовы за приличное вознагражденіе уступить въ казну свои дома“..

Внимателемъ былъ преосвященный Иннокентій въ нуждамъ епархіальнаго духовенства и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Въ маѣ мѣсцѣ 1844 года благочинный Гутвиновъ ходатайствовалъ предъ Иннокентіемъ о томъ, чтобы „священно-и-церковно-служители, отправляющіеся для исправленія требъ въ хутора по требованіямъ прихожанъ своихъ, вспомоцествуемы были для исполненія сего подводами отъ имѣющихъ въ тѣхъ требоисправленіяхъ надобность“. Иннокентій, желая оформить это дѣло, передалъ его на разсмотрѣніе консисторіи, которою и было сдѣлано слѣдующее опредѣленіе: „какъ общимъ уставомъ о земскихъ повинностяхъ по гражданскому управленію, въ 4-мъ томѣ свода законовъ напечатаннымъ, предоставлено производить по дѣламъ службы разѣзды безъ платежа прогоновъ на подводахъ, содержимыхъ для земскихъ сообщеній исправникамъ, секретарямъ, канцелярскимъ служителямъ и даже разсылнымъ земскихъ судовъ, получающимъ за службу свою жалованье, а священно-и-церковно-служители, по требованіямъ ихъ прихожанъ, отправляются для исправленія требъ и днемъ и ночью, въ погодное и непогодное время, въ близкія и отдаленныя мѣста, на своихъ собственныхъ подводахъ, отвлекая ихъ отъ нужныхъ по хозяйству занятій, а пеимѣющіе сего и пѣшіе, не получая за то ни особаго жалованья, ни-же соотвѣтствующаго таковымъ трудамъ, а иногда и никакого вознагражденія, что приводитъ ихъ въ такую скудость, что многіе не только не въ состояніи воспитывать дѣтей своихъ въ училищахъ, но перѣдко нуждаются и въ кускѣ насущнаго хлѣба. По таковымъ обстоятельствамъ, признавая нужнымъ пособіе причтамъ, при подъемѣ ихъ для исправленія требъ, какъ къ дѣламъ ихъ службы относящимся, отнести въ Харьковское губернское правленіе и въ палату государственныхъ имуществъ, дабы они благоволили по принадлежности распорядиться, чтобы какъ казенные, такъ и помѣщичьи крестьяне, живущіе въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находится приходская ихъ церковь, при случаяхъ приглашенія причтовъ для исправленія въ домахъ ихъ требъ, непремѣнно доставляли для подъема ихъ подводу, по возможности приличную, и что посему учинено будетъ просить увѣдомленія“. Преосвященный Иннокентій не только согласился съ этимъ опредѣленіемъ консисторіи,

но еще усилилъ его своимъ замѣчаніемъ: „если окажется нужнымъ, то представить в Святѣйшему Синоду“. До Святѣйшаго Синода доводить объ этомъ дѣлѣ, впрочемъ, не представилось надобности.

Свою заботу о поднятіи матеріальнаго быта нашего духовенства преосвященный Иннокентій выказывалъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ, въ маѣ 1843 года имъ былъ полученъ указъ Святѣйшаго Синода (№ 5634) относительно содержанія духовенства украинскихъ военныхъ округовъ. Въ этомъ указѣ, между прочимъ, было сказано: „что-же касается до содержанія духовенства, то оно нуждаться въ содержаніи не можетъ, поелику на жалованье ему на основаніи Высочайшаго указа, во 2 день января 1837 года послѣдовавшаго, назначена вся сумма, поступающая въ доходъ съ церковей военнаго поселенія; слѣдовательно, увеличеніе или уменьшеніе сего жалованья зависитъ собственно отъ количества ежегодныхъ церковныхъ доходовъ“. Преосвященный Иннокентій положилъ на этомъ указѣ слѣдующую резолюцію: „собрать свѣдѣнія: 1) всѣ-ли священнослужители получаютъ жалованье; 2) всѣ-ли получаютъ все жалованье и кто сколько и почему не все; 3) много-ли отведено земли и въ какомъ она разстояніи у каждой церкви отъ церкви; 4) сколько по таксѣ учрежденной придется въ годъ на причтъ за требы въ такомъ или другомъ приходѣ, и потомъ съ мнѣніемъ представить мнѣ“.

Тою-же самою цѣлію поднятія матеріальнаго быта епархіальнаго духовенства должно объяснить и то, что преосвященный Иннокентій въ бытность свою въ Харьковской епархіи былъ весьма скупъ на діаконскія мѣста. Обыкновенно онъ давалъ діаконствъ только въ села богатія, въ которыхъ было не менѣе 1000 душъ прихожанъ мужескаго пола. Но такіе приходы въ то время были довольно рѣдки; а потому въ большинствѣ случаевъ онъ обыкновенно отказывалъ въ просьбѣ діаконскихъ мѣсть. Для характеристики покойнаго преосвященнаго мы приведемъ нѣсколько его резолюцій по этому предмету. Вотъ онѣ: „Уничтожить это діаконство (въ селѣ Введенскомъ Зміевскаго уѣзда) и впредь то-же дѣлать, гдѣ только можно; ибо къ чему діаконъ, когда священникъ умираетъ съ голоду?“— „И безъ того много лишнихъ діаконствъ, приводя-

щихъ въ скудность содержаніе причтовъ“. — „Не нужно намъ безъ нужды діакона“. — „Оставаться дьячкомъ, ибо въ діаконахъ нѣтъ нужды, а они только обременяютъ собою причты“. — „Если менѣе 1000 душъ въ приходѣ, то закрыть мѣсто діаконское“. — „И безъ того много лишнихъ діаконствъ; пусть, если захочетъ, идетъ въ свѣтское званіе“ (эта резолюція положена на просьбѣ самихъ прихожанъ). — „И безъ того приходъ не богатъ (въ с. Константиновѣ Богородицкаго уѣзда), къ чему діаконъ?“ — „Оставаться на своемъ мѣстѣ“ (попомаремъ въ Должикѣ). — „Послать (просителя діаконскаго мѣста, явившагося въ Харьковъ безъ письменнаго вида) въ наказаніе на труды на два мѣсяца“. — „Церковь бѣдна (въ Лебединѣ Воскресенская); зачѣмъ тамъ діаконъ? да и лѣта просителя еще не выходятъ; подождать до лѣта“. — „Не нужно намъ умножать діаконствъ; если захочетъ, пусть идетъ въ свѣтское званіе“. — „Дать переходной указъ, если мѣсто праздно, а настоящее мѣсто просится (діаконское въ с. Ястребенскомъ Сумскаго уѣзда), если можно закрыть, и вообще принять за правило закрывать бѣдныя мѣста дабы дать средства бѣдному духовенству жить лучше, хотя этимъ отъ насъ зависящимъ способомъ“ — „Не нужно діакона, ибо село (Студенокъ Изюмскаго уѣзда) небогатое“. — „По множеству прежнихъ не нужно намъ діаконствъ новыхъ“. — „Объявить писцамъ консисторіи, что не будетъ имъ давано мѣста дьяконскихъ, яко непужныхъ и слѣдующихъ къ закрытію“

Чтобы поднять матеріальный бытъ духовенства, Иннокентій не особенно охотно давалъ разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ холостымъ причетникамъ, равно какъ и вдовцамъ. Съ этою цѣлію онъ установилъ даже экзамень, который нужно было выдержать каждому холостому причетнику, чтобы получить дозволеніе жениться. И подъ предлогомъ незнанія предметовъ обыкновенно Иннокентій удерживалъ молодыхъ причетниковъ отъ ранняго обзаведенія семьей и обнищанія. Экзамень производился по тѣмъ же самымъ предметамъ, знаніе которыхъ признавалось нужнымъ какъ для полученія мѣста, такъ и для посвященія въ стихарь, — т. е., въ чтеніи, пѣніи, псѣмѣ и катихизисѣ. Много было, разумѣется, такихъ причетниковъ, которые не выдерживали и этого экзамена и возвращались домой

ни съ чѣмъ, издержавшись только на свою поѣздку въ Харьковъ. Вотъ почему Иннокентій вынужденъ былъ дать консисторіи слѣдующее предложеніе: „дать знать по всей епархіи, чтобы за подобнымъ (т. е. разрѣшеніемъ на женитьбу) причетники не отлучались съ своего мѣста въ Харьковъ, а присылали бы просьбы по почтѣ съ свидѣтельствами благочинныхъ, что все нужное для причетника знаетъ совершенно“... И когда одинъ пономарь явился по такому дѣлу въ Харьковъ лично, то Иннокентій написалъ на его прошеніи слѣдующую резолюцію: „благочинному сдѣлать строгій выговоръ, чтобы онъ впредь не отпуская за подобными дѣлами въ Харьковъ, а проэкзаменовавъ на мѣстѣ, велѣлъ бы просить о томъ съ мѣста, дабы бѣдныя причетники не тратились проходомъ въ Харьковъ, просителя же проэкзаменовать и дать билетъ, если знаетъ, что нужно“... На подобныхъ прошеніяхъ вамъ пришлось встрѣтить нѣсколько довольно характеристическихъ резолюцій. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. „Самъ не умѣетъ еще переписать просьбы, — отказать“.— „Учиться прежде всему, что нужно, лучше, а потомъ уже думать о женитьбѣ.“— „Еще наполнять дураковъ и сиротъ; въ такія лѣта надобно учиться, а не жениться.“— „Проэкзаменовать въ ногѣ; если только 19 лѣтъ, то не позволять еще жениться, — и такъ много дураковъ“.— Одинъ калѣка-пономарь подалъ Иннокентію прошеніе о дозволеніи ему вступить въ законный бракъ съ лицомъ свѣтскаго званія, потому что, „по калѣчеству его“, никто изъ духовныхъ не рѣшается выйти за него замужъ. На этомъ прошеніи Иннокентій написалъ: „А какое богатство обременяться калѣкѣ семействомъ? Если бѣдствовать, такъ лучше одному. О. протоіерей (благочинный Залѣсскій) скажетъ мнѣ объ этомъ свое мнѣніе, равно какъ о просителѣ—кто онъ и что?“ Благочинный донесъ, „что ежели кому нуженъ помощникъ, то калѣкѣ наиболѣе, каковымъ только и можетъ быть законная жена; самъ-же онъ, проситель, пономарь С—скій, поведенія довольно хорошаго, къ исполненію должности своей усерденъ, старшимъ послушенъ, способности имѣетъ посредственныя; достатка весьма скуднаго“,—причемъ добавилъ, что „вступленіемъ выгодно въ законный бракъ онъ легко можетъ обезпечить себя въ нужномъ

содержаніи, какъ и самъ въ томъ надѣется“. Эти доводы благочиннаго Иннокентію показались недостаточными и онъ положилъ резолюцію: „проситься въ свѣтское званіе, дабы не умножать въ духовномъ—людей праздныхъ“.—С. Савинецъ Изюмскаго уѣзда дьячекъ С—нъ Д—скій подалъ прошеніе о дозволеніи ему, за смертію первой жены его Анны, вступить во второй законный бракъ. На этомъ прошеніи Иннокентій написалъ: „и безъ этого много дѣтей, куда дѣвать ихъ и кто станетъ содержать; пусть просится въ свѣтское званіе“. Годъ спустя тотъ-же самый дьячекъ снова просилъ о дозволеніи вступить въ бракъ, указывая, какъ на причину, на своихъ четырехъ малолѣтнихъ дѣтей. Иннокентій опять написалъ: „довольно и безъ того дѣтей. Пусть, если хочетъ жениться, идетъ въ свѣтское званіе“.—Двадцати-двухъ лѣтній дьячекъ, проживавшій въ с. Безгиновой Старобѣльскаго уѣзда, просилъ Иннокентія, для поддержанія его родной матери и двухъ сестеръ, дозволить ему вступить въ законный бракъ. Выставленныя причины Иннокентій нашелъ неосновательными и потому положилъ резолюцію: „еще небольшая лѣта! лучше холостому содержать мать и сестеръ, нежели обременившись семействомъ“.—Водолажскій дьячекъ З—нъ просилъ о разрѣшеніи ему вступить въ третій бракъ. Иннокентій отвѣтилъ довольно лаконично: „предложить просителю уволиться въ свѣтское званіе“.—Ахтырскій пономарь Г—въ также просилъ дозволить ему вступить въ законный бракъ. Экзаменаторъ протоіерей Кустовъ допелъ, что „при испытаніи пономаря Г—ва оказалось, что онъ читалъ знакомое въ церковныхъ книгахъ хорошо, незнакомое—съ ошибками; поетъ по наслыжкѣ, а ноты не знаетъ; краткій катихизисъ выучилъ твердо; порядокъ обыкновенной службы церковной знаетъ“. Тѣмъ не менѣе дѣло просителя не выгорѣло. Въѣсто брачнаго ложа Иннокентій отправилъ его „на труды на мѣсяць въ домъ архіерейскій“.—Такая-же участь постигла и пономаря с. Покровскаго (Купянскаго уѣзда) М. А—ва. На его прошеніи о дозволеніи жениться Иннокентій положилъ такую резолюцію: „за неодобрительное поведеніе лишить мѣста, вызвавъ въ Харьковъ, а сюда назначить лучшаго дьячка, ибо здѣсь есть раскольники, коихъ надобно назидать причту своимъ поведеніемъ“.

Особенную внимательность и заботливость обнаруживалъ преосвященный Иннокентій въ отношеніи къ бѣднымъ и сиротствующимъ духовнаго званія. Большое удовольствіе всегда испытывалъ онъ, когда узнавалъ, что бѣдному подана помощь, сирота—обеспечена. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Сирота дѣвица, дочь умершаго священника, питавшаяся преимущественно отъ печенія для церкви просфоръ, жаловалась преосвященному Иннокентію, что мѣстный приходскій священникъ притѣсняетъ ее, не позволяя ей печь просфоры. Преосвященный Иннокентій положилъ на ся жалобѣ такую резолюцію: „іерея М—ча обязать подпискою—не препятствовать сиротѣ печь просфоры, а опекуну объявить, чтобы онъ попекся пріискать жениха дѣвицѣ, въ какомъ случаѣ ей будетъ дано приданое изъ попечительства. Между тѣмъ, если сироты не получаютъ доселѣ вспоможенія, то положить имъ оное по 15 рублей серебромъ“. Въ самомъ же началѣ своего управленія Харьковскою епархіею Иннокентій далъ консисторіи предложеніе: „для того, чтобы дѣло объ опекунахъ надъ сиротами, весьма важное по существу своему, подлежало всей настоящей отчетности и интересъ сиротъ огражденъ былъ, какъ можно болѣе, отъ всѣхъ ущербовъ, консисторія имѣетъ поставить въ обязанность духовнымъ правленіямъ и благочиннымъ, чтобы они каждые полгода представляли епархіальному начальству списокъ опеку, у нихъ существующихъ съ донесеніемъ о положеніи какъ сиротъ, такъ и ихъ имущества, а равно и дѣятельности опекуновъ“.—На рапортѣ благочиннаго о смерти одного священника Иннокентій написалъ: „къ свѣдѣнію; но благочинному замѣтить, что онъ ничего не говоритъ въ рапортѣ на счетъ семейства и мѣста“.—На рапортѣ благочиннаго протоіерея Іакова Прокоповича о томъ, что дяковскій девятилѣтній круглый сирота Митрофанъ Ставицкій принять на отеческое воспитаніе и благопопеченіе села Артемовки вдовымъ и бездѣтнымъ священникомъ Іоанномъ Мамоновымъ,—Иннокентій написалъ: „спасибо о благочинному и священнику“.—Сл. Свято-Дмитріевки дячекъ Прядкинъ просилъ о выдачѣ племяннику его, исключенному изъ Харьковскаго приходскаго училища, билета на свободное про-

живательство въ домѣ его для пріученія къ „причетническимъ предметамъ“. Иннокентій положилъ на этомъ прошеніи такую резолюцію: „выдать билетъ, сказавъ спасибо за призоръ племянника“. — Находившійся въ числѣ архіерейскихъ пѣвчихъ, ученикъ Харьковскаго духовнаго училища, Іоаннъ II—въ просилъ о зачисленіи за нимъ празднаго пономарскаго мѣста въ с. Силичицкѣ съ выдачею полныхъ пономарскихъ доходовъ отъ церкви и земли родной его матери, вдовѣ священнической, съ осиротѣвшимъ семействомъ. Преосвященный Иннокентій велѣлъ „зачислить, съ тѣмъ, чтобы священникъ оказывалъ все отеческое попеченіе о сиротахъ: иначе будетъ выведенъ изъ сего мѣста“. — Въ Деркачахъ былъ дьячекъ Ушинскій, о которомъ благочинный отозвался какъ о причетникѣ малосвѣдущемъ. Проживавшая въ томъ-же селѣ вдова, дьячиха Григоровичева воспользовалась этимъ случаемъ и подала Иннокентію прошеніе о переводѣ туда изъ Мерефы сына ея, дьячка Іустина. Такъ какъ и этотъ дьячекъ не отличался никакими особыми познаніями, что Иннокентій положилъ такую резолюцію: „дать указъ на мѣсто въ Деркачи Іустину Григоровичу, велѣвъ удерживать половину доходовъ и присылать въ попечительство, доколѣ не выдержитъ экзамена, а Ушинскаго, яко невѣжду, лишитъ мѣста и вызвать сюда для наученія“. — Подобная-же резолюція положена была и на прошеніи пономаря Чугаева: „дать переходящій указъ (въ с. Непокрытую), но за незваніе нѣкоторыхъ предметовъ вычитать изъ доходовъ третью часть на вдовъ и сиротъ, доколѣ не изучитъ и не выдержитъ экзамена во всей исправности“. — На прошеніи одного дьячка объ опредѣленіи его діакономъ въ с. Пасиковку Изюмскаго уѣзда Иннокентій написалъ: „дать указъ съ тѣмъ, чтобы 12 десятинъ земли изъ части діакона было предоставлено сиротамъ“. — Въ Новой Айдаріи осталась безъ всякаго пріемотра и приставица круглая сирота; впрочемъ, поступившій на мѣсто ея отца діаконъ С. И—въ далъ благочинному обязательство въ томъ, что онъ ежегодно будетъ давать ей ассигнаціями по 35 рублей. На рапортѣ объ этомъ благочиннаго Иннокентій написалъ: „о благочинный имѣетъ выслать сироту при удобномъ случаѣ въ Харьковъ, гдѣ найдется въ мо-

настырѣ пристанище“. Благодѣтельный отправилъ сироту въ Харьковъ съ діакономъ при особомъ рапортѣ, на которомъ Иннокентій положилъ такую резолюцію: „отправить съ симъ-же діакономъ къ игуменъ Хорошевскаго монастыря, съ тѣмъ, чтобы она помѣстила сироту у какой-либо монахини, съ получениемъ за содержаніе всего, чего оно будетъ стоить. Игуменъ же велѣтъ отдать и деньги, кои ей приходится по условію отъ діакона“.—Одна вдова просила Иннокентія о разрѣшеніи продать домъ, доставшійся ей по наслѣдству отъ свекрови и объ устраненіи одного родственника ея священника, „который присвоиваетъ себѣ означенное имѣніе“. Иннокентій написалъ: „на разсмотрѣніе консисторіи, которая имѣетъ оказать всю помощь бѣдной вдовѣ“.—Ученикъ семинаріи П. К. просилъ зачислить за нимъ праздно священническое мѣсто въ г. Богодуховѣ при Троицкой церкви. Иннокентій положилъ резолюцію: „зачислить мѣсто за ученикомъ К—мъ, такъ какъ въ священникахъ нѣтъ недостатка въ Богодуховѣ, съ тѣмъ, чтобы половина доходовъ изъ земли даваема была осиротѣвшему семейству“.—Одна „сиротствующая дѣвица“, дочь умершаго священника, которой, за достиженіемъ совершеннолѣтія, была прекращена выдача пособія изъ попечительства, вошла по этому дѣлу съ прошеніемъ,—и Иннокентій велѣлъ „обязать брата просительницы, священника села Пархомовки, чтобы не оставлялъ безъ призрѣнія сироту“.—Въ Ворожбѣ умеръ діакопъ. Поручивъ его дѣтей попеченію тещи покойнаго, Иннокентій предписалъ „мѣсто сіе закрыть до времени, а изъ доходовъ діакопскихъ удѣлять половину всѣмъ сиротамъ сего села, съ тѣмъ, чтобы они уже не получали ничего изъ попечительства“.—Вдова помещика, проживавшая въ с. Зориковкѣ, обратилась къ Иннокентію съ прошеніемъ о назначеніи ей изъ попечительства денежнаго пособія. Иннокентій не уважилъ ея просьбы, но написалъ такую резолюцію: „поелику у сей вдовы два сына, то обязать ихъ строгою подпискою содержать мать“.—Проживавшія въ с. Преображенскомъ сироты, уже взрослыя дѣвицы, священническія дочери: Анна, Александра и Елисавета М—скія просили о прибавкѣ къ получаемому ими вспомогательному окладу какой-либо еще части для поддержанія ихъ существо-

ванія. Иннокентій предписалъ „священнику села Преображенскаго препоручить устройство судьбы сихъ сиротъ, съ тѣмъ что если найдется женихъ, то будетъ дано вспоможеніе ему отъ попечительства на приданое; начальство-же будетъ благодарно ему, священнику, за трудъ челоуѣколюбивый“.—Въ с. Большихъ Проходахъ діаконъ былъ пораженъ параличемъ и потому не могъ уже исправлять своихъ обязанностей. Иннокентій предписалъ „больнаго діакона уволить за штатъ до его выздоровленія, мѣсто діаконское закрыть, а на пропитаніе больному давать изъ діаконской части половину доходовъ и земли. Церковную-же землю велѣтъ, въ огражденіе отъ вытравленія, окопать хорошимъ валомъ, на что можетъ быть употреблено пособіе отъ самой церкви“.—Одна пономарская дочь, сирота, просила о назначеніи ей пособія изъ попечительства. Иннокентій написалъ: „благочинный имѣетъ отдать сію дѣвицу, если у нея нѣтъ своего дома, кому-либо въ надежныя руки, и постараться найти ей жениха, тогда дано будетъ пособіе на приданое; между тѣмъ попечительство пусть выдаетъ ей по 7 рублей серебромъ въ годъ“.—Всякіе денежные штрафы Иннокентій также обыкновенно обращалъ въ пользу бѣдныхъ и сиротствующихъ. Такъ, с. Калениковой священникъ С—скій просилъ о дозволеніи вступить въ бракъ сыну его, исправлявшему при немъ-же должность дьячка. По этому поводу Иннокентій предписалъ „священника С—скаго општрафовать 5-ю рублями серебромъ на вдовъ и сиротъ, а сына-дурака перевести въ другое село и отдать подъ строгій надзоръ священника, чтобы учился“.—Сумское духовное правленіе донесло консисторіи о несвоевременно сдѣланномъ донесеніи по одному дѣлу благочиннымъ Н—вымъ. Консисторія постановила сдѣлать виновному замѣчаніе. Иннокентій нашелъ это постановленіе недостаточнымъ и предписалъ „благочиннаго општрафовать 25 руб. асс. на бѣдныхъ, а Сумскому правленію сдѣлать выговоръ за ненастояніе надъ симъ благочиннымъ“.—Двухъ валковскихъ дьячковъ благочинный обвинялъ за неодобрительное поведеніе. На рапортѣ благочиннаго Иннокентій написалъ: „у дьячковъ сихъ, впредь до рѣшительнаго исправленія, удерживать третью часть доходовъ и отсылать въ попечительство,

объявивъ имъ, что при дальнѣйшей нетрезвости выброшены будутъ изъ духовнаго званія“.—Одному евсугскому священнику предписано было выйти на другой приходъ. Онъ обратился съ просьбой къ преосвященному Иннокентію объ оставленіи его на старомъ мѣстѣ, такъ какъ переходъ на другое мѣсто для него будетъ слишкомъ убыточенъ. Иннокентій согласился уважить его просьбу, но положилъ такую резолюцію: „оставить на своемъ мѣстѣ, а яко бездѣтному и вдовому рекомендовать содержать въ семинаріи какого-либо сироту“. Условіе это было принято.—Исключенный изъ высшаго отдѣленія Купянскаго духовнаго училища ученикъ просилъ опредѣлить его пономаремъ въ с. Пески Изюмскаго уѣзда. Но такъ какъ онъ оказался на экзаменѣ малознающимъ въ „причетническихъ предметахъ“, то Иннокентій положилъ на его прошеніи такую резолюцію: „отдать отцу на руки для изученія на годъ, взыскавъ съ него за неуча—сына 10 р. с. на вдовъ и сиротъ“.—С. Александровки Старобѣльскаго уѣзда священникъ М. Р—скій просилъ о перемѣщеніи его въ с. Петропавловку Купянскаго уѣзда. Иннокентій велѣлъ „перемѣстить, а за неговореніе проповѣдей взыскать три рубля серебромъ въ пользу вдовъ и сиротъ“.—Нѣкоторые „неученые“ священники никогда не произносили проповѣдей. На вопросъ благочиннаго, занимаются-ли они по крайней мѣрѣ изученіемъ катихизиса, какъ было имъ предписано преосвященнымъ, они не дали никакого отвѣта. Узнавъ объ этомъ изъ рапорта благочиннаго, Иннокентій предписалъ: „священниковъ, не давшихъ даже отвѣта на вопросъ о ихъ занятіяхъ, оптрафовать каждаго по 25 руб. асс. на вдовъ и сиротъ, обязавъ подпискою учить народъ, съ объявленіемъ, что они будутъ лишены своихъ мѣстъ, если не исправятся“.—Одинъ священникъ не безъ вѣдома благочиннаго сдалъ церковному старостѣ въ наемъ церковный домъ; староста открылъ въ немъ питьевое заведеніе. Узнавъ объ этомъ, Иннокентій предписалъ „съ благочиннаго и священника взять штрафу на вдовъ и сиротъ по 25 руб. асс. за невниманіе къ своему долгу и наемъ церковнаго дома подъ водку, велѣвъ исправить домъ и донести потомъ“.

(Продолженіе будетъ).

ЗНАЧЕНІЕ СОКРАТА

въ

ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ.

Говорить о значеніи Сократа въ исторіи древней (греческой) философіи, повидимому, весьма избитая и безсодержательная тема. Повидимому, въ этомъ значеніи не можетъ быть никакого сомнѣнія, когда все образованное человѣчество въ продолженіи болѣе двухъ тысячъ лѣтъ съ рѣдкимъ единодушіемъ удивлялось этому человѣку, какъ характеру, какъ философу, какъ учителю нравственности, который своею удивительною дѣятельностію положилъ начало новой эпохѣ человѣческаго развитія. Но, не смотря на то, что Сократъ дѣйствительно стоитъ на границѣ двухъ эпохъ въ исторіи философскаго развитія, уже въ древности раздавались голоса, старавшіеся умалить это значеніе. По свидѣтельству Плутарха ¹⁾, ворчливый старикъ Катонъ съ презрѣніемъ отзывался о Сократѣ, какъ о вредномъ болтунѣ, жизнь котораго была справедливо прекращена чашею омеги за послѣднимъ ужиномъ. Въ новѣйшее время, въ странѣ, которая и характеромъ своей политики, и своимъ стремленіемъ ко всемірному владычеству, и могуществомъ своей аристократіи напоминаетъ древній республиканскій Римъ, также нашлись люди, которые если и не раздѣляютъ мнѣнія дряхлаго Катона, все-же отзываются о Сократѣ, какъ о бессмысленномъ

¹⁾ *Жизнь Катона*: XXXVI. Катонъ считаетъ Сократа не только болтуномъ, но и несправедливымъ насильникомъ, стремившимся къ тираніи, который нарушалъ древніе обычаи и внушалъ народу мнѣнія, противныя законамъ госуларства. Такъ могли смотрѣть на Сократа и въ Аѳинахъ сторонники аристократіи.

говоруя, дѣятельность котораго была совершенно бесполезна. Такъ, напримѣръ, отзывается о немъ Бенгамъ въ первомъ томѣ своей „Деонтологіи“. Извѣстны также нелестные отзывы о Сократѣ, какъ философѣ и противникѣ софистики, блестящаго историка Греціи, Грота, въ осьмомъ томѣ его „Исторіи Грековъ“, и Льюиса, въ его „Исторіи философіи“. Правда, эти два послѣдніе писателя удивляются его характеру, не сомнѣваются въ его благородствѣ, но даютъ довольно двусмысленную оцѣнку его философскихъ принциповъ. Всего-же удивительнѣе то, что, съ голоса этихъ историковъ, даже въ Германіи начинаютъ возставать противъ реформы, произведенной Сократомъ. Въ этомъ стечествѣ новѣйшей философіи реформу Сократа теперь прямо называютъ регрессомъ, возвращеніемъ назадъ, приниженіемъ философскаго мышленія. „Дѣло въ томъ, — говоритъ одинъ изъ новокантианцевъ, Лянге, — что мы дѣйствительно имѣемъ предъ собою, если только не будемъ обращать вниманія на всѣ прочія стороны великаго кризиса, реакцію въ самомъ дурномъ смыслѣ слова: возвышеніе низшей точки зрѣнія, побѣжденной сознаниемъ и сильною умственной работой, надъ высшею, вытѣсненіе началъ лучшаго пониманія взглядами, въ которыхъ старыя ошибки нефилософскаго мышленія возвращаются въ новой формѣ, съ новымъ блескомъ и могуществомъ, но не безъ стараго вреднаго ихъ характера“¹⁾. Я не буду здѣсь приводить доказательствъ мнѣнія Лянге и вдаваться въ ихъ разборъ; для меня достаточно только указать, что вопросъ о значеніи Сократа въ исторіи философіи не такъ простъ, какъ кажется съ перваго раза; что возможны два совершенно противоположные взгляда на его реформу въ области философіи; что по одному, общепринятому, взгляду, его реформа была въ исторіи философіи прогрессомъ; по другому, который все болѣе приобрѣтаетъ себѣ адептовъ, — регрессомъ. Понятно, что въ виду подобнаго положенія дѣла избитая тема о значеніи Сократа въ исторіи философіи снова получаетъ свой интересъ.

1) *Исторія материализма*: I, 41. Сравни: Forchhammer, *Die Athener und Sokrates*. Berlin 1837. Осужденіе Сократа здѣсь представляется совершенно справедливымъ возмездіемъ. Сократъ представляется еретикомъ, измѣнникомъ и развратителемъ.

Оказывается, что совершенно нелишнее дѣло, можетъ быть, въ сотый разъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что собственно сдѣлалъ Сократъ для исторіи философскаго мышленія и въ чемъ заключается дѣйствительное значеніе его реформы. Къ рѣшенію именно этихъ вопросовъ мы сейчасъ и обратимся ¹⁾.

Дѣятельность Сократа можно разсматривать со множества точекъ зрѣнія, ибо Сократъ есть личность замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ какъ въ своей жизни, такъ и въ своей смерти. Это характеръ въ собственномъ смелѣ философскій, до послѣднихъ подробностей проникнутый своими убѣжденіями, а потому всецѣло выработанный тѣми принципами, коимъ онъ служилъ и за которые былъ осужденъ на смерть ²⁾. Но по-

¹⁾ Для изображенія жизни и дѣятельности Сократа мы имѣемъ два главныхъ источника: Ксенофонта и Платона. Согласно въ представленіи фактической стороны его жизни и характера, они представляютъ значительную разницу въ передачѣ его ученія. что объясняется разницею ихъ тенденцій. Ксенофонтъ пишетъ свои „Воспоминанія“, чтобы защитить отъ несправедливыхъ обвиненій память дорогаго учителя, касаясь только того, что въ ученіи и жизни Сократа могло служить опроверженіемъ этихъ обвиненій, а потому, при всей исторической вѣрности, какой требуетъ всякая честная защита, онъ не даетъ полного очерка ученія Сократа и преимущественно обращаетъ вниманіе лишь на нравственную сторону его ученія, оставляя его діалектику на заднемъ планѣ. Платонъ, напротивъ, останавливается особенно на діалектической сторонѣ ученія Сократа, имѣя въ виду главнымъ образомъ изложеніе Сократовской философіи. Правда, устами Сократа онъ выражаетъ споріе свои собственные взгляды, чѣмъ Сократовскіе, но въ развитіи этихъ взглядовъ онъ все-таки старается отличить то, что основывалось на принципахъ Сократовской философіи, отъ того, что было ей чуждо. Сократъ у него говоритъ только то, что онъ могъ-бы говорить въ дѣйствительности: чего-же Сократъ сказать не могъ, то говорятъ у него другія лица; напримѣръ, Тимей говоритъ о натурфилософскихъ вопросахъ. Поэтому и Платонъ, въ нѣкоторыхъ своихъ „Диалогахъ“ (Аполонія, Критонъ и др.) не особенно далекъ отъ исторической истины въ изображеніи ученія Сократа. Тѣмъ не менѣе историкъ философіи долженъ руководствоваться преимущественно Ксенофонтомъ и имъ пролѣрять Платона, но не наоборотъ. Очень остроумно, хотя не вполне вѣрно, Ренанъ (*Vie de Jésus*, Paris, 1864. XXX) сравниваетъ Ксенофонта съ сенионтиками, а Платона— съ Ев. Іоанномъ. Кромѣ Ксенофонта и Платона, мы имѣемъ относительно ученія Сократа еще указанія Аристотеля, которыя, не смотря на свою краткость, имѣютъ рѣшающее значеніе и находятся въ полномъ согласіи съ Ксенофонтомъ.

²⁾ Сократъ, сынъ ваятеля Софрониска и повивальной бабки Фанареты, если судить по времени его смерти въ маѣ или іюнѣ 399 до Р. Х., когда онъ, будучи 70-лѣтнимъ старцемъ, выпилъ ядъ,—родился около 469 года или нѣсколько ранѣе. Въ молодости онъ занимался искусствомъ своего отца и получилъ обычное въ то время воспитаніе (*Платонъ, Критонъ* 50 d.), знакомъ былъ съ геометрией и астро-

этому-то мы и не будемъ здѣсь останавливаться на его личности, а рассмотримъ лишь эти самые припципы, которые были имъ положены въ основу своего характера и своей дѣятельности, потому что въ нихъ-то и заключается главнѣйшимъ образомъ та реформа въ философскомъ мышленіи, которая ему справедливо приписывается.

Но никакой реформаторъ не можетъ быть разсматриваемъ внѣ связи съ временемъ, въ которое онъ жилъ и дѣйствовалъ, а время, въ которое жилъ и дѣйствовалъ Сократъ, было любопытно въ высшей степени. Это была одна изъ тѣхъ эпохъ критическаго анализа, которая обыкновенно слѣдуютъ за творческими эпохами синтеза. Цоклѣніе, непосредственно предшествовавшее Сократу, жило въ эпоху великихъ персидскихъ войнъ, когда народъ, почувствовавшій свою силу и значеніе въ государствѣ, вступилъ въ ту яростную борьбу съ аристократіей, живое воспоминаніе о которой сохранилось для насъ въ горькихъ пѣсняхъ Теогида Мегарскаго ¹⁾. Борьба эта, какъ извѣстно, сопровождалась постепеннымъ введеніемъ демократическихъ учрежденій, и когда, послѣ Платейскаго сраженія, по предложенію Аристида (477) ²⁾, низшимъ классамъ открытъ

номіей (*Ксенофонтъ*, Воспом. IV, 7), „читалъ“ Анаксагора (*Федонъ* 97, f.), былъ свѣдущъ въ натурфилософіи (*Ксеноф.* Восп. I. 1, 14; IV. 7, 6) и изучалъ сочиненія древнихъ (*Тамъ-же*, I. 6, 14; IV. 2, 1 и 8). Въ ранней молодости, по свидѣтельству Платона (*Тезетъ*, 183, e; сравн. *Соф.* 217, e), онъ встрѣчался съ 65-лѣтнимъ Парменидомъ (*Марм.* 127, e). Значительное вліяніе на образованіе Сократа оказали софисты, среди коихъ онъ постоянно вращался и къ коимъ иногда отсылалъ другихъ (*Тезт.* 151, b). Самъ себя онъ называлъ ученикомъ знаменитаго софиста Продика (*Протаг.* 341 a; ср. *Менонъ*, 96, d; *Харм.* 163, d; *Кратил.* 384, d; *Гигг.* старш. 282, c). Онъ участвовалъ въ трехъ походахъ Пелопонезской войны: былъ въ дѣлѣ при Потидеѣ (между 432 и 29 гг.), при Деліумѣ (424) и при Амфиполсѣ (422 г. *Апол.* 28; *Пиръ*, 219—221, *Лахесъ* 181 a, *Харм.* начало). Былъ сенаторомъ—единственная должность, которую когда-либо исполнялъ Сократъ (*Апол.* 32 *Hellen.* I, 6; Воспом. I, 18). Осужденъ на смерть, по обвиненію поэта Мелита, демагога Аинта и оратора Ликона, за то, что „не признавалъ боговъ государства, а вводилъ новыхъ и развращалъ юношество“ (*Ксенофонтъ*, *Восп.* I. 1; *Апология*“...)

¹⁾ Теогида, отрасль аристократической семьи, выгнанный изъ отечества, напрасно старался противостоять теченію. Онъ видитъ нечестіе въ томъ, что „низшіе классы (*χαχοί*) поставлены выше аристократіи“ (*ἀγαθοί*), но вмѣстѣ предчувствуетъ, что скоро всѣ сольются въ одну массу. Забудется „святое преданіе“, вмѣстѣ станутъ пить на ихъ праздникахъ, станутъ ѣсть за однимъ столомъ.

²⁾ *Цицтархъ*. Aristides XXXVII.

былъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, демократія въ Аѣнахъ достигла полнаго развитія. Ко времени Сократа Периклъ нанесъ аристократіи послѣдній ударъ ограниченіемъ власти ареопага ¹⁾. Но съ развитіемъ демократіи въ аѣнскомъ обществѣ зародились новыя стремленія, явились новыя потребности, почувствовалась нужда въ новыхъ руководителяхъ. Въмѣсто древности рода и знатности происхожденія, приобрѣли значеніе богатство и умѣнье дѣйствовать на толпу; чтобы приобрѣсти это умѣнье, пужно было краснорѣчіе, а чтобы имѣть краснорѣчіе, пужно было получить образованіе. Явилась страшная жажда просвѣщенія. Многочисленный классъ зажиточныхъ честолюбцевъ, искавшихъ случая проявить свою дѣятельность въ различныхъ сферахъ государственной жизни, готовъ былъ предложить какія угодно деньги, лишь-бы схватить хотя верхушки образованія, способнаго придать блескъ и значеніе въ глазахъ толпы; путешествовали, покупали цѣлыя бібліотеки книгъ, окружали себя массою разнообразныхъ учителей ²⁾. Тутъ-то и выступили тѣ продажныя мудрецы заработка, которые предлагали свою мудрость всякому желающему за извѣстную плату, и которые извѣстны въ исторіи подъ именемъ „софистовъ“. Демократія породила ихъ; запросами демократіи-же опредѣлялись и качества того товара, который предлагали они желающимъ среди шумныхъ аѣнскихъ площадей. Отъ нихъ требовалось знаніе политическаго строя и основныхъ закоположеній государства, искусство увлекать толпу, умѣнье подчинять логику практикѣ, т. е. умѣнье одну и ту-же вещь, смотря по обстоятельствамъ, представить бѣлою и черною, или сбить съ толку неопытныхъ слушателей своими хитросплетеніями, и въ довершеніе всего краснорѣчіе, неистощимое и неразборчивое на средства, — краснорѣчіе, выставляющее неправое дѣло правымъ, а въ случаѣ нужды бьющее на то, чтобы смутить, спутать и забросать словами ³⁾. Очевидно, что въ уро-

¹⁾ *Плутархъ*. Pericles, XII—XIII.

²⁾ Все это можно видѣть изъ сочиненій Ксенофонта и Платона. О собираніи бібліотекъ: *Ксеноф.* Восп. IV. 2, 1. О путешествіяхъ: *Ксеноф.* Тамъ-же: Ш. I. *Плат.* Евондемъ. и др.

³⁾ Аѣняне, говорятъ, платили своимъ ораторамъ, которые говорили въ народномъ собраніи, какъ на это намекаетъ Аристофанъ въ *Осахъ* 711 (659). Отсюда

кахъ учителей такой мудрости, хотя и весьма пригодной для способныхъ и честолюбивыхъ юношей, горящихъ нетерпѣніемъ выступить на арену общественной дѣятельности, не могло, по самому существу дѣла, заключаться ни высокой нравственности, ни глубокаго знанія. По согласному свидѣтельству Ксенофонта, Платона, Исократы, Аристотеля и почти всѣхъ древнихъ писателей, ученіе этихъ наставниковъ, если не было положительно безнравственно, во всякомъ случаѣ отличалось совершенно отрицательнымъ, разлагающимъ характеромъ. Какъ естественный продуктъ эпохи нововведеній, софисты не оставили безъ обсужденія ничего стараго; но въ подобныя времена къ аналитическому элементу мысли весьма часто присоединяется элементъ скептической и разрушительной. Отринуты были великіе принципы знанія и религіи, общественнаго строя и нравственности, все наслѣдство преданія, сильнаго авторитетомъ сѣдой древности и поддержкою простаго здраваго чловѣческаго смысла. Сократъ засталъ аѳинскую молодежь, уже пропитанную ядомъ этого отрицательнаго просвѣщенія, въ борьбѣ съ смутными сомнѣніями съ одной стороны и въ борьбѣ съ безстыдной распущенностью—съ другой ¹⁾.

Скептицизмъ софистовъ былъ однако естественнымъ слѣдствіемъ тогдашней философіи, вращавшейся исключительно въ сферѣ *нагляднаго представленія*. Философія до-Сократовскаго періода въ существѣ дѣла была, конечно, мышленіемъ, но это мышленіе опредѣлялось не столько самимъ собою, своими собственными законами, сколько категоріями „единаго и многаго“ (*ἓν καὶ πολλὰ*), ²⁾ поскольку эти категоріи находятъ свое выраженіе въ области пространства и времени, т. е. категоріями представленія; а потому и построеніе міровоззрѣнія въ эту эпоху направлялось скорѣе ассоціаціею представленій, ³⁾ чѣмъ логическою послѣдовательностью мысли. Съ *Θалеса* и до *Анаксагора* включительно, въ каждой системѣ, не исключая элей-

ѣфротно произошелъ обычай платить софистамъ, столь поразительно напоминающимъ нашихъ *адвокатовъ*.

¹⁾ *Блэки. Сократъ.* 17—20

²⁾ *Аристот. Phys.* 1, 4: ὅσοι ὃ ἓν καὶ πολλὰ φασιν εἶναι...

³⁾ И вдохновеніемъ на подобіе поэтическаго. Философскія сочиненія этого періода по большей части имѣютъ форму дидактическихъ *поэмъ*.

цевъ, представлявшихъ свое единое въ видѣ сферы, ¹⁾ и самого Анаксагора, представлявшаго умъ въ видѣ какого-то легкаго тѣла, имѣющаго части, ²⁾ у всѣхъ философовъ этого періода бытіе представляется пространственнымъ, состоящимъ изъ частей, находящихся между собою въ тѣхъ отношеніяхъ смежности, въ какихъ возможна только чистая ассоціація представлений. Всѣ эти философы стремятся опредѣлить начало и происхожденіе вещей. Но это начало (*ἀρχή*) они представляютъ прежде всего началомъ во времени, въ хронологическомъ порядкѣ, которое, по прошествіи извѣстнаго періода, становится уже не началомъ, а концомъ всѣхъ вещей. Разнообразіе явленій возникаетъ изъ этого начала и исчезаетъ въ немъ посредствомъ разрѣшенія или сгущенія, посредствомъ соединенія или раздѣленія его составныхъ элементовъ, т. е. представляется лишь разнообразнымъ измѣненіемъ пространственныхъ отношеній. Итакъ философія до-Сократовскаго періода была въ существѣ дѣла философіею нагляднаго представленія. Ко времени Сократа она разрѣшилась въ рядъ непримиримыхъ противорѣчій на подобіе Кантовскихъ антиномій; съ одной стороны бытіе представлялось единымъ, съ другой многимъ, съ одной—измѣняющимся, съ другой—неизмѣннымъ, движущимся и неподвижнымъ, разумнымъ и неразумнымъ и т. д. ³⁾ Эти неизбежныя противорѣчія въ „представленіи“ объективнаго бытія уже сами по себѣ должны были подорвать довѣріе къ философскому мышленію того времени; но у нѣкоторыхъ софистовъ они получили даже нѣкоторое теоретическое обоснованіе и признаны были явленіемъ вполне нормальнымъ. Распространилась мысль, что противорѣчія, не смотря на то, что они противорѣчія, представляютъ единственно возможную истину и что никакой другой истины нѣтъ. Чтò въ данный моментъ нашъ умъ признаетъ справедливымъ, то и должно считать истиною, и если онъ въ слѣдующій моментъ будетъ объ одномъ и томъ же утверждать противоположное, то и это противоположное будетъ не менѣе истинно, какъ и то, чему оно противоположно.

¹⁾ Ксенофанъ и Парменидъ: *σφαίρωδες*.

²⁾ Целлеръ, I, 809.

³⁾ Ксеноф. *Восп.* I, 1, 14. Срав. Платона, „Софистъ“, 261в.

но. „Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, существующаго, какъ (ὄς) оно существуетъ, и несуществующаго, какъ оно не существуетъ“¹⁾. Зablужденіе невозможно; всѣ представленія истинны, ибо таковы всѣ ощущенія, изъ коихъ возникаютъ представленія. Такъ утверждалъ Протагоръ, вполне выразившій этимъ весь отрицательный характеръ софистики. Ибо если человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, то онъ мѣра истины и религіозныхъ убѣжденій, мѣра законнаго и незаконнаго въ государствѣ, мѣра полезнаго и вреднаго въ частной жизни, честнаго и безчестнаго во всѣхъ людскихъ отношеніяхъ. Бѣлое онъ можетъ считать чернымъ, правое неправымъ, истинное ложнымъ и наоборотъ, и это будетъ вполне справедливо и естественно. Таковъ именно былъ философскій характеръ софистики. Ясно, что это былъ скептицизмъ, поскольку онъ находилъ выраженіе свое именно въ чувственномъ представленіи и составлялъ естественное слѣдствіе философіи представленія.

Но если философія до-Сократовскаго періода вращалась исключительно въ сферѣ чувственнаго представленія, то естественно, что она должна была быть исключительно философіею природы; ибо объектъ чувственнаго представленія есть природа. Дѣйствительно, всѣ философы этого періода были въ сущности натурфилософами, разсуждавшими вообще о природѣ (περὶ φύσεως); почти всѣ они руководствовались исключительно наблюденіемъ и даже въ чисто математическихъ выкладкахъ прибѣгали скорѣе къ различнымъ аналогіямъ опыта, чѣмъ къ математическому анализу или дедукціи²⁾, при томъ почти всѣ они были въ совершенствѣ знакомы съ астрономіей того времени и это знакомство существенно вліяло на образованіе ихъ возрѣній. Первымъ философомъ, который, по выраженію Цицерона³⁾, „низвелъ философію съ неба, водворилъ ее въ городахъ и даже ввелъ въ (частные) дома, и побудилъ къ изслѣдованію жизни и нравовъ, и вообще добра и зла“, былъ Сократъ. Сократъ дѣйствительно началъ съ того, что сталъ прежде всего доказывать всю пустоту и бесполез-

¹⁾ Платонъ, „Тететъ“ 152, а.

²⁾ Какъ напр. сами пифагорейцы.

³⁾ Cic. Tuscul. V. 4, 10.

ность тогдашнихъ натурфилософскихъ словопреній о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ. Онъ утверждалъ, что слѣдуетъ заняться предметами болѣе близкими къ человѣческой жизни, а не домогаться, подобно Анаксагору, проникнуть въ тѣ міровыя тайны, которыхъ боги не восхотѣли открыть смертнымъ ¹⁾. „У меня нѣтъ досуга для подобныхъ предметовъ, говоритъ онъ у Платона ²⁾, и я скажу тебѣ почему: я еще не способенъ познать самого себя, сообразно Дельфійскому оракулу, и мнѣ кажется смѣшнымъ, не зная себя, входить въ разсужденіе о томъ, что до меня не касается“. А потому слѣдуетъ предоставить богамъ спокойно управлять вселенною, чтобы, занявшись далекимъ, не оказаться невѣждою относительно близкаго ³⁾.

Такимъ образомъ, исходнымъ пунктомъ Сократовой реформы въ области философіи служило то, что онъ первый перенесъ вниманіе философствующаго ума отъ изученія природы къ изученію человѣка. Главнѣйшій предметъ человѣческаго знанія есть самъ человѣкъ,—вотъ основной смыслъ всего Сократова ученія. И Ксенофонтъ прямо говоритъ, что Сократъ всегда училъ именно только о томъ, что относится къ человѣку ⁴⁾. Было-бы однако большою ошибкою полагать, что, устанавливая новую точку зрѣнія, Сократъ остановился только на поверхностномъ указаніи ея предмета. Онъ вникъ въ дѣло гораздо глубже, сформулировавъ задачу въ древнемъ изреченіи: „познай себя самого“ ⁵⁾. Въ самомъ дѣлѣ, что такое значитъ: познай самого себя? Не пужно долгихъ разсужденій, чтобы видѣть, что это изреченіе указываетъ не только предметъ познанія, но и способъ или методъ этого познанія. Что требуется здѣсь познать?—Себя самого. Какимъ образомъ или посредствомъ чего?—Посредствомъ собственнаго знанія. Итакъ, сознаніе себя самого, самосознаніе,—вотъ что составляетъ главный принципъ Сократова ученія. Вся его реформа состояла

¹⁾ Ксеноф. Воспом. IV. 7, 5—7.

²⁾ Федръ, 8.

³⁾ Ксеноф. Воспом. I. 1, 12.

⁴⁾ Ксеноф. Мемор. I. 1, 16: Αὐτός δὲ περὶ τῶν ἀνθρώπων ἀεὶ διέλεγετο...

⁵⁾ Ibidem, IV: 2, 24: Γνωθὶ σεαυτόν.

прежде всего въ томъ, что онъ философское сознание превратилъ въ самосознание, понимаемое въ обширномъ смыслѣ слова; это была реформа человѣческаго сознанія по преимуществу. Уже по одному этому она должна быть отнесена къ ряду величайшихъ и плодотворнѣйшихъ реформъ, пережитыхъ человечествомъ; ибо всѣ таковыя реформы, политическія-ли то, религіозныя или научныя, потому и были величайшими и плодотворнѣйшими, что касались человѣческаго сознанія, во глубинѣ котораго сокрыты силы, движущія историческимъ образованіемъ человечества, поскольку оно зависитъ отъ него самого. И Сократъ, конечно, оказалъ величайшую услугу не только своимъ современникамъ, но и всему человечеству, указавъ въ самосознаніи главнѣйшій принципъ знанія и жизни.

Вникнемъ ближе въ развитіе этого принципа у Сократа. Въ своей „Апологіи“ у Платона онъ называетъ самосознание самоисслѣдованіемъ (ἐξέτασις) ¹⁾. Познать самого себя значитъ изслѣдовать себя. Но изслѣдованіе себя показываетъ, что въ человѣкѣ есть двѣ стороны: теоретическая и практическая, мышленіе и воля; а потому и самоисслѣдованіе можетъ быть направлено или на познаніе, или на практическую дѣятельность. Слѣдовательно, общее положеніе Сократовой философіи: познай самого себя, распадается на два частныхъ правила: познай себя, какъ существо познающее, и познай себя, какъ существо дѣйствующее. Познай себя, какъ существо познающее—это значитъ познавай свои познанія, давай себѣ въ нихъ отчетъ; познай себя, какъ существо дѣйствующее—значитъ давай себѣ отчетъ въ каждомъ твоёмъ дѣйствіи. Пусть и твое знаніе, и твоя дѣятельность вытекаютъ изъ твоего самосознанія, потому что тогда только они могутъ имѣть достоинство разумности, свойственное человѣку. Знаніе и дѣятельность совершенно безотчетныя не представляютъ никакого достоинства, не имѣютъ никакой цѣны ²⁾. Дай себѣ отчетъ въ твоихъ собственныхъ знаніяхъ: это можетъ тебя привести къ двумъ результатамъ, отрицательному и положительному. Отрицательный результатъ будетъ тотъ,

¹⁾ Apol. 20. Сравни. Ксеноф. Мемор. IV. 2, 25 и др.

²⁾ Ксеноф. Мемор. I. 2, 55: τὸ ἀφρον ἄτιμόν ἐστι.

что ты прежде всего убѣдишься въ собственномъ твоёмъ невѣжествѣ; тебѣ сразу откроется, что ты пока еще ничего не знаешь, хотя, можетъ быть, до сихъ поръ и думалъ, что знаешь нѣчто. Это убѣжденіе въ собственномъ незнаніи было первымъ результатомъ Сократовскаго самосознанія и прежде всего оно было такимъ результатомъ въ собственномъ сознаніи самого Сократа. Въ своей „Апологии“ онъ публично заявилъ, что тѣмъ именно и отличается отъ другихъ мудрецовъ своего времени, что въ противоположность ихъ всезнайству онъ ничего не знаетъ, и что въ этомъ признаніи собственнаго незнанія онъ полагаетъ первое начало истинной мудрости ¹⁾. Въ силу этого онъ обыкновенно старался возбудить такое-же признаніе собственнаго невѣжества и въ каждомъ изъ своихъ собесѣдниковъ посредствомъ своей, такъ-называемой, проіи. Проія (*εἰρωνεία*) ²⁾ Сократа въ томъ именно и состояла, что, повидимому, согласившись сначала съ своимъ собесѣдникомъ въ какихъ-нибудь положеніяхъ, онъ затѣмъ, посредствомъ ряда вопросовъ, ведущихъ къ положеніямъ совершенно противоположнымъ или явно пелѣнымъ, ставилъ его, наконецъ, въ такое затрудненіе, которое ясно показывало ему, какъ мало онъ можетъ полагаться на свои познанія, столь ненадежныя и столь мало заслуживающія названія истинныхъ знаній. Сократъ, однако, никогда не останавливался на этомъ чисто отрицательномъ результатѣ своей проіи. Онъ полагалъ, что признаніе собственнаго невѣжества должно лишь возбудить въ человѣкѣ стремленіе къ истинѣ, а исканіе истины должно вести людей къ взаимному сближенію, къ нѣкотораго рода взаимному обученію, къ діалогическому способу ³⁾ философствованія, въ которомъ каждый желаетъ дополнить себя, свои собственные силы и познанія, другими, ихъ знаніемъ и житейскою опытностію. Въ этомъ дополненіи себя другими и состоялъ, такъ называемый, Сократовъ эросъ ⁴⁾, который служилъ посредствующимъ звеномъ въ переходѣ отъ отрицательнаго ре-

¹⁾ *Плат.* *А р о л.* 21—23.

²⁾ *Dissimulatio* = переплаченіе, притворство, уловка.

³⁾ Отсюда Сократическая форма обученія.

⁴⁾ *Ксеноф.* *Мемор.* II. 6. 28. *Плат.* *Федръ* и др. *Ἔρως* = восторженная любовь

зультата самосознанія къ положительному, составлявшему важнѣйшій моментъ Сократовской реформы.

Въ самомъ дѣлѣ, исканіе истины при помощи другихъ, обща, должно было быть, въ силу основнаго Сократовскаго принципа, сознательнымъ. Но сознательное исканіе истины должно было вести къ установленію правильнаго сознательнаго приѣма открытія истины, т. е. къ методу. Такой методъ у Сократа дѣйствительно былъ и пользованіе имъ Сократъ сравнивалъ съ повивальнымъ искусствомъ, помогающимъ родить мысли, скрыто заключающіяся въ сознаніи каждаго, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ у Платона въ „Теэтетѣ“ ¹⁾. Методъ этотъ состоялъ въ опредѣленіи понятій посредствомъ наведенія или, такъ называемой, Сократовской индукціи, т. е. индукціи чрезъ простое перечисленіе, *per enumerationem simplicem*. Это перечисленіе, или точнѣе, разсмотрѣніе частныхъ случаевъ имѣло въ виду или опредѣленіе родоваго понятія, или опредѣленіе понятія видоваго и потому направлялось или къ обобщенію, или къ ограниченію. Въ первомъ случаѣ Сократъ указывалъ такіе частные случаи, на которые искомое или опредѣляемое понятіе могло быть перенесено съ другихъ частныхъ случаевъ, подчиненныхъ этому понятію ²⁾; во второмъ случаѣ онъ указывалъ такіе частные случаи, которые, прилагая новыя черты къ опредѣленному понятію, ограничивали его приложеніе или объемъ. Въ первомъ случаѣ получалось опредѣленіе посредствомъ указанія родоваго признака (*per genus*), во второмъ посредствомъ указанія признака видоваго или видовой разности (*per differentiam*). Иногда тотъ и другой видъ индукціи, конечно, соединялись вмѣстѣ и давали въ результатъ опредѣленіе понятія посредствомъ углубленія въ разсмотрѣніе его содержанія и объема. Конечно, такой приѣмъ изслѣдованія прилагался Сократомъ иногда не прямо къ опредѣленію понятій, но и къ доказательству извѣстныхъ общихъ положеній, которыя онъ обыкновенно сейчасъ же переводилъ въ понятія. Въ этомъ именно случаѣ методу Сократа и прилич-

¹⁾ Напрямѣрь, когда понятіе закона отъ положительныхъ законовъ государства онъ переноситъ на неписанные законы въ душѣ челоѣка. Ксен. Memorab. IV, 4.

²⁾ Напрямѣрь, опредѣленіе благочестія. IV. 5, 2, 3, 4.

но особенно названіе индукціи ¹⁾. Здѣсь процессъ наведенія состоялъ или во включеніи частныхъ случаевъ въ объемъ общаго положенія, или въ исключеніи изъ него ²⁾. Но какъ въ приложеніи къ понятіямъ, такъ и въ приложеніи къ общимъ положеніямъ сущность процесса на самомъ дѣлѣ оставалась одна и таже и вела къ одной и той же цѣли. Цѣль эта состояла въ образованіи опредѣленныхъ понятій изъ отдѣльныхъ и частныхъ представленій и въ распредѣленіи познаваемыхъ вещей по родамъ и видамъ сообразно этимъ понятіямъ. Какъ такое распредѣленіе вещей по родамъ и видамъ, методъ Сократа можно назвать діалектическимъ методомъ. Такъ какъ каждое опредѣленіе направляется къ выясненію существа вещи (τί ἐστίν), то діалектическій методъ опредѣлений давалъ въ результатъ знаніе вышшаго порядка сравнительно съ простымъ ходячимъ мнѣніемъ. Какъ мнѣніе (δόξα, δοξασοφία) ³⁾, есть простое представленіе, такъ діалектическое знаніе есть понятіе или наука (ἐπιστήμη). Насколько мнѣніе можетъ заключать въ себѣ противорѣчашія одно другому представленія, настолько же наука состоитъ изъ всегда болѣе или менѣе равныхъ себѣ и тождественныхъ съ собою понятій.

Что таковъ дѣйствительно былъ методъ Сократа, на это мы имѣемъ совершенно опредѣленные указанія Аристотеля, который не только ясно различаетъ моменты этого метода, но и отношеніе его къ наукѣ. „Двѣ заслуги, говоритъ онъ, можно по справедливости приписать Сократу: наведеніе и опредѣленіе, ибо то и другое относится къ основанію науки“ ⁴⁾. Это

¹⁾ Въ примѣръ Сократовской индукціи приводятъ слѣдующее мѣсто Ксенофонта, Метог: III, 3, 9: „во всякомъ дѣлѣ люди охотнѣе всего слушаются того, кого считаютъ выше. Такъ, въ болѣзни люди болѣе всего слушаются знающихъ врачебное искусство; во время плаванія—лучшаго кормчаго; въ земледѣліи—лучшаго земледѣльца... Не слѣдуетъ ли, что и въ отношеніи конницы они захогятъ болѣе слушаться того, кто окажется болѣе заавющимъ что слѣдуетъ дѣлать?“ Сравни: Платона, Gorgias, 460.

²⁾ Примѣръ указанія такъ называемыхъ отрицательныхъ инстанцій. Ксеноф. Метог. IV. 2, 32, 35, 37.

³⁾ Платонъ употребляетъ последнее выраженіе въ „Софистѣ“.

⁴⁾ Metaph. XIII. 4. 6 - 8: Ἄπο γάρ ἐστιν, ἃ τίτ' ἂν ἀποδοῶν Σωκράτης δὲ καίως. τοὺς τ' ἐπακτικοὺς λόγους καὶ τὸ ὀρίξεισθαι καὶ ὅλου ταῦτα γάρ ἐστιν ἄμφω περὶ ἀρχὴν ἐπιστήμης.

совершенно ясное свидѣтельство Аристотеля вполнѣ подтверждается Ксенофонтомъ. У Ксенофонта, съ первыхъ же страницъ его „Воспоминаній“, Сократъ выставляется человѣкомъ, который всё свои усилія направляетъ къ тому, чтобы правильно опредѣлить: что такое данная или подлежащая разсмотрѣнiю вещь. По его словамъ, „Сократъ всегда рассуждалъ только о томъ, что касается человѣка, изслѣдуя при этомъ: „что такое благочестiе, что нечестiе, что прекрасно и что постыдно, что справедливо и что несправедливо, что благоразумiе и что неразумiе, что мужество и что трусость; что такое государственный дѣятель, что такое управление людьми, что такое правитель и т. д. Знающихъ это онъ считалъ добрыми и прекрасными, а незнающихъ, по справедливости, уподоблялъ рабамъ“ ¹⁾. Что способъ изслѣдованiя (*τρόπος τῆς ἐπισκέψεως*) ²⁾, этихъ вопросовъ, т. е. способъ опредѣленiя этихъ предметовъ состоялъ именно въ индукции, это доказывается у Ксенофонта примѣрами подобнаго изслѣдованiя, причемъ онъ методъ этотъ называетъ не индукцией, а путемъ изслѣдованiя чрезъ общепринятая истины (*διὰ τῶν μαλίστα ὁμολογουμένων*), которыя, по его словамъ, Сократъ полагалъ въ основанiе доказательства ³⁾. Если это свидѣтельство Ксенофонта перевести на языкъ Аристотеля, то оно будетъ означать, что Сократъ исходнымъ пунктомъ доказательства полагалъ наиболѣе извѣстное для слушателей, т. е. частные случаи, вообще наиболѣе извѣстные *намъ*, чтобы отъ нихъ перейти къ опредѣленiю того, что наиболѣе извѣстно *само по себѣ* (*φύσει*), а не для насъ только ⁴⁾. Но въ этомъ-то именно и состоитъ наведенiе. Конечно, Ксенофонтъ не могъ представить моменты Сократова метода съ такою раздѣльностью, какъ это сдѣлалъ Аристотель въ краткомъ замѣчанiи, но и онъ понималъ всю оригинальность этого метода, когда характеризовалъ его вообще, какъ диалектическiй процессъ опредѣленiя или распредѣленiя вещей по родовымъ по-

¹⁾ Memor. I. 1. 16; IV, 6. 1.

²⁾ Memor. IV. 61.

³⁾ Memor. IV. 6, 15: Ὅποτε δὲ αὐτός τι τῶ λόγῳ διεξίσι, διὰ τῶν ὁμολογουμένων ἐπορεύετο, νομίζων ταύτην ἀσφάλειαν εἶναι λόγου.

⁴⁾ Anal. prior. II, 23. Anal. post. I. 2.

пятиямъ. Именно, какъ такой діалектической процессъ, заключающій въ себѣ въ конкретномъ единствѣ все остальные моменты, методъ Сократа изображенъ у Ксенофонта съ несомнѣнною ясностію. По его словамъ, Сократъ и самъ понималъ его не иначе, какъ искусство τὸ διαλέγεσθαι κατὰ γένη. По его словамъ, „Сократъ говорилъ, что и слово διαλέγεσθαι происходитъ отъ того, что люди сходятся и сообща распредѣляютъ предметы (τὰ πράγματα) по родамъ ихъ ¹⁾).

Таковъ былъ вновь установленный Сократомъ методъ. Чтобы понять все значеніе Сократова нововведенія, припомнимъ, читатель, какимъ изумленіемъ были поражены мы съ вами при первоначальномъ изученіи логики, когда мы впервые узнали, что существуютъ въ нашемъ умѣ отличныя отъ представленій понятія, общія и частныя, родовыя и видовыя. Не меньшимъ изумленіемъ были поражены и современники Сократа, когда они впервые увидали, что можно всякія вещи распредѣлять по родамъ ихъ ²⁾. Нужно читать Платона ³⁾, чтобы видѣть, съ какимъ увлеченіемъ онъ предается различнымъ классификаціямъ и распредѣленіямъ вещей по родамъ и видамъ. Видно, что это діалектическое движеніе мысли представляетъ для него весь животрепещущій интересъ новости, открываетъ для него всю силу его мышленія, пролагающаго себѣ новый путь, употребляющаго новый, могущественный методъ. Поразительное дѣйствіе Сократова метода зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, что методъ этотъ въ сущности былъ простымъ употребленіемъ сознавашаго себя мышленія, что съ открытіемъ его въ сущности была открыта такая вещь, которая издавна присуща всемъ и каждому, подобно тому какъ, съ открытіемъ законовъ тяготѣнія, открыты были такіе факты, которые всякій могъ наблюдать едва-ли не съ самаго рожденія. Теперь, конечно, трудно и едва-ли возможно во всеѣхъ подробностяхъ представить себѣ тотъ громаднѣйшій переворотъ, который былъ произве-

¹⁾ М е т о д . IV. 5, 12.

²⁾ Можно думать, что слова: *родъ и видъ*, въ ихъ теперешнемъ философскомъ значеніи, первый сталъ употреблять Сократъ. Grote. History of Greece. Vol. VIII, 232, пр. 2.

³⁾ Напр. „Софиста“.

день методомъ Сократа въ сознаніи его современниковъ. Можно сказать одно, что со времени открытія этого метода философія и вообще человѣческое сознаніе изъ сферы представленія перешли въ сферу мышленія. Наука стала не системою представленій, а системою понятій. Отношенія между вещами стали представлять не какъ только отношенія представленій другъ къ другу подъ категоріями единого и многаго, но стали мыслить ихъ какъ отношеніе понятій подъ категоріями общаго и частнаго. Безъ сомнѣнія, такое возведеніе философіи и человѣческаго знанія на высшую точку зрѣнія должно считаться величайшею заслугою со стороны Сократа; ибо немного можно найти подобныхъ реформъ въ исторіи человѣческаго развитія. Съ реформою Сократа въ этомъ отношеніи ближе всего можно сравнить подобную же реформу, приписываемую обыкновенно Бэкону, которую считаютъ виновницею того быстраго развитія эмпирическихъ наукъ, какимъ отличаются послѣднія столѣтія нашей эры. Такое сравненіе тѣмъ естественнѣе, что по духу своему обѣ реформы совершенно тождественны, ибо Бэконовъ методъ былъ лишь дальнѣйшимъ развитіемъ метода Сократа. Разница между ними была одна: Сократовъ методъ представлялъ индукцію въ примѣненіи къ понятіямъ, Бэконовъ—ту-же индукцію, но только въ примѣненіи къ матеріальнымъ предметамъ природы; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ,—какъ у Сократа, такъ и у Бэкона,—индукція эта состояла въ устраненіи или принятіи въ соображеніе отрицательныхъ случаевъ, у перваго подъ видомъ діалектическаго устраненія или взаимнаго исключенія противоположныхъ и противорѣчащихъ понятій, у другаго—подъ видомъ демонстративнаго и экспериментальнаго обсужденія и исключенія отрицательныхъ фактовъ или отрицательныхъ инстанцій ¹⁾. Процессъ мышленія во всякомъ случаѣ оставался одинъ и тотъ же.

Что касается до приложенія этого метода у Сократа, то изъ вышеприведеннаго мѣста Ксенофонта и прямаго свидѣтельства

¹⁾ См. Grote, A History of Greece, VIII, 253—57. Купо-Фишеръ, Бэконъ Верул. 100 и слѣд. Умозрительный элементъ индукціи указанъ мною въ моемъ „Обзорѣ философскихъ ученій“. Этотъ умозрительный элементъ роднитъ Бэконовскую индукцію съ Сократовскою еще болѣе.

Аристотеля ¹⁾ мы знаемъ, что Сократъ прилагалъ его преимущественно къ изслѣдованію нравственной области, руководствуясь имъ въ своемъ ученіи о добродѣтели. Это ученіе основывается у него на томъ же основномъ принципѣ самопознанія, какъ и его методъ. Если методъ вытекаетъ изъ познанія себя, какъ существа мыслящаго, то ученіе о добродѣтели вытекаетъ изъ познанія себя, какъ существа дѣйствующаго. Познай самого себя, какъ существо дѣйствующее — это значитъ: отдавай себѣ отчетъ въ каждомъ твоёмъ дѣйствіи, чтобы каждое твое дѣйствіе вытекало изъ *сознательнаго самоопредѣленія*, потому что тогда только твоя дѣятельность будетъ дѣятельностію разумнонравственною. Нравственная дѣятельность безъ яснаго сознанія есть противорѣчіе, уничтожающее эту самую дѣятельность, ибо бессознательная дѣятельность есть дѣятельность механическая, слѣпая, не имѣющая никакой цѣны, не подлежащая никакому нравственному *вмѣненію*. Отъ того нѣтъ достоинства ни въ мужествѣ, ни въ справедливости, если онѣ не основываются на сознаніи.

Но сознательное самоопредѣленіе состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ опредѣленіи своей воли знаніемъ. Значитъ, тѣмъ больше наша дѣятельность имѣетъ нравственной цѣны, чѣмъ совершеннѣе знаніе, изъ котораго она вытекаетъ. Поэтому истинная нравственность можетъ вытекать только изъ истинныхъ понятій. Истинныя понятія, какъ знаніе совершенно правильное, непременно заключаютъ въ себѣ ясное *различіе* добраго отъ худаго, а ясное различіе добраго отъ худаго заключаетъ въ себѣ въ свою очередь сознательное *предпочтеніе* добраго худому; ибо безъ этого предпочтенія не было бы яснаго различія одного отъ другаго и, слѣдовательно, не было бы истиннаго знанія, истинныхъ понятій. Итакъ, истинное знаніе непременно есть предпочтеніе добраго дурному. Это предпочтеніе добраго дурному въ познаніи не можетъ однако оставаться лишь теоретическимъ предпочтеніемъ одного другому въ сознаніи, не сопровождаясь такимъ же предпочтеніемъ въ дѣйствіи, если только наше дѣйствіе сознательно опредѣляется нашимъ истиннымъ знаніемъ. Ибо разъ мы имѣемъ истинное знаніе,

¹⁾ Метог. I, 1, 16. Метарф. XII, 4: „Сократъ занялся нравственными добродѣтелями и первый сталъ искать ихъ общихъ опредѣленій“. Ср. *ibid.* I, 6.

то, по мнѣнію Сократа, никто не станетъ сознательно поступать вопреки собственному сознанію, такъ какъ это совершенно невозможное противорѣчіе ¹⁾. И если кто, повидимому, съ яснымъ сознаниемъ поступаетъ вопреки ясному сознанію добра, то это знакъ, что въ сущности у него нѣтъ яснаго сознанія. На основаніи этой-то невозможности для нашего сознанія впасть въ противорѣчіе съ собою, Сократъ приписываетъ сознанію могущественнѣйшую повелительную силу, или, если выразиться новымъ языкомъ, императивъ, такъ что, по его мнѣнію, нѣтъ ничего сильнѣе мышленія (*οὐδὲν ἰσχυρότερον φρονήσεως*). Отсюда прямо слѣдуетъ, что истинное знаніе, заключающее въ себѣ свое осуществленіе въ дѣятельности, есть добродѣтель. ²⁾ Теперь для насъ должно быть понятно это парадоксальное положеніе, единогласно приписываемое Сократу, что знаніе есть добродѣтель. Оно показываетъ намъ, что Сократъ первый въ теоретическомъ разумѣ открылъ практическую сторону, приписавъ ему повелительность или императивъ, можетъ быть безъ вліянія своего старшаго современника, Анаксагора, считавшаго умъ активнымъ элементомъ сущаго.

Признаніе императива мышленія вело Сократа къ весьма важнымъ послѣдствіямъ въ ученіи о нравственности какъ для того, такъ и для послѣдующихъ временъ. Въ самомъ дѣлѣ, если истинное знаніе обладаетъ могущественнѣйшею повелительностію; то эта повелительность должна быть понята въ смыслѣ извѣстнаго рода законодательства разума, обязывающаго нашу волю, предлагающаго ей извѣстныя требованія, которыя она обязана выполнить, если только она есть воля разумная, а не слѣпая. Но въ этомъ-то законодательствѣ разума или сознанія и заключаются тѣ неписанные законы (*ἀγραφοὶ νόμοι*), о которыхъ первый заговорилъ Сократъ, а за нимъ и его современники, какъ напримѣръ Фукидидъ въ погребальной рѣчи Периклу ³⁾. Это значитъ, что Сократъ не

¹⁾ Метог. IV, 6, b: „Думаешь ли ты, что нѣкоторые, зная то, что должно дѣлать, полагаютъ, что этого должно не дѣлать?“

²⁾ Метог, III, 9, 5: „Онъ утверждалъ, что справедливость и всякая другая добродѣтель состоитъ въ знаніи“ и т. д. Далѣе: Plato, Apol. 25-e, Protag. 333 d. 353 c.

³⁾ Фукидидъ, Истор. II, 37.

только открыть практическую сторону разума, но и повялъ его предписаніе, какъ естественное законодательство, какъ νόμος φύσε: ¹⁾. Это законное по естеству онъ представлялъ имѣющимъ всеобщее значеніе для всѣхъ и каждаго, какъ выраженіе всеобщаго истиннаго знанія, которое у всѣхъ одинаково. Неписанные законы это именно тѣ законы, которые исполняются въ любой странѣ и которые однако не могли быть установлены по всеобщему согласію произволомъ людей; ибо люди, говорящіе разными языками, не въ состояніи были сойтись вмѣстѣ для ихъ установленія. Здѣсь Сократъ становится въ прямую противоположность съ софистами, которые утверждали, что законы суть дѣло совершенно условное и сами по себѣ не имѣютъ для людей обязательной силы, потому что эта сила будто-бы зависитъ единственно отъ воли законодателя. Особенно онъ имѣетъ въ виду софиста Гиппія изъ Елиды, разговоръ съ которымъ объ этомъ предметѣ сохраненъ для насъ Ксенофонтомъ ²⁾. Въ этомъ разговорѣ онъ доказываетъ Гиппію, что даже и положительныя законы государства (νόμοι πόλεως) не зависятъ единственно отъ воли законодателя, ибо служатъ своеобразнымъ выраженіемъ этихъ неписанныхъ законовъ, находящихъ единодушное признаніе со стороны всѣхъ людей.

Итакъ, существуетъ естественное законодательство разума или знанія, выражающееся извѣстнымъ образомъ въ развитіи законодательства положительнаго. Повиновеніе законамъ, проистекающимъ изъ этого законодательства разума или знанія, будетъ въ сущности повиновеніемъ разуму или осуществленіемъ истины. Но творить истину или правду ³⁾ значитъ относиться къ каждому предмету сообразно съ его свойствами, которыя открываются намъ въ истинномъ знаніи или разумѣ. А такое отношеніе есть справедливость, понимаемая въ обширѣйшемъ смыслѣ слова. Очевидно, слѣдовательно, что повиновеніе естественнымъ или положительнымъ законамъ, какъ выраженію истины, есть справедливость, и, наоборотъ, справед-

¹⁾ Небольно припоминаются здѣсь слова Апостола о язычникахъ: „естественно бо законная творять“. Рим. 2, 14.

²⁾ Метог. IV, 4 глава.

³⁾ ποιῆν τὴν ἀληθείαν.

ливость есть повиновеніе этому разумному законодательству. Сократъ дѣйствительно такъ именно и понимаетъ справедливость, когда въ томъ-же разговорѣ съ Гипсіемъ доказываетъ, что законное и справедливое, или законность и справедливость одно и тоже (*τὸ νόμιμον δίκαιον εἶναι*) ¹⁾, или когда справедливое опредѣляетъ какъ требуемое законами ²⁾. Но такое широкое пониманіе справедливости, съ одной стороны, обнимаетъ всю область нравственной дѣятельности человѣка; съ другой, самое существо этой дѣятельности полагаетъ именно въ справедливости; такъ что, по такому взгляду, вся нравственная дѣятельность человѣка состоитъ именно только въ справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, если, по словамъ Сократа, добродѣтель есть знаніе, обладающее по самой природѣ своей законодательною силою, и если выполненіе этого законодательства есть справедливость, то можно сказать, что добродѣтель не только есть знаніе, но именно и справедливость.

Можно полагать, что Сократъ сознательно самъ держался этого взгляда, который внослѣдствіи былъ систематически развитъ его знаменитѣйшимъ ученикомъ, гениальнымъ Платономъ. По Платону, добродѣтель состоитъ въ справедливости; всѣ-же другія добродѣтели: мудрость, мужественная твердость и благоразумная умѣренность представляютъ лишь частное проявленіе или выраженіе справедливости; мудрость по отношенію къ уму, мужество по отношенію къ волѣ и благоразуміе или воздержаніе по отношенію къ чувственнымъ пожеланіямъ. Сократъ не выражалъ этого взгляда столь систематично, но что такой взглядъ былъ ему не чуждъ, на это мы находимъ указанія не у Платона только, но и у Ксенофонта. Такъ благочестіе или богопочитаніе Сократъ прямо называетъ справедливостію ³⁾. Въ другомъ случаѣ онъ называетъ справедливостію трудолюбіе ⁴⁾. Самую справедливость онъ отождествляетъ съ мудростію ⁵⁾, отъ которой не отдѣляетъ благоразумія или воздерж-

¹⁾ Мемор. IV, 4, 12.

²⁾ Мемор. IV, 6, 6.

³⁾ Мемор. IV, 6, 4.

⁴⁾ Мемор. II, 7, 8: „Когда человѣкъ болѣе справедливъ? тогда-ли, когда работаетъ, или тогда, когда въ лѣности думаетъ о необходимомъ?“

⁵⁾ Мемор. III, 9, 5.

ности ¹⁾ и т. д. Слѣдовательно, Сократъ самъ былъ склоненъ разсматривать всѣ виды добродѣтели, какъ виды справедливости, и мы не ошибемся, утверждая, что, сводя добродѣтель къ знанію или мудрости, онъ послѣдовательно долженъ былъ сводить ее и къ справедливости, которую онъ столь выразительно, въ разговорѣ съ Евондемомъ, называетъ царскою добродѣтелью (*βασιλική*) ²⁾, потому что она преимущественно добродѣтель царей. Впослѣдствіи Платонъ, принявъ этотъ взглядъ, присоединилъ къ нему съ своей стороны только то, что отдѣльные виды справедливости приурочилъ къ различнымъ способностямъ души, и тѣмъ придавъ этому ученію тотъ систематическій видъ, который оно сохраняло не только въ продолженіе всей древности, но и въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Было, впрочемъ, и другое различіе между взглядами Платона и Сократа на этотъ предметъ. Платонъ, для обозначенія существа добродѣтели, пользовался словомъ: справедливость, между тѣмъ какъ Сократъ самую справедливость отождествлялъ съ мудростію или знаніемъ. Платонъ всѣ добродѣтели разсматривалъ, какъ виды справедливости, Сократъ дѣлалъ то-же самое, но только самую справедливость онъ понималъ, какъ мудрость, а потому и на отдѣльныя добродѣтели смотрѣлъ не только какъ на виды справедливости, но и какъ на виды мудрости или знанія. Отсюда вытекали у Сократа два дальнѣйшія слѣдствія, именно: что добродѣтель въ сущности только одна ³⁾, и что она, какъ мудрость или знаніе, изучима ⁴⁾, т. е. что добродѣтели можно научиться.

Разсматривая добродѣтель не по существу, а въ отношеніи къ различнымъ человѣческимъ потребностямъ, Сократъ находилъ, что добродѣтель есть нѣчто прекрасное (*καλόν*). Но прекрасное онъ отождествляетъ съ благомъ, а потому и добродѣтель считаетъ тоже благомъ (*ἀγαθόν*) ⁵⁾. Итакъ какъ прекрасное ⁶⁾ и благо ⁷⁾

¹⁾ Memor. III. 9, 4; IV. 2, 1; IV. 5.

²⁾ Plato, Apol. 25. Protag. 329. 352.

³⁾ Memor. IV. 2. 11.

⁴⁾ Arist. Eth. Eud. I. 5. Σωφράτης—ὡστ' εἶναι τέλος τὸ γινώσκεν τῆν ἀρετήν.

⁵⁾ Memor. III. 9. 5. Memor. III. 8. 5.

⁶⁾ Memor. IV. 6. 9.

⁷⁾ Memor. IV. 6. 8; III, 8. 2 и слѣд.

онъ находилъ полезными, потому что то и другое удовлетворяютъ какимъ-нибудь потребностямъ человѣка, то и добродѣтель онъ также считалъ полезною (*ὄφελιμον, χρήσιμον*), потому что и она удовлетворяетъ извѣстнымъ потребностямъ человеческого духа ¹⁾. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, добродѣтель сопровождается благополучіемъ, ибо благополучіе состоитъ въ осуществленіи добраго, прекраснаго и полезнаго. Такое благополучіе, зависящее отъ собственной дѣятельности человѣка (*ἐυπραξία*), Сократъ отличалъ отъ случайнаго счастія (*εὐτοχία*), зависящаго отъ благопріятнаго стеченія внѣшнихъ обстоятельствъ ²⁾. Наслаждаться такимъ благополучіемъ, проистекающимъ изъ собственной добродѣтельной жизни человѣка, и ни въ чемъ не нуждаться, или нуждаться какъ можно въ меньшемъ, есть самое высшее качество жизни, ибо такая жизнь подобна жизни боговъ ³⁾. Таково было нравственное ученіе Сократа.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что Сократъ первый положилъ въ основу своего ученія о практической дѣятельности рациональное понятіе о справедливости, какъ мудрости, выше котораго никогда не поднималась древность. Разсматривая это понятіе въ его юридическомъ приложеніи въ упомянутомъ разговорѣ съ Гиппіемъ, онъ первый положилъ начало рациональной теоріи права и государства, причемъ онъ едва-ли не первый сдѣлалъ также и классификацію древняго государственнаго устройства, различивъ въ немъ три главные типа: аристократію, плутократію и демократію ⁴⁾. До Сократа намъ извѣстны только ученія софистовъ, изреченія семи мудрецовъ, и вся эта мудрость практическаго благоразумія, которая имѣетъ въ сущности совершенно казуистическій характеръ и находитъ нѣкоторое объединеніе развѣ только въ ученіи Гезіода о томъ, что трудъ есть высшій принципъ жизни ⁵⁾. Чтобы понять все значеніе Сократа въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ только припомнить, что позднѣйшее научное движеніе не только всей древ-

¹⁾ Мемор. III. 8. 5, 6 и 7.

²⁾ Мемор. III. 10, 14.

³⁾ Мемор. I. 6, 10.

⁴⁾ Мемор. IV. 6, 12.

⁵⁾ Труды и Дни ст. 311: "Ἔργον δ' οὐδὲν ὄνειδος, ἀεργίη δὲ τ' ὄνειδος, „труда позорнаго нѣтъ, а лишь бездѣйствіе позорно“.

ности, но даже и новѣйшихъ временъ служить въ сущности только развитіемъ принциповъ, положенныхъ Сократомъ въ основу нравственнаго ученія. Послѣдующія времена только ограничили область приложенія этого принципа, выяснивъ, что онъ обнимаетъ собою только сферу юридическихъ отношеній, а не всю сферу нравственности. Греческая и римская древность, средніе вѣка и лучшіе новѣйшіе юристы разсматривали и разсматриваютъ право, какъ выраженіе, и власть, какъ органъ справедливости. Все теоретическое основаніе новѣйшихъ государствъ лежитъ въ принципѣ, столь ясно впервые высказанномъ Сократомъ. Всякое государственное устройство, все правовыя отношенія, все органы власти—все это въ сущности имѣетъ свое послѣднее основаніе только единственно въ идеѣ справедливости.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что принципъ справедливости, какъ-бы онъ послѣдовательно ни былъ проведенъ въ сферѣ юридическихъ отношеній различныхъ государствъ, какъ-бы строго онъ ни прилагался каждымъ отдѣльнымъ лицомъ въ частной жизни,—не можетъ все-таки быть верховнымъ основаніемъ жизни человѣчества. Все, къ чему онъ можетъ привести насъ, это—„око за око и зубъ за зубъ“, или, какъ говоритъ Сократъ: „предупреждай враговъ зломъ, а друзей благодѣяніемъ“¹⁾. Иными словами: воздай каждому должное, потому что *justitia est constans et perpetua voluntas suum cuique distribuendi*²⁾, какъ говоритъ *Codex Justinianus*—и больше ничего. Но не говоря уже о томъ, что этотъ принципъ самъ въ себѣ носитъ противорѣчіе, ибо, при строжайшемъ примѣненіи, справедливость въ жизни человѣческой переходитъ какъ-бы въ несправедливость; *summum jus*, по замѣчанію Цицерона, является какъ *summa injuria*,—во всякомъ случаѣ человѣчество должно искать спасенія не въ этомъ принципѣ. Право и государство не могутъ водворить на землѣ порядковъ, ведущихъ людей къ высшему совершенству и уничтоженію зла въ мірѣ. Есть высшій принципъ, абсолютный, котораго нельзя никогда превзойти или отмѣнить, и въ которомъ лежитъ высшее совершенство земной

¹⁾ Метог. II, 3, 14: „На мой взглядъ, тотъ человѣкъ заслуживаетъ величайшей похвалы, который враговъ предупреждаетъ зломъ, а друзей благодѣяніями“.

²⁾ Справедливость состоитъ въ постоянномъ и неизмѣнномъ желаніи отдавать всякому свое.

жизни и врачество всѣхъ общественныхъ и личныхъ золъ. Этотъ принципъ есть самоотверженная любовь къ ближнему, провозглашенная христіанствомъ,—любовь, понимаемая въ смыслѣ жертвы. Жертва, какъ жертва, не уничтожаетъ, конечно, справедливости; напротивъ, предполагаетъ ее, ибо жертвовать я могу только тѣмъ, что я имѣю по справедливости, что можетъ быть признано за мною юридически; но тѣмъ не менѣе она вноситъ въ жизнь совершенно иной порядокъ, отличный отъ юридическаго,—порядокъ, въ коемъ уничтоженіе зла становится возможнымъ въ силу именно личной инициативы, въ силу коей происходитъ и самое зло,—слѣдовательно, здѣсь зло исцѣляется въ корнѣ. Жертва въ сущности такой могущественный принципъ, который переставляетъ всѣ человѣческія отношенія, начиная съ малыхъ и до великихъ: ничтожное она дѣлаетъ значительнымъ, слабое сильнымъ; малое дѣтя значитъ здѣсь тоже, что и великій мудрецъ; лепта вдовицы и чаша студеной воды ставятся дороже цѣлаго состоявія богачей. Но принципъ жертвъ есть принципъ христіанской церкви, въ противоположность принципу справедливости, который есть принципъ государства. Поэтому только церковь и можетъ обновить лицо земли. Государство лишь предварительное условіе или среда церкви, а церковь та закваска, которая должна всквасить это тѣсто, чтобы привести людей къ совершенству... Но если это такъ, то мы по справедливости можемъ сказать, что Сократъ былъ однимъ изъ людей, коихъ благое провидѣніе избираетъ своими орудіями; ибо онъ-то, какъ мы видѣли, въ особенности и училъ воздавать кесареву кесарево, безъ чего, при несовершенствѣ нашей природы, невозможно воздавать и Божію Богови. По взгляду нѣкоторыхъ отцовъ и учителей церкви, онъ, на ряду съ Платономъ и другими философами, своимъ ученіемъ воспитывалъ въ справедливости язычниковъ, подобно закону Моисееву, бывшему пѣстуномъ народа Еврейскаго. На этомъ основаніи, напримѣръ, Іустинъ философъ относитъ его къ числу людей, которыхъ можно назвать „христіанами“ изъ язычниковъ ¹⁾.

М. Остроумовъ.

¹⁾ Iust. Apol I, (44) 46 cc.

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

въ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

(Продолженіе *).

II. Гезіодъ въ его отношеніи къ идеѣ Божества.

„Гезіодъ и Гомеръ сочинили теогонію для грековъ, дали богамъ наименованія, распредѣлили почести и занятія и обозначили виды ихъ“, — говорилъ еще въ V до-христіанскомъ вѣкѣ отецъ исторіи—Геродотъ ¹⁾. Эти слова его часто повторялись древними. „Невыразимо вліяніе, оказанное Гезіодомъ и Гомеромъ на все послѣдующее время и на развитіе греческой жизни и греческихъ правовъ“, — слышимъ отзвукъ этихъ словъ и въ наше время ²⁾. Ихъ сочиненія были для грековъ не только лучшими памятниками народной литературы, но и символическими книгами ихъ народной религіи. Онѣ внимательно читались и изучались какъ дома, такъ и въ школахъ; свѣдущіе люди дѣлали ихъ предметомъ истолкованія; послѣдующіе писатели основывали на нихъ свои личныя мнѣнія и т. д. Потому понятно, что имя Гезіода не можетъ быть опущено изъ вниманія при изслѣдованіи исторіи религіознаго міросозерцанія древней Греціи. Рядомъ съ Гомеромъ Гезіодъ естественно долженъ быть поставленъ и по времени своей жизни, какъ старѣйшій изъ пресмнниковъ Гомера, оставившихъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1881 г. № 9, 10 и 11.

1) Исторіи вѣ. II, гл. 53.

2) Школка. Аполлогетическія бесѣды о лицѣ Іисуса Христа. Стр. 11. Спб. 1870. Срав. J. J. Wagner. Homer und Hesiod. Vorrede. Ulm, 1850 и др.

Океанѣ и Титанѣ, отъ которыхъ „все родилось“ ¹⁾, о Гелиосѣ, „видящемъ все и слышащемъ все въ поднебесной“ ²⁾, о „древнемъ Кроноѣ“, отцѣ Зевса—главнаго Божества народной религіи ³⁾, о титанахъ, съ ихъ могучею силою ⁴⁾ и т. п. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ Гомеръ такъ или иначе касается вопросовъ не только вѣры, довольствующейся беззавѣтнымъ признаніемъ существующаго или мыслимаго, какъ такого, но и—разума, естественно доискивающегося того, *какъ*, *почему* и *отчего* что-либо такъ, а не иначе мыслится или существуетъ, — затрогиваетъ вопросы не только о свойствахъ и дѣйствіяхъ Божества, очевидныхъ для разума и вѣрою легко пріемлемыхъ, но и объ отношеніяхъ его какъ въ самомъ себѣ, по его существу, такъ и къ міру, равно какъ и міра къ Божеству, т. е. вопросы теогоніи и космогоніи. Но всему этому, какъ само собою понято, у Гомера не доставало цѣльности и единства, ясности и отчетливости по изложенію: Гомеръ былъ эпическій поэтъ, а не богословъ или философъ собственно. Такими богословами-философами явились ближе всего поэты дидактическіе и именно теогонисты, предпринявшіе попытку пополнить пробѣлъ, столь замѣтный у Гомера въ разсматриваемомъ отношеніи. Изъ ихъ теогоній, менѣе совершенныхъ, бывшихъ до Гомера и Гезіода и до насъ не дошедшихъ, составилаь теогонія болѣе совершенная, дошедшая до насъ съ именемъ Гезіода и теперь насъ интересующая. Она представляется въ столь обычной для тогдашняго времени формѣ поэмы (и именно дидактической). Задачу своего труда теогонистъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ обращенія къ музамъ:

„Скажите, какъ въ началѣ произошли боги и земля ⁵⁾

„И рѣки и безпредѣльное море, ярящееся волнами,

„И блистающія звѣзды и превышшее широкое небо: ⁶⁾

¹⁾ Ил. XIV, 201, 245, 302; Срав. Ил. XX, 7; XXI, 195; Од. X, 139 и др.

²⁾ Ил. III, 277; срав. 104; XIX, 259 и др.

³⁾ Ил. XIV, 274; XV, 187 и нѣк. др.

⁴⁾ Ил. XIV, 279; Срав. гимнъ Аполл. Пин. ст. 157; также Ил. VIII, 479 и дал.; XV, 225 и др.

⁵⁾ Γαῖα.

⁶⁾ Οὐρανός.

„И какіе отъ нихъ произошли боги, податели благъ,
 „Какъ раздѣлили они богатство и какъ распредѣляли почести,
 „А также и какъ сначала овладѣли многоущельнымъ Олимпомъ.
 „Это повѣдайте мнѣ музы, имѣющія жилища на Олимпѣ
 „Сначала, и скажите, что прежде бывъ было“ 1).

Отсюда видно, что Гезіодъ задался рѣшеніемъ вопросовъ прямо религіозно-философскихъ, касающихся происхожденія боговъ и міра, т. е. вопросовъ теогоніи и космогоніи. Вопросы космогоническіе такъ тѣсно примыкаютъ у него при этомъ къ вопросамъ теогоническимъ, такъ переплетаются съ ними, что намъ волей-неволей придется воспользоваться, выговореннымъ во введеніи къ настоящимъ нашимъ статьямъ, правомъ коснуться и перваго рода вопросовъ, какъ относящихся къ составу содержанія идеи Божества 2). Какъ же рѣшаетъ Гезіодъ въ своей теогоніи тѣ и другіе вопросы?—Въ отвѣтъ на это вотъ его собственныя слова:

„Прежде всего былъ хаосъ, а потомъ
 „Широкогрудая земля, 3) вѣчно непоколебимое сѣдалище для всѣхъ
 „Безсмертныхъ, которые владѣютъ вершинами вѣчнаго Олимпа,
 „И мрачные тартары въ пронасти обширной земли 4),
 „А также и Эроть 5), который, будучи прекраснѣйшимъ между безсмерт-
 ными богами,
 „Рѣшителемъ заботъ для всѣхъ боговъ и для всѣхъ людей,
 „Укрощаетъ въ груди сердце и благоразумный совѣтъ“ 6).

Итакъ, вотъ начало и первые виды бытія, по Гезіодовой теокосмогоніи. Уже то самое обстоятельство, что одни изъ издателей Гезіодовой „Теогоніи“ печатаютъ приведенныя изъ нея слова: *хаосъ, земля, тартары* и *Эротъ* съ прописныхъ буквъ въ началѣ, а другіе—съ строчныхъ, показываетъ, что одни принимаютъ ихъ за имена собственныя, а другіе—за имена нарицательныя; одни видятъ здѣсь обозначеніе именъ божествъ народной религіи, а другіе—указаніе на первыя стихіи міробытія. Но что же именно и дѣйствительно должно здѣсь разу-

1) Теог. 108—115.

2) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1884 г. № 9, отд. фил., стр. 490.

3) Γαῖα.

4) Χθονός.

5) Любось, богъ любви.

6) Теог. 116—122.

мѣть?—Оставляя въ сторонѣ толкованія новѣйшаго времени, весьма разнообразныя и нерѣдко несогласныя между собою, обратимъ ближайшее вниманіе на словоупотребленіе самого Гезіода и на древне-греческія толкованія его „*Θεογονίη*“, припомнивъ то обстоятельство, что эта „*Θεογονія*“, на ряду съ твореніями Гомера, была предметомъ благоговѣйнаго вниманія и глубокаго изученія въ древней Греціи. Судя по связи рѣчи *θεογονιστά*, которую мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, и по употребленію разсматриваемыхъ словъ съ одной стороны въ приведенномъ, а съ другой—въ дальнѣйшихъ мѣстахъ той-же „*Θεογονіи*“, нужно думать, что самъ Гезіодъ имѣлъ здѣсь въ виду первоначала бытія космическаго, а не божественнаго. Тоже самое ясно подтверждаютъ и толкованія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, напримѣръ нѣкоторыхъ изъ представителей іонійской философской школы, также философовъ Платона и особенно Аристотеля. Подтвержденіе того-же мы увидимъ въ свое время и у орфиковъ, *θεο-κοσμογονία* которыхъ еще ближе къ Гезіодовой, нежели философія іонійская, Платонова и Аристотелева, и по времени своего происхожденія, и по характеру содержанія. Теперь, что въ особенности должно разумѣть подъ первоначаломъ всякаго бытія по Гезіоду,—хаосомъ? Сами древніе греки весьма разногласили въ пониманіи хаоса: одни разумѣли подъ нимъ у Гезіода воздухообразную безформенную первоматерію (представители іонійской философской школы), а другіе — пустое пространство (Аристотель и его школа). Спорное дѣло можетъ рѣшить лишь самъ *θεογονιστής*. Три раза въ своей „*Θεογονіи*“ употребляетъ онъ слово: *Χαός*, кромѣ вышеприведеннаго случая, именно въ стихахъ: 123;700 и 814 и сверхъ того въ стихѣ 740 употребляетъ слово одного съ нимъ корня: *Χάσμα* (отъ *χαίω*, *χάσσω* — зіяю, разѣваю ротъ), — и во всѣхъ этихъ случаяхъ, повидимому, въ смыслѣ пространства, пустоты, бездны. Впрочемъ, то-ли и дѣйствительно должно разумѣть у Гезіода подъ хаосомъ въ настоящемъ случаѣ, это, надѣемся, уяснить дальнѣйшее теченіе рѣчи самого *θεογονιστά*, равно какъ отсюда-же уяснится и значеніе остальныхъ трехъ первоначаль бытія. Именно, вслѣдъ за приведенными выше словами у Гезіода мы читаемъ:

„Отъ хаоса произошли Эревь и черная ночь;
 „А отъ ночи произошли эфиръ и день,
 „Которыхъ она родила, зачавъ въ объятіяхъ Эрева“ 1).

Доселѣ упоминались у Гезіода первоначала бытія, взаимно независимыя, хотя и одно послѣ другаго появлявшіяся въ вышеприведенномъ порядкѣ. Теперь слѣдуютъ виды бытія, одинъ отъ другаго происходящіе, именно: отъ хаоса—Эревь и черная ночь, а отъ ночи и Эрева—эфиръ и день. При томъ хаосъ одинъ, безъ союза съ какимъ-либо изъ первоначалъ бытія, производитъ отъ себя эревь и ночь, а ночь производитъ эфиръ и день отъ супружескаго союза съ Эревомъ. Затѣмъ, судя потому, что Эревомъ у грековъ обозначался собственно подземный мракъ, а ночь обозначала мракъ надземный, нужно предположить, что хаосомъ, отъ котораго они произошли, Гезіодъ хотѣлъ обозначить какъ пространство, занимаемое надземнымъ и подземнымъ мракомъ, такъ и содержимое этого пространства, т. е. безформенное воздухообразное вещество; иначе сказать, хаосъ по Гезіоду есть дѣйствительно пространство, но только не абсолютно пустое; онъ есть настолько же первопространство, насколько и первоматерія, перво-стихія міроваго бытія. Съ такимъ объясненіемъ согласно будетъ и то, что по Гезіоду является происшедшимъ отъ хаоса: отъ союза ночи съ эревомъ, происшедшихъ отъ хаоса, происходитъ не только день, но и эфиръ, который, конечно, уже не означаетъ лишь пустое протяженіе, а и матерію, хотя-бы и тончайшую. Тоже самое подтверждается и инымъ соображеніемъ. Упомянутые выше тартары указываютъ на помѣщенія для того же подземнаго мрака, который въ настоящемъ случаѣ начинается словомъ: Эревь 2); а тѣ тартары названы мрачными (*ἠερβία*) не только по противоположности свѣту, какъ бѣлому черное, т. е. по качеству, но и по свойству своего содержимаго: туманности, воздухообразности 3). Правда, Аристотель, Секстъ Эмпирикъ и другіе, приводя первые стихи Гезіодовой „Теогоніи“, опускаютъ стихъ, въ которомъ идетъ рѣчь

1) Теог. 122—125.

2) Срав. Теог. ст. 822.

3) *ἠερβία* происходитъ, конечно, отъ іонич. *ἠήρ* (см. *ἀήρ*)—туманъ, воздухъ.

о тартарахъ; а новые переводчики той-же „*Θεογονίᾱ*“, въ виду этого, измѣняютъ и смыслъ подлинника въ рассматриваемомъ мѣстѣ. Быть можетъ, и дѣйствительно въ глубокой древности стиха этого не было въ Гезіодовой „*Θεογονίᾱ*“, такъ какъ связь мыслей космогоническимъ и за опущеніемъ его не нарушается. Но и при существованіи его мысль теогониста для насъ ясна безъ всякихъ натяжекъ въ переводѣ ¹⁾. Онъ хотѣлъ прежде всего указать условія бытія всего сущаго. На первомъ планѣ у него поставлено условіе пространства, которое является сначала въ общемъ и неопредѣленномъ видѣ хаоса, затѣмъ въ болѣе частномъ и опредѣленномъ видѣ земной поверхности (земля) и подземелья (тартары). Подъ землею (Гэею) онъ не разумѣетъ почвенный собственно составъ ея, но разумѣетъ землю въ общемъ смыслѣ, во всемъ объемѣ заключающагося въ ея названіи понятія и, между прочимъ, въ смыслѣ занимаемаго ею пространства: почву (*χθών*) онъ тутъ же именуетъ, когда говоритъ о тартарахъ, какъ заключающихся „въ пропасти земли“. Этимъ вполнѣ выясняется космическое значеніе обоихъ первоначалъ—земли (Гэи) и тартара. Остается выяснить значеніе послѣдняго изъ первоначалъ,—Эрота. И его значеніе легко выясняется изъ ближайше приведеннаго отрывка. Между тѣмъ какъ въ раньше приведенномъ отрывкѣ мы видѣли, что Гезіодъ представляетъ Эрота какъ - бы личнымъ божествомъ (любви), называя его прекраснѣйшимъ изъ боговъ, изъ настоящаго отрывка прямо выясняется его космическое значеніе, соотвѣтственно признанному уже нами космогоническому смыслу начальныхъ стиховъ Гезіодовой „*Θεογονίᾱ*“. Объ Эротѣ, какъ одномъ изъ божествъ народной мѣологии, рѣчь у Гезіода дальше, именно въ ст. 201, гдѣ Эротъ является спутникомъ Афродиты. Въ рассматриваемомъ же мѣстѣ Эротъ является не болѣе какъ производительною первосилою, „началомъ дѣятельнымъ“ (*δραστικῆρος ἀρχή*), по объясненію Секста Эмпирика ²⁾, или высшею связующею потенціею производительности въ мірѣ, слѣдователь-

¹⁾ Пріймемъ ко вниманію то, что въ 821—822 стихахъ „*Θεογονίᾱ*“ отъ земли (Гэи) и Тартара рождается Тифою (чудовище), подобно тому какъ и отъ другихъ первоначалъ бытія міра.

²⁾ Adv. phys. lib. IX, pag. 536; conf. 537 tomі II ed. Lipsiae, 1841.

но является столько-же необходимымъ условіемъ бытія его, какъ и пространство. И вотъ первое проявленіе дѣятельности этого начала, ночь, соединившись союзомъ любви (*φιλότητι μιγείσα*) съ Эревомъ, производитъ эопръ и день. Въ этомъ-то смыслѣ позже Парменидъ и другіе философы называли Эрота началомъ мірозданія ¹⁾. Въ этомъ же смыслѣ и у Гезіода Эроть является условіемъ произведенія бытія возможно лучшаго изъ сравнительно худшаго. Какъ здѣсь ночь и Эревъ, мрачные сами въ себѣ, подъ его вліяніемъ, производятъ нѣчто свѣтлое—эопръ (отъ *αἴθω*—жгу, воспаменяю) и день, такъ и въ дальнѣйшемъ теченіи космо-ѳеогоніи. А за всѣмъ тѣмъ въ чертахъ, которыми у Гезіода охарактеризованъ Эроть, мы должны видѣть не болѣе, какъ поэтическое олицетвореніе. Идемъ далѣе за космоѳеогонією Гезіода. Нашъ ѳеогонистъ начинаетъ теперь длинный рядъ порожденій земли (Гэи), которая по началу, безъ участія Эрота,

„....родила равное себѣ

- „Звѣздное небо (Урана), чтобы оно покрывало ее со всѣхъ сторонъ,
 „Дабы было вѣчно непоколебимымъ сѣдалищемъ для безсмертныхъ боговъ.
 „Родила также высокія горы, пріятныя жилища богинь,
 „Цимфъ, которыя обитаютъ въ лѣспестыхъ горахъ;
 „А также и безплодную пучину родила, ярящуюся волнами,
 „Море а потомъ,
 „Возлегли на ложе съ Ураномъ (небомъ), родила глубоководный океанъ,
 „Кія, Крія, Иперіона и Іанета,
 „Ѳею, Рею, Ѳемиду и Мнимосину,
 „Златовѣнечную Фиву и любезную Тпѳенсу.
 „Послѣ-же нихъ родился самый младшій, хитроумный Кроносъ,
 „Ужаснѣйшій изъ дѣтей: онъ ненавидѣлъ и цвѣтущаго (здоровьемъ) родителя“ ²⁾.

Такъ уже и здѣсь ясно, что между тѣмъ какъ безъ участія Эрота (любви) земля (Гэя) производитъ безличныя части видимой природы: небо, горы и море, при его благодѣтельномъ участіи (отъ Урана) она рождаетъ рядъ титановъ и титанидъ, въ которыхъ, какъ видно и изъ самаго названія ихъ, кроются не только безличныя силы, явленія и части природы, но и лич-

¹⁾ Fragm. phil. gr. ed. Mullach. pag. 128 et. annot. ed. cit. Conf. Sexti Empir. loco citato.

²⁾ Geor. 126—133.

ныя единицы или, по крайней мѣрѣ, основанія и условія бытія существъ личныхъ. Насколько въ Океанѣ съ Титисою разумѣется водное пространство и материковая область, въ Кіѣ, Кріѣ, Иперіонѣ, Теѣ и Фивѣ—свѣтовая область въ различныхъ ея сторонахъ и обнаруженіяхъ, а въ Кронѣ и Реѣ—время и текучесть бытія, его движеніе, настолько-же въ Іапетѣ ¹⁾, въ Теמידѣ (богинѣ суда, справедливости) и Мнимосинѣ (памяти, богинѣ умственной воспроизводительности и производительности) видѣются начала и условія бытія существъ личныхъ, рода человѣческаго. Но этимъ еще не кончился рядъ Уравіоновъ. Послѣ Крона земля (Гэя) родила еще одноглазыхъ циклоповъ,

„которые дали Зевсу громъ и устроили ему молнію“ ²⁾,

а затѣмъ сторукихъ исполиновъ-титановъ: Котта, Вріарея и Гиса. Подъ циклопами разумѣются грозныя подземныя силы, являющіяся въ изверженіяхъ огнедышащихъ горъ (отсюда — одноглазые циклопы), въ землетрясеніяхъ и т. под., а подъ сторукими исполинами—такія явленія природы, какъ ураганы, бури, грозы и т. под. При этомъ теогонистъ опять не упускаетъ случая замѣтить о ненависти исполиновъ къ своему родителю (Урану) за то, что онъ

„Всякаго изъ дѣтей, который только появлялся,

„Скрывалъ въ пропасти земли (Гэи) и на свѣтъ не выпускалъ“ ³⁾.

По связи съ этимъ далѣе Гезіодъ обстоятельно передаетъ миѣ о томъ, какъ, по совѣту стонавшей отъ такихъ безжалостныхъ отношеній Урана къ дѣтямъ земли (Гэи), „великій хитроумный Кронъ“ оскотилъ отца своего Урана ⁴⁾. Послѣдствіемъ этого было то, что Кронъ и завладѣлъ кормиломъ міроуправленія, доселѣ бывшимъ въ рукахъ Урана. Порожденія, произшедшія отъ капель крови оскотленнаго Урана (Эринніи, гиганты и нимфы меліи) и отъ самыхъ оскотленныхъ частей его (Афродита, богиня любви чувственной), даютъ Гезіоду поводъ возвратиться къ генеалогіи божествъ. Эту генеалогію онъ и

¹⁾ Срав. имя Іафета, сына Ноева.

²⁾ Теог. 141.

³⁾ Тамъ-же, 156—157; срав. 158.

⁴⁾ Тамъ-же, 160—182.

ведеть теперь, начавъ съ порожденій ночи, которыя, кромѣ сна и сновидѣній, отображаютъ въ себѣ различныя степени и обнаруженія зла (ст. 211—232) и продолживъ порожденіями морской пучины (понта), Форкиса и Оксана съ Тиѳисою, — все это по преимуществу въ области воднаго пространства (233—370), а затѣмъ порожденіями титановъ свѣтовой области, именно: Иперіона (первымъ сыномъ котораго былъ Гелиосъ—солнце), Крія и Кія (371—451). Съ ст. 453-го начинается исторія поколѣнія Крона отъ Реи и вмѣстѣ съ тѣмъ исторія паденія царства Крона и возвышенія, на его мѣсто, царства Зевсова, такъ что и вставленные сюда (ст. 507—808) нѣкоторые мифическіе эпизоды, относящіеся, повидимому, къ разъясненію исторіи Ураніоновъ (родъ Іапета, порожденіе тартара и др.) служатъ лишь подтвержденіемъ той-же исторіи. Крону предсказано было Ураномъ и Гэею, что и его сила ослаблепа будетъ однимъ изъ его сыновей. Посему онъ поглоцалъ (κατέπινε) всякаго, кто ни раждался отъ Реи. Последнюю на столько-же огорчало это обстоятельство, на сколько и Гэю — подобное-же отношеніе Урана къ ея сыновьямъ. И между тѣмъ какъ Гэя замыслила осклопеніе Урана, Рея употребила хитрость. Когда родился у нея Зевсъ, она вмѣсто него, подала Крону для поглощенія камень. Обманъ удался, и Зевсъ, тайно воспитанный на островѣ Критѣ, въ послѣдствіи, съ помощію братьевъ своихъ: Посидона и Анда, а равно и нѣкоторыхъ изъ Ураніоновъ (сторукихъ исполиновъ и циклоповъ), осуществилъ предсказанное Крону Ураномъ и Гэею и, послѣ многолѣтней упорной борьбы съ титанами и другими враждебными силами, овладѣлъ Олимпомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кормиломъ управленія вселенной ¹⁾:

„Послѣ того какъ блаженные боги совершили подвигъ
„Успешной борьбы съ титанами изъ-за чести,

¹⁾ У Гезіода собственно не указывается ясно, какъ именно совершилъ Зевсъ это великое дѣло. Позднѣйшій комментаторъ еегоній Аполлодоръ Аеніскій (2-го в. до Р. Хр.), во 2-й главѣ 1-й книги своей „Библиотеки“ дополняетъ этотъ пробѣлъ сказаніемъ, что супруга и сотрудница Зевса Мнѣида (совѣтъ, мудрость) дала Крону зелье, отъ котораго онъ извергнулъ все, что поглотивъ доселѣ (камень и дѣтей) и что въ борьбѣ титановъ противъ Зевса участвовали опять Кронъ, который такимъ образомъ и былъ побѣжденъ Зевсомъ (pag. 2—3. Lipsiae, 1832 г.).

„Они поручили царствовать и властвовать,
 „По совѣту Гэя, Олимпійскому широкозрящему Зевсу
 „Надъ безсмертными; а онъ между ними мудро распредѣлялъ почести“ ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается новое поколѣніе божествъ, происходящихъ отъ Крононовъ, которое вполне замѣняетъ собою прежнія поколѣнія въ обладаніи различными частями природы (886—962). Такъ въ свѣтовой и воздушной области, на мѣсто титановъ этой области, является самъ Зевсъ съ Прюю и отчасти съ Истією (Вестою); Гэю замѣнила собою Димитра; область воднаго пространства перешла къ Посидону; на мѣсто Эрева и Тартара въ подземномъ царствѣ является Аидъ. Также замѣна послѣдовала и въ второстепенныхъ должностяхъ: вмѣсто Иперіона и Геліоса (солнца) является сынъ Зевса Фебъ ²⁾ Аполлонъ; вмѣсто Селины, дочери Иперіона,—Артемиды, дочь Зевсова и т. д. Притомъ божества теперь являются все болѣе и болѣе съ качествами существъ личныхъ. Въ виду этого и изъ поколѣнія Уранидовъ остались теперь дѣйствующими лишь тѣ божества, которыя болѣе другихъ обладали личными качествами, каковы: Темида, Минимоспа и др. Прочія же или отошли на задній планъ (Геліосъ, циклопы и др.), остались въ сторонѣ, не удѣлъ (Океанъ, титаны-исполны и др.), или даже совсѣмъ не упоминаются. Наконецъ, отъ Крононовъ-же (преимущественно Зевса) ведутъ свой родъ и люди (963—1022).

И. Жорсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Θεог. 881—885.

²⁾ Φοῖβος. Срав. имя Фивы (Φοῖβη), одной изъ титанидъ свѣтовой области.

ПИСЬМА

ФИЛОСОФА СЕНЕКИ.

ПИСЬМО XXXIX *).

БЛАГО ПОЗНАЕТСЯ РАЗУМОМЪ, А НЕ ЧУВСТВОМЪ, И, ВЪ РЯДУ ЗЕМНЫХЪ СУЩЕСТВЪ, ДОСТУПНО ТОЛЬКО РАЗУМНОМУ СУЩЕСТВУ—ЧЕЛОВѢКУ.

*Многіе древнихъ уроки могу тебѣ передать я,
Только узнать заботы о мелкихъ вещахъ не досадуй **).*

Но ты не бѣжишь, и крохотливость изслѣдованія тебя не гонитъ прочь. Не дѣло тонкаго вкуса—гоняться только за большимъ. И я одобряю, что ты все доводишь до какого-либо успѣха, и тамъ только терпишь уронъ, гдѣ съ величайшею провинцальностію ничего нельзя добиться: я употреблю все усилія, чтобы подобнаго не произошло и теперь. Спрашивается, чувствомъ или разумомъ постигается благо? Въстѣ съ этимъ вопросомъ связано *положеніе*, что у безсловесныхъ животныхъ и дѣтей это благо не обрѣтается. Все, ставящее удовольствіе на высшую ступень, считаютъ благо за *ничто*, воспринимаемое чувствомъ, мы же, назначающіе такое *высокое мѣсто* для души, считаемъ его за познаваемое разумомъ. Если-бы сужденіе о благѣ было предоставлено чувствамъ, мы не могли бы отвергнуть ни одного удовольствія: нѣтъ ни одного изъ удовольствій, которое не очаровывало бы насъ и не тѣшило. И обратно, охотой мы не пошли бы ни на какое страданіе: нѣтъ страданія, которое не поражало бы болью наше чувство. Затѣмъ,

*) Ер. 124.

**) Virg. Georg. 1, 176.

не были бы достойны и упрека тѣ, у которыхъ удовольствіе слишкомъ много значить, а боязнь страданія слишкомъ велика. А вѣдь мы порицаемъ поработившихъ себя прихотямъ вкуса и сладострастію, и лишаемъ своего почтенія тѣхъ людей, которые изъ страха предъ страданіемъ не осмѣливаются *предпринять* ничего такого, что достойно мужа. Въ чемъ же погрѣшаютъ они, если покорствуютъ чувствамъ, т. е. судьямъ добра и зла? Они сами передали имъ рѣшающій голосъ *въ вопросъ* о желаніи или отверженіи чего-либо. Но очевидно, разумъ и предназначень для того, чтобы постановлять непоколебимыя рѣшенія о жизни, добродѣтели, о честномъ, о добрѣ и злѣ. У тѣхъ же *) худшей части *человѣка* предоставляется судъ о лучшей,—допускается, чтобы чувство, эта слабая и тупая сила, которая у *человѣка* еще коснѣе, чѣмъ у другихъ живыхъ тварей, провозглашала сужденіе о благѣ. Что, если бы кто пожелалъ различать мелкія вещи не зрѣніемъ, а осязаніемъ? И какъ для изученія мелкихъ вещей болѣе пригодно чувство зрѣнія, *а не осязаніе*, такъ и для того, чтобы распознавать добро и зло, *сколько бы человѣкъ ни искалъ*, онъ не нашелъ бы болѣе острой и сосредоточенной силы, *кромѣ разума*. Видишь, въ какомъ невѣдѣніи истинны кружатся и какъ уничижаетъ возвышенное и божественное тотъ, у котораго о добрѣ и злѣ судить чувство. „Какъ—скажутъ—всякая наука и искусство должны имѣть нѣчто ясное, воспріемлемое чувствомъ, отъ чего они получаютъ начало и движутся впередъ; такъ и счастливая жизнь основу и начало получаетъ отъ очевиднаго и отъ того, что поддается чувствамъ. Вѣдь и сами вы говорите, что счастливая жизнь беретъ начало отъ того, что вполне ясно“. Мы утверждаемъ, что то достойно названія счастья, что происходитъ сообразно съ природой; а что бываетъ сообразно съ природой,—и теперь вполне ясно, равно какъ и то, что совершенно. О томъ же, что бываетъ сообразно съ природой и что тотчасъ же достается на долю новорожденному, я не говорю, что оно благо, а только начало блага. Ты величайшее благо, удовольствіе даришь дѣтскому возрасту, такъ что *человѣкъ* при своемъ рожденіи начинаетъ съ того, до чего дохо-

*) Эпикурейцевъ.

дигъ человѣкъ, прошедшій полный путь нравственнаго совершенствованія. Вершину ты ставишь на мѣсто корня. Если бы кто сталъ говорить, что это скрывающееся въ утробѣ матери, нѣжное, слабое и недоразвившееся существо неопредѣлимаго даже еще пола причастно уже какому-либо благу,—то онъ во мнѣнїи всѣхъ былъ бы заблуждающимся. Но какъ мало разницы между тѣмъ, который только что начинаетъ жизнь, и тѣмъ, который еще есть скрытое бремя материнскаго чрева? Тотъ и другой, насколько въ нихъ есть силы для распознаванія добра и зла, одинаково незрѣлы, и ребенокъ еще не болѣе воспримчивъ къ добру, чѣмъ дерево или какое-либо безсловесное животное. Почему же въ деревѣ или безсловесномъ нѣтъ того, что называется благомъ? Потому что нѣтъ разума. Потому и у ребенка благо не обрѣтается, что недостаетъ у него разума. Блага онъ достигнетъ тогда, когда войдетъ въ разумъ. Есть неразумныя живыя существа; есть еще недостигшія разума; есть разумныя, но несовершенныя. Ни у кого изъ нихъ нѣтъ блага: разумъ приноситъ его съ собой. Итакъ, какое различіе между упомянутыми твореніями? Въ томъ, что неразумно, благо никогда не будетъ имѣть мѣста; въ томъ, что неразумно еще, въ то время не можетъ оно обрѣтаться; въ несовершенномъ можетъ уже обрѣтаться, но его нѣтъ. Я думаю такъ, мой Луцилій: благо не вмѣщается во всякомъ тѣлѣ, не обрѣтается во всякомъ возрастѣ, и отъ младенчества столь далеко отстоитъ, какъ послѣднее отъ перваго, какъ доведенное до конца отъ его начала; слѣдственно, его нѣтъ и въ нѣжномъ, сначала только растительно развивающемся тѣлцѣ. Такъ и совсѣмъ нѣтъ? Не болѣе, чѣмъ въ сѣмени. Вѣдь если бы ты сказалъ: мы знаемъ нѣчто доброе въ деревѣ или хлѣбномъ посѣвѣ, то, признавая это, мы отвѣтили бы, что оно находится не въ первомъ отпрыскѣ, который только что расторгъ почву, движимый жизненною силою. Есть нѣчто доброе въ пшеницѣ, однако не въ млечномъ сокѣ первой травки, и не тогда, когда показывается на свѣтъ мягкій, не налившійся еще колосъ, но когда лѣто и полная зрѣлость засушитъ зерно. Какъ каждое существо по роду своему раждаетъ на свѣтъ доброе, лишь достигши совершенства: такъ благо человѣка на-

ходится въ немъ, лишь когда у него разумъ совершенный. На вопросъ, что есть благо, я скажу: свободная, возвышенная душа, подчиняющая все другое, сама не подчиняющаяся ничему. Этого блага до такой степени не вмѣщаетъ дѣтство, что *даже и* отрочество не имѣетъ надежды не обладаніе имъ, а юность надѣется имѣть его, *но* безъ всякаго права. Въ хорошемъ положеніи находится старость, если долгимъ и напряженнымъ трудомъ *надъ собой* человѣкъ дошелъ до подобнаго конца: если этотъ конецъ есть благо, то оно постигается только разумомъ. „Ты сказалъ—возразить,—что нѣчто доброе есть и въ растеніи и въ злакѣ; значитъ, и въ дѣтствѣ есть нѣчто подобное“. Истиннаго блага нѣтъ ни у растеній, ни у безсловесныхъ: благо ихъ называется благомъ не въ собственномъ смыслѣ. Оно есть то, что бываетъ сообразно съ природой каждаго. Благо отнюдь не можетъ снизойти до безсловесныхъ: оно коренится въ свойствахъ лучшей и болѣе счастливой природы. Гдѣ есть мѣсто для разума, тамъ только и есть благо. Есть четыре вида бытія: деревья, безсловесныя твари, люди и Богъ *). Первые два вида бытія, неразумныя твари, имѣютъ одну и ту-же природу; послѣдніе тѣмъ различны, что одно безсмертно, а другое смертно. Итакъ, у послѣднихъ—благо одного всеполю по существу его природы, т. е. Бога; благо другаго, человѣка, получаетъ *возможную* полноту по мѣрѣ его усилій. Остальные виды бытія, у которыхъ недостаетъ разума, совершенны, только рассматриваемые въ своей собственной природѣ, а не безусловно. Ибо, строго говоря, то только совершенно, что является совершеннымъ съ точки зрѣнія всей природы; вся же природа одушевлена разумомъ. Остальное можетъ быть совершеннымъ соотвѣтственно своему роду. Въ существѣ, въ которомъ не можетъ обрѣтаться счастливая жизнь, не можетъ присутствовать и то, въ союзѣ съ чѣмъ осуществляется счастливая жизнь; а вѣдь счастливая жизнь становится явленіемъ дѣйствитель-

*) Naturae. Слово „*natura*“ Сенека употребляетъ въ тройномъ смыслѣ, разума подъ ней то существо вещей, ихъ естественныя свойства, то имѣющій основу въ этихъ свойствахъ родъ существъ для вещей, то вообще всѣ вещи, вселенную и ея порядокъ.

нымъ чрезъ добрыя дѣла. Въ безсловесныхъ тваряхъ нѣтъ того, присутствіемъ чего совершается счастливая жизнь; слѣдственно, у безсловесныхъ тварей благо не обрѣтается. Безсловесное животное понимаетъ настоящее посредствомъ чувства, прошедшее припоминаетъ, когда получаетъ впечатлѣніе, которымъ дѣлается напоминаніе его чувству: такъ, конь припоминаетъ дорогу, когда будетъ приведенъ къ началу ея. Въ стойлѣ же у него нѣтъ ни малѣйшей памяти о дорогѣ, хотя бы она и часто была попираема его ногами. Третій видъ времени, т. е. будущее, *совѣсть* не касается безсловесныхъ. Какъ же можно считать совершенною природу тварей, которымъ недоступно пользованіе полнымъ временемъ? Вѣдь время состоитъ изъ трехъ частей: прошедшаго, настоящаго и будущаго. Животнымъ удѣлена только кратчайшая во всемъ его протяженіи часть—настоящее; память прошедшаго является рѣдко и вызывается только встрѣчею съ настоящимъ. Итакъ, доброе совершенной природы не можетъ быть въ несовершенной. Или, если природа безсловесныхъ имѣетъ его, то она имѣетъ то, что имѣютъ и растенія. Я не отрицаю того, что у безсловесныхъ есть могучее и напряженное влеченіе къ тому, что сообразно съ природой, только оно смутно и не подчинено порядку. А благо никогда не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что напоминаетъ безпорядокъ или движеніе смутное безсознательное. „Какъ же?—скажешь,—безсловесныя движутся безотчетно и безъ яснаго намѣренія?“—Я сказалъ бы, что они движутся въ смутномъ состояніи и безъ плана, если бы природа ихъ вмѣщала порядокъ: теперь же они движутся сообразно своей природѣ. Ибо безпорядочно только то, что можетъ быть и правильнымъ. Смутно то, что можетъ быть и сознательно твердымъ, *спокойнымъ*. Недостатокъ бываетъ только у того, кто въ состояніи имѣть *соотвѣтствующую* природную силу. Это движеніе безсловесныхъ исходитъ изъ свойствъ ихъ природы. Но дабы тебя долго не задерживать, *скажу*: и у безсловесныхъ есть нѣкое благо, доблесть, совершенство, но это благо, доблесть, совершенство—неполныя. Ибо эти преимущества въ неизмѣримо высокой степени умѣщаются въ однихъ разумныхъ тваряхъ, которымъ дано знать, почему, сколько и какъ. Поэтому и доброе есть только въ томъ существѣ, въ которомъ

есть разумъ. Ты спросишь теперь, куда ведетъ эта рѣчь, и что полезнаго она внесетъ въ душу? Она, скажу я, даетъ работу душѣ, изоощряетъ мысль, и во всякомъ случаѣ удерживаетъ душу на пути благородныхъ занятій, во время ея порывовъ къ дѣятельности. Разсужденіе мое и тѣмъ полезно, что задерживаетъ поспѣшающаго къ дурному. Но я *собственно хочу* сказать вотъ что: никакимъ образомъ не могу я принести тебѣ пользы болѣе, какъ только поставляя предъ глазами твое благо, полагая средостѣніе между тобою и безсловесными и ставя тебя вблизи Бога. Зачѣмъ тебѣ, спрошу я, питать силы тѣла и заботиться объ ихъ расширеніи? Домашнимъ и дикимъ животнымъ природа удѣлила ихъ въ большей степени. Зачѣмъ ты столь заботишься о красотѣ внѣшняго вида? Хотя бы ты и все сдѣлалъ, ты потерпишь поражение отъ многихъ животныхъ въ красѣ ихъ убора. Зачѣмъ убираешь волосы съ изысканною тщательностію? Хотя бы ты, по обычаю паревовъ, распустилъ ихъ волнами по плечамъ, или заплелъ по образцу германцевъ, или оставилъ бы ихъ развѣваться въ беспорядкѣ, какъ это въ обычаѣ у скивовъ: у любаго коня, *ты знаешь*, волнуется на шеѣ болѣе пышная грива, на затылкѣ льва поднимается болѣе внушительное украшеніе. Развиваешь-ли ты въ себѣ быстроту ногъ,—ты не сравниваешь въ этомъ отношеніи съ зайченкомъ. Хочешь ли ты, оставляя то, въ чемъ необходимо долженъ терпѣть поражение, когда протягиваешь руки къ чужому,—хочешь-ли возвратиться къ своему благу? Благо это, легко понять, есть душа, освобожденная отъ недостатковъ и чистая, ревнующая по Богѣ, возвышающаяся надъ земнымъ и не отыскивающая ничего своего внѣ себя. Ты существо разумное, и вотъ почему благо въ тебѣ—совершенный разумъ. Располагай его возрастать до крайняго предѣла, такъ, чтобы онъ оказался, наконецъ, въ состояніи полной силы. Считаю себя счастливымъ тогда, когда всякая радость рождается въ тебѣ самомъ,—когда въ томъ, что люди другъ у друга искищаютъ, желаютъ *имѣть* и оберегаютъ, ты не можешь найти ничего, чѣмъ бы ты, не говорю, страстно возжелалъ обладать, но и просто пожелалъ. Я дамъ тебѣ несложную мѣрку, посредствомъ которой ты можешь из-

мѣрять себя и узнавать, сколь много ты уже усовершилъ себя: ты тогда будешь владѣть тебѣ принадлежащимъ, когда усмотришь, что несчастнѣйшіе счастливы.

ПИСЬМО XL *).

ДОЛЖНО ПРИУЧАТЬ СЕБЯ КЪ СКРОМНОМУ И ПРОСТОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ, СТОЛЬ БЛАГОПРІЯТНОМУ ДЛЯ НАШЕЙ ДУХОВНОЙ СВОБОДЫ, И НЕ ПОДРАЖАТЬ РОСКОШИ ДРУГИХЪ, ГИБЕЛЬНОЙ ДЛЯ НАСЪ.

Утомленный болѣе тяжелой, чѣмъ длинной дорогой, я прибылъ въ свое Албанское помѣстье поздней ночью. *Здѣсь* ничто не было готово для меня, кромѣ меня самого. И вотъ я укладываю свою усталость на ложе: неповоротливость повара и хлѣбопека я принимаю съ легкимъ сердцемъ. Я разсуждаю самъ съ собою о томъ, какъ бываетъ совсѣмъ не тяжело то, что принимается благодушно, и какъ мало стоитъ нашего негодованія что-либо, если только самымъ раздраженіемъ мы не настроили себя на то, чтобы придавать цѣну предмету нашего негодованія. У моего хлѣбопека нѣтъ хлѣба: но есть онъ у моего управителя, у моего дворецкаго, есть у арендатора. „Плохой это хлѣбъ“,— скажешь. Подожди, онъ будетъ и хорошимъ: и такой хлѣбъ голодъ превратитъ въ мягкую булку. Потому и ѣсть не слѣдуетъ, прежде чѣмъ потребуетъ голодъ. Буду ждать и я: либо не буду ѣсть, пока не буду имѣть хорошаго хлѣба, либо перестану отвращаться отъ плохаго. Необходимо приучить себя къ малому. Многія затрудненія мѣста, многія *обстоятельства* времени, которыя сдерживаютъ наши желанія, бывають помѣхой и желаніямъ людей благоденствующихъ и богатыхъ. Никто не можетъ имѣть всего, чего желаетъ; но онъ можетъ это—не желать того, чего не имѣетъ, и съ свѣтлымъ взоромъ пользоваться тѣмъ, что ему предложено. Большею частью свободы мы владѣемъ, когда имѣемъ хорошо приученный, способный терпѣть и плохое обращеніе, желудокъ. Нельзя исчислить, сколько удовольствія я получаю отъ того, что усталость моя въ себѣ самой находитъ покой. Мнѣ не нужны ни

*] Ep. 123.

мази, ни омовеніе, и никакое другое лекарство, кромѣ времени. Ибо то, что унесло напряженіе, восполняетъ покой. При такомъ состояніи, какъ-бы ни былъ скромнѣе объѣдъ, онъ пріятнѣе будетъ всякаго пиршества, устраиваемаго по случаю пріѣзда. Въ этомъ случаѣ я подвергъ свое мужество внезапному испытанію: такое испытаніе проще и разумнѣе. Ибо когда душа заранѣе себя приготовила и предписала себѣ терпѣніе, тогда меньше уясняется, сколько истинной стойкости она имѣетъ. Самыя очевидныя доказательства мужества тѣ, которыя душа представляетъ тотчасъ-же, какъ требуютъ этого обстоятельства: когда она взираетъ на тягостное не только спокойно, но и кротко; когда она не поддается гнѣву и возмущенію; когда она, не побуждаемая необходимостію, восполняетъ въ себѣ недостающее, видя въ немъ нѣчто такое, что должно быть ея достояніемъ, и прониьпута мыслью о томъ, что у нея есть недостатки въ обычаѣ, а не въ природѣ. Какъ много лишняго у насъ, мы замѣчаемъ не прежде, чѣмъ начинаемъ чувствовать недостатки. Ибо мы пользуемся имъ не потому, что должны, а потому, что имѣемъ. Какъ много мы собираемъ для *устроенія себѣ благосостоянія*, потому что другіе его устроили и у многихъ оно есть! Къ причинамъ нашихъ несчастій принадлежитъ и то, что мы живемъ по примѣру *другихъ*, и не разумомъ приводимъ себя въ *надлежащій* порядокъ, а увлекаемся обычаемъ. Чему мы не стали-бы подражать, если-бы это дѣлали немногіе, тому мы слѣдуемъ, коль скоро это начали дѣлать очень многіе, какъ будто то честнѣе, что чаще бываетъ у людей; и мѣсто истиннаго занимаетъ у насъ заблужденіе, когда оно сдѣлалось общимъ. *Вотъ* теперь у всѣхъ путешествующихъ вошло въ обычай, чтобы впереди ихъ скакали нумидійскіе всадники *) и бѣжала толпа скороходовъ; унизительно вѣдь, если около насъ нѣтъ людей, которые могли-бы отгонять съ дороги встрѣчныхъ, — которые-бы массою поднимаемой пыли показывали, что идетъ человекъ почтенный. Всѣ теперь имѣютъ лошаковъ, которые перевозятъ хрустальные, глиняные и украшенные выпуклою рѣзбою сосуды, произведеніе искусныхъ мастеровъ; вѣдь унизительно дать замѣтить, что мы имѣемъ

*) Нумидійцы были извѣстны какъ отличные наѣзники.

только такія тяжести, которыя безопасно могутъ биться одна о другую. Юные рабы всѣхъ *этихъ господъ* слѣдуютъ за ними съ набѣленными лицами, дабы ни солнце, ни холодъ не повредили нѣжной кожи; вѣдь стыдно, когда въ толпѣ слугъ нѣтъ ни одного, нуждающагося во врачебномъ средствѣ для сохраненія здоровья своего лица. Отъ бесѣды со всѣми этими людьми слѣдуетъ уклоняться: это тѣ, которые распространяютъ пороки и переносятъ ихъ съ одного мѣста на другое. Считаются самымъ низкимъ родомъ людей тѣ, которые переносятъ слова *); но есть и такіе, которые передаютъ пороки. Рѣчь такихъ людей много приноситъ вреда; ибо если она и не дѣйствуетъ сейчасъ, то оставляетъ сѣмена въ душѣ, и хотя-бы мы даже отдалились отъ такихъ лицъ, за нами слѣдуетъ зло, которое послѣ пробудится. Какъ *иногда* люди, наслушавшись музыки, уносятъ съ собою въ ухахъ переливы звуковъ и чарующую прелесть пѣнія, которая преграждаетъ путь мысли и не позволяетъ воспрянуть *до высоты* важнаго предмета: такъ и рѣчь льстецовъ, хвалителей неправаго, гнѣздится въ душѣ долго послѣ того, какъ услышала: не легко сладкіе звуки вытѣснить изъ души; они слѣдуютъ за нами, крѣпнутъ и отъ времени до времени снова возникаютъ *въ души*. Въ виду этого должно заткнуть уши противъ злыхъ голосовъ, и притомъ сначала; когда они сдѣлаютъ первый шагъ и получаютъ мѣсто въ душѣ, то дѣлаются смѣлѣе. *Иначе* послѣ этого они дойдутъ и до такихъ рѣчей: „добродѣтель, и философія, и справедливость—шумъ пустыхъ, *безодержательныхъ* словъ. Одно есть счастье—жизнь благополучная, *привольная*. Совершать все свободно **), пользоваться для своего удовольствія отеческимъ наслѣдіемъ—значитъ жить, значитъ помнить о своей смертности. Дни текутъ, и жизнь убѣгаетъ невозвратно, а мы еще колеблемся умно пользоваться тѣмъ, что льститъ нашимъ чувствамъ, и доставлять удовольствія нашему возрасту, который не всегда будетъ способенъ срывать ихъ,—доставлять теперь, когда онъ еще можетъ пользоваться ими и требуетъ ихъ? Что за радость воздерж-

*) Это выраженіе толкователи относятъ къ искажителямъ истины, нашептывателямъ и людямъ болтливымъ.

**) Т. е. не подчиняясь требованіямъ и внушеніямъ нравственнаго закона.

постію добровольно предварять смерть и заранѣе отказывать себѣ въ томъ, что она унесетъ съ собою? Ты не имѣешь ни подруги, ни мальчика, который могъ-бы возбудить зависть подруги; ежедневно ты выходишь съ тощимъ желудкомъ, ты обѣдаешь такъ, какъ будто свою расходную книжку ты намѣренъ поднести для одобренія своему отцу. Это не значитъ жить, а развѣ быть свидѣтелемъ жизни другихъ. Какое безумство по-печительно управлять имѣніемъ своего наслѣдника и отказывать себѣ во всемъ, для того, чтобы большое наслѣдство изъ друга сдѣлало его твоимъ врагомъ? Вѣдь наслѣдникъ тѣмъ болѣе будетъ радъ твоей смерти, чѣмъ болѣе получить отъ тебя. Этимъ мрачнымъ и подозрительнымъ оцѣнщикамъ чужой жизни и врагамъ своей собственной, этимъ воспитателямъ общества не давай цѣны и на грошъ; и не сомнѣвайся предпочесть хорошую жизнь хорошей славѣ. Подобныхъ рѣчей должно избѣгать такимъ-же способомъ, какъ избѣгалъ голосовъ *сиренъ* Улиссъ, который хотѣлъ не иначе плыть мимо нихъ, какъ связанный. Онѣ властительны не меньше тѣхъ: онѣ отвращаютъ отъ отечества, отъ родителей, отъ друзей и позорно повергаютъ несчастныхъ въ постыдную жизнь. Насколько лучше слѣдовать правому пути и привести себя въ такое состояніе, чтобы тебѣ то было пріятно, что нравственно прекрасно? И мы можемъ довести себя до такого состоянія, если признаемъ, что есть вещи двухъ родовъ: или прельщающія насъ, или отталкивающія. Прельщаютъ насъ: богатство, удовольствія, красота, честолюбіе и прочее, что льститъ и улыбается намъ. Отталкиваютъ: трудъ, смерть, страданіе, безславіе и скудное, *не обезпеченное въ средствахъ къ жизни*, существованіе. Мы должны упражненіемъ достигнуть такой свободы, чтобы этого не бояться, а того не добиваться. Перевернувши фронтъ, мы должны начать борьбу—удаляться отъ того, что привлекаетъ насъ къ себѣ и собирать мужество противъ того, что намъ враждебно. Развѣ ты не видишь, каково положеніе тѣла у поднимающихся и спускающихся? Тѣ, которые идутъ по склону, наклоняютъ тѣло назадъ; идущіе-же на крутизну, нагибаютъ его внизъ. Ибо при спускѣ помѣстить свою тяжесть въ передней части, а при восходѣ отвести ее назадъ—это значитъ, Луцилій, войти въ соглашеніе съ порокомъ.

Для удовольствій мы спускаемся внизъ, для дѣлъ трудныхъ и тяжелыхъ необходимо подняться на высоту; здѣсь требуется напряженіе тѣлесныхъ силъ, тамъ остается только сдерживать ихъ. Ты думаешь, я теперь утверждаю, что тѣ только опасны для нашего слуха, которые восхваляютъ удовольствіе и которые вселяютъ въ насъ страхъ страданія, какъ вещи страшной самой по себѣ *). Я думаю, что и тѣ вредятъ намъ, которые склопляютъ насъ къ порокамъ подъ личиною ученія стойковъ. Ибо они часто выражаются такъ: „одинъ мудрый и образованный способенъ быть любящимъ. Одинъ мудрый умѣетъ въ мѣру принять вмѣстѣ съ другими участіе въ яденіи и питьѣ“. Мы *только* желали-бы спросить, до какихъ лѣтъ юность можетъ быть предметомъ *особенной* любви? Пусть въ обычаяхъ грековъ это дозволено; мы лучше приникнемъ слухомъ къ такимъ рѣчамъ: „Никто не бываетъ добрымъ случайно; добродѣтель надлежитъ изучать. Сладострастіе низменно, мелко и принадлежитъ къ вещамъ безъ всякой цѣнности, доступнымъ для всѣхъ: чрезъ него мы сближаемся съ безсловесными, для него сходятся мельчайшія и ничтожнѣйшія твари. Слава есть нѣчто суетное, измѣнчивое, и подвижнѣе, чѣмъ воздухъ. Бѣдность ни для кого не зло, развѣ только для возмущающагося противъ нея. Смерть—не зло: зачѣмъ жаловаться? она есть единственное, уравнивающее всѣхъ, право людскаго рода. Суевѣріе—заблужденіе дитяти: оно боится тѣхъ, которыхъ должно любить, и оскорбляетъ тѣхъ, которыхъ почитаетъ. Ибо какая разница въ томъ, отрицаешь-ли ты существованіе боговъ, или хулишь ихъ?“ Эти *положенія* слѣдуетъ изучать, даже знать наизусть. Философія не должна давать въ руки извиненія пороку. Тотъ больной не имѣетъ надежды на выздоровленіе, которому врачъ совѣтуетъ невоздержность.

*) Здѣсь разумѣются эпикурейцы, которые признавали страданіе и страхъ за дѣйствительное зло, между тѣмъ какъ стоики причисляли ихъ къ вещамъ, одинаковой цѣнности съ другими, безразличнымъ.

ПИСЬМО ХLI *)

О ТЕПЛЫХЪ ВОДАХЪ ВЪ БАІЯХЪ И О НЕВЫГОДАХЪ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ ПОДОБНЫХЪ МѢСТАХЪ.

Мы должны мириться съ мѣстомъ своего пребыванія, кто какъ можетъ. Вотъ ты тамъ имѣешь Этну, эту общеизвѣстную гору Сициліи. Почему Мессала и Валгій (я читалъ это у обоихъ) называютъ ее единственной, я не вижу причины, такъ какъ многія мѣста извергаютъ огонь, не только возвышенныя, что чаще замѣчается, потому что естественно огонь рвется вверхъ, но также и низменныя. Сколько можемъ, мы довольствуемся Баіями **), которыя я, впрочемъ, оставилъ на другой день послѣ пріѣзда, какъ мѣсто, отъ котораго должно быть подальше, хотя ово и носитъ въ себѣ нѣкоторые природные дары,—это потому, что роскошь предвосхитила его себѣ для выставки тщеславія. „Какъ-же? Какому-нибудь мѣсту можно объявить ненависть? „Нимало. Но какъ мудрому и честному мужу къ лицу болѣе одна одежда, чѣмъ другая, и ему не противенъ никакой цвѣтъ, а только онъ находитъ мало приличнымъ иной цвѣтъ челоуѣку, объявившему себя за воздержность: такъ есть и мѣста, отъ которыхъ мудрый или склонный къ мудрости отдаляется, какъ несродныхъ добрымъ правамъ. Такимъ образомъ, желая уединиться, онъ, понятно, не выберетъ Канопы ***), хотя Канопъ никому не запрещаетъ быть добродѣтельнымъ. Да и Баіи пе... они, *впрочемъ*, стали разсадникомъ пороковъ. Тамъ изнѣженность дозволяетъ себѣ почти все; тамъ она сбрасываетъ съ себя всякія узы болѣе, *чѣмъ идѣ-нибудь*, какъ будто распущенность, какъ долгъ, лежитъ на этомъ мѣстѣ. Не только для тѣла, но и для нравовъ мы должны избирать здоровое мѣсто. Какъ я не желалъ бы жить среди

*) Ер. 51.

**) Знаменитыя въ древности теплыя воды Италіи, въ Кампаніи, почти въ двухъ миляхъ къ юго-западу отъ Неаполя, теперь болышою частію исчезнувшія въ глубинѣ моря; крѣпость мѣстная, впрочемъ, и теперь называется Ваіа.

***) Городъ Нпжняго Египта, при устьѣ Нила, названномъ по его имени, въ трехъ почтовыхъ миляхъ къ сѣверовостоку отъ Александріи, съ капищемъ Сераписа, куда, подъ предлогомъ благочестія, дѣлали увеселительныя прогулки моремъ жители Александріи.

исполнителей казни, такъ всего меньше и среди харчевень. Видѣть упившихся блуждающими по берегамъ, шумныя, крикливыя толпы пнрующихъ на корабляхъ,—видѣть заливы, далеко разносящiе пѣнiе и музыку, и все остальное, въ чемъ мотовство, освободившееся отъ *всякихъ* законовъ, не только грѣшитъ, но и выставляетъ свои погрѣшности на показъ,—смотрѣть все это какая необходимость? Наша обязанность настойчиво отыскивать убѣжище, самое отдаленное отъ этихъ приманокъ порока. Мы должны укрѣплять наше сердце и ставить его вдали отъ ласкающихъ раздраженiй чувственности. Одна зимняя стоянка сломила силу Ганнибала, и не укрощенаго снѣгами Альповъ мужа разслабило изнѣживающее леченiе Кампанiи. Оружiемъ побѣдилъ онъ, пороками былъ обезоруженъ. И намъ предстоитъ нести воинскую повинность, и притомъ такого рода повинность, въ которой не дается ни покоя, ни отдыха. Мы должны побороть прежде всего страсть къ чувственнымъ удовольствiямъ, которыя, какъ видишь, увлекали и людей сильнаго характера. Если кто представитъ себѣ, къ какому великому дѣлу онъ приступилъ, то будетъ знать, что здѣсь нельзя дѣйствовать слабо и нерѣшительно. Что мнѣ за дѣло до этихъ бассейновъ горячей воды, до этихъ жаркихъ залъ, въ которыхъ заключенъ сухой паръ, дабы вызывать на тѣлѣ влажность? Пусть потъ *лучше* выходитъ отъ работы. Если бы мы стали дѣлать то-же, что сдѣлалъ Ганнибалъ, т. е. прервавши *обычное* теченiе дѣлъ и прекративши войну, занялись леченiемъ своего тѣла теплыми ваннами, всякiй справедливо упрекнулъ бы насъ въ неблаговременномъ и побѣдителю, не только побѣжденному, опасномъ бездѣльѣ. А намъ это меньше позволительно, чѣмъ тѣмъ, которые шли за кареагенскими знаменами: насъ ожидаютъ большiя опасности, если мы отступаемъ,—требуются большiя усилiя, если остаемся при своемъ намѣренiи продолжать борьбу. Судьба ведетъ войну со мной: я не намѣренъ исполнять ея предписанiй. Ярма я не падѣваю, даже, на чтò требуется больше храбрости, сбрасываю его: ослаблять мужество души не должно. Если я сдѣлаю уступку склонности къ чувственнымъ удовольствiямъ, то придется отступить и предъ страданiемъ, предъ трудомъ, предъ

бѣдностью; такое же себѣ право предъявлять во мнѣ и честолюбіе и гнѣвъ; среди такихъ страстей я буду колебаться изъ стороны въ сторону, даже буду совсѣмъ разорванъ ими. Поставленная впереди цѣль—свобода; борьба идетъ изъ-за этой награды. Какая это свобода? Не быть рабомъ ни вещей, ни необходимости, ни случая,—выводить судьбу на ровное мѣсто *). Въ какой день я замѣчу, что я сильнѣе ея,—она уже не будетъ могущественна для меня. Буду-ли я переносить ея силу *безъ мужества*, когда смерть не за горами? Если мы твердо держимся такихъ мыслей, нашъ нравственный долгъ избирать своимъ пристанищемъ мѣста упорядоченныя и священные. При изобиліи увеселяющихъ предметовъ душа разнѣживается, и во всякомъ случаѣ мѣстность можетъ ослаблять напряженность дѣятельности. Какую угодно дорогу вынесутъ вьючныя животныя, если ихъ копыта опираются на твердую почву; пущенныя для пастьбы на рыхлую и зыбкую болотистую почву, онѣ скоро затягиваются внизъ. И мужественный воинъ приходитъ изъ горной страны, а вялымъ бываетъ горожанинъ и привыкшій къ привольной жизни въ семьѣ. Ни отъ какого труда не откажутся руки, которые къ оружію переносятся отъ сохи, а тотъ, пропитанный пылью, такъ что она блеститъ на немъ, теряетъ силы при первомъ переходѣ. Строгіе нравы мѣстности полагаютъ твердую основу характеру человѣка и дѣлаютъ его годнымъ для великихъ предпріятій. Сципіону почетнѣе было жить изгнанникомъ въ Литернѣ **), чѣмъ въ Баіяхъ; послѣ своего паденія ему неприлично было избрать пристанищемъ такое убаюкивающее мѣсто. А тѣ, которымъ судьба римскаго народа передала власть въ государствѣ: Марій, Помпей и Цезарь, хотя и выстроили себѣ дачи въ области Баій, но помѣстили ихъ на высочайшихъ вершинахъ горъ. Для нихъ казалось болѣе воинственнымъ созерцать съ высоты лежащее подъ ихъ ногами далеко въ ширь и даль. Посмотри, какое положеніе они избрали, гдѣ и какія выстроили зданія,—и увидишь, что это не дачи, а укрѣпленія. Думаешь-ли ты, что

*) т. е. поставить себя съ судьбой на ровномъ мѣстѣ, не доставлять ей никакого преимущества.

**); Городъ въ Кампаніи.

Катонъ остался бы когда-нибудь жить въ увеселительномъ замкѣ для того, чтобы пересчитывать катающихся на лодкахъ блудницъ, любоваться ботиками всѣхъ родовъ, разукрашенными пестро красками, смотрѣть на розы, плавающія по всему заливу и слушать ночью выкрикиванья любителей пѣнія? Не захотѣлъ-ли бы онъ скорѣе остаться внутри лагерной ограды, которую онъ пѣкогда, работая самъ съ своимъ отрядомъ, возвелъ въ одну ночь? *) Кто не захочетъ, если онъ мужъ, чтобы его сонъ скорѣе былъ прерванъ звукомъ военной трубы, чѣмъ звуками музыки? Но я уже довольно долго велъ тяжбу съ Баіями, а съ пороками ссорился мало: прошу тебя, мой Луциій, преслѣдуй ихъ безъ мѣры и конца; вѣдь имъ нѣтъ ни конца, ни мѣры. Страхни съ себя все, раздражающее твое сердце; и если нельзя его выбросить иначе, то и само сердце вырви вмѣстѣ съ нимъ. Особенно обуздавай склонность къ чувственнымъ удовольствіямъ, и считай ихъ, по обычаю разбойниковъ, невидимыми врагами, которыхъ египтяне называютъ Филетами **); они обнимаютъ насъ затѣмъ, чтобы задушить.

*) Намекъ на то, что римскимъ воинамъ было вмѣнено въ обязанность носить съ собою во время похода полисадные кольца.

***) Названіе, принятое со времени македонскаго владычества. Производятъ его отъ греч. *φιλέιν*—обнимать, цѣловать, или *φηλεῖν*—обманывать.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Августа № 16. 1884 года.

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 4—15 іюля 1884 года, за № 1406, о книгѣ М. Руднева и К. Козьмина, подъ названіемъ: „Другъ народныхъ школъ“.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 10-го мая 1884 года, за № 318, журналъ Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета, № 161, съ заключеніемъ Комитета о книгѣ, составленной преподавателями Московскаго Александровскаго института: священникомъ Михаиломъ Рудневымъ и Константиномъ Козьминымъ, подъ названіемъ: „Другъ народныхъ школъ. Сборникъ статей религіозно-нравственнаго, географическаго, историческаго и обще-литературнаго содержанія. Для класснаго и домашняго чтенія учениковъ начальныхъ училищъ“ (Москва, 1883 г.). Учебный Комитетъ полагаетъ одобрить означенный трудъ для употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и церковно-приходскихъ школахъ, о чемъ и сообщить министерству народнаго просвѣщенія. Приказали: Заключение Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета о книгѣ „Другъ народныхъ школъ“ утвердить и для объявленія по духовному вѣдомству о вышесозначенной книгѣ сообщить приложеніемъ выписки изъ журнала Учебнаго Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

II. Отъ 4—15 іюля 1884 года, за № 1365, о переведенной В. Висковатовымъ книгѣ Вагнера, подъ названіемъ: „Первые рассказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ“.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 22-го минувшаго іюня, за № 475, журналъ Учебнаго Комитета, № 211, съ заключеніемъ Комитета, по прошенію дворянина Валеріана Висковатова, объ одобреніи для пріобрѣтенія въ бібліотеки духовныхъ мужскихъ и женскихъ училищъ переведенной имъ книги Германа Вагнера, подъ названіемъ: „Первые рассказы изъ естественной исторіи, для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ“. Книжка первая. Пятое дополненное изданіе (С.-Петербургъ, 1881 г.). Учебный Комитетъ полагаетъ: допустить означенную книгу въ ученическія бібліотеки мужскихъ духовныхъ училищъ, равно и въ бібліотеки женскихъ епархіальныхъ училищъ, въ качествѣ книги для чтенія. Приказали: Заключение Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о переведенной Висковатовымъ книгѣ Вагнера, подъ названіемъ: „Первые рассказы изъ естественной исторіи, для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ“. Книжка первая. Пятое дополненное изданіе (С.-Петербургъ, 1881 г.)—правленіямъ мужскихъ духовныхъ и совѣтамъ женскихъ епархіальныхъ училищъ сообщить, съ приложеніемъ копии съ журнала Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

III. Отъ 11—30-го іюля 1884 года за № 1475, объ употребленіи суммъ, поступающихъ за обученіе въ духовн. училищахъ дѣтей изъ свѣтскихъ сословій.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 22-го іюня сего года, за № 473, журналъ Учебнаго Комитета, № 209, по возбужденному правленіемъ Нижегородскаго духовнаго училища вопросу объ употребленіи суммъ, поступающихъ за обученіе въ духовныхъ училищахъ дѣтей изъ свѣтскихъ сословій. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящій журналъ, Святѣйшій Синодъ, по выслушаніи заключенія Хозяйственнаго Управленія, опредѣляетъ въ разрѣшеніе возбужденнаго правленіемъ Нижегородскаго духовнаго училища вопроса разъяснить сему правленію, что суммы, поступающія за обученіе въ Нижегородскомъ духовномъ училищѣ дѣтей изъ свѣтскихъ сословій, слѣдуетъ вносить въ го-

личную смѣгу училища отдѣльною статьею въ размѣрѣ по трехлѣтней сложности ихъ поступленія, и расходовать оныя, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 18-го октября—4-го января 1873-74 г., прежде всего на благоустройство училища; если же, затѣмъ, окажутся остатки, то таковыя должны быть обращаемы въ пользу учителей, для ихъ поощренія, но не иначе какъ съ разрѣшенія епархіальнаго Преосвященнаго, по представленіямъ училищнаго правленія: о чемъ, для объявленія настоящаго опредѣленія правленіямъ прочихъ духовныхъ училищъ къ ихъ свѣдѣнію и руководству въ потребныхъ случаяхъ сообщить для припечатанія въ „Церковный Вѣстникъ“.

IV. Отъ 27-го іюня—23-го іюля 1884 года, за № 1344, съ заключеніемъ Учебнаго Комитета о порядкѣ переэкзаменовокъ и пр. въ духовныхъ училищахъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 8-го іюня 1884 г., за № 449, журналъ Учебнаго Комитета, № 193, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденнымъ однимъ правленіемъ семинаріи вопросамъ: а) слѣдуетъ-ли назначать предъ каникулами время и комисіи для производства экзаменовъ тѣмъ ученикамъ, которые пожелали бы поступить въ семинарію съ домашнимъ образованіемъ или изъ ино-епархіальныхъ духовныхъ училищъ и изъ учебныхъ заведеній другихъ вѣдомствъ; б) нужно-ли воспитанникамъ, неудовлетворительно сдавшимъ экзаменъ, разрѣшать переэкзаменовку послѣ каникулъ; в) вмѣнять-ли въ обязанность семинарскимъ экзаменаціоннымъ комисіямъ составленіе заключеній по каждому предмету и внесеніе оныхъ въ педагогическое собраніе, для представленія епархіальному Преосвященному; г) какого возраста можно принимать въ I классъ семинаріи учениковъ изъ другихъ учебныхъ заведеній и изъ домовъ родителей; д) слѣдуетъ-ли требовать отъ училищныхъ правленій росписанія учебныхъ часовъ и экзаменовъ, а также свѣдѣній о числѣ училищныхъ воспитанниковъ, удостоенныхъ перевода въ семинарію; е) можно-ли объявлять о свободныхъ вакансіяхъ въ различныхъ классахъ семинаріи, кромѣ епархіальныхъ вѣдомостей, еще и въ мѣстной газетѣ; ж) слѣдуетъ-ли разсматривать въ педагогическомъ собраніи семинарскаго правленія годовые отчеты смотрителей духовныхъ училищъ о состояніи этихъ училищъ по учебной и нравственной частямъ? Приказали: принимая во вниманіе, что, по Высочайше утвержденному въ 26-й день ноября 1883 года опре-

дѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 19-го — 29-го октября того-же 1883 г., воспитанники IV класса духовныхъ училищъ имѣютъ поступать въ семинарію по свидѣтельствамъ, выдаваемымъ имъ училищными правленіями, Святѣйшій Синодъ, въ разрѣшеніе возбужденныхъ правленіемъ одной семинаріи вопросовъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: а) не назначать предъ каникулами времени и комиссій для производства экзаменовъ тѣмъ ученикамъ, которые пожелали бы поступить въ семинарію изъ учебныхъ заведеній другихъ вѣдомствъ, изъ ино-епархіальныхъ духовныхъ училищъ, изъ домовъ родителей съ домашнею подготовкой, а равно и ученикамъ духовныхъ училищъ епархіи, недостойнымъ училищными правленіями перевода въ семинарію; б) о времени приемныхъ испытаній послѣ каникулъ объявлять немедленно по полученіи отъ училищныхъ правленій свѣдѣній о числѣ воспитанниковъ, имѣющихъ поступить въ семинарію, дабы и жительствующіе въ отдаленныхъ отъ семинаріи мѣстахъ могли своевременно являться къ назначеннымъ испытаніямъ; в) вслѣдствіе назначенія времени приемнаго экзамена тѣмъ изъ желающихъ поступить въ семинарію, для коихъ онъ не отмѣненъ послѣ каникулъ, переэкзаменовки не допускать; г) освободить семинарскія экзаменаціонныя комисіи отъ обязательства составлять заключенія по каждому предмету и вносить оныя въ педагогическое собраніе правленія семинаріи на предметъ представленія ихъ епархіальному архіерею; д) наблюдать, чтобы поступающіе въ I классъ семинаріи не изъ духовныхъ училищъ, а изъ домовъ родителей и другихъ учебныхъ заведеній, были не выше 16 и только въ особо уважительныхъ случаяхъ не старше 18 лѣтъ; е) вмѣнять въ обязанность училищнымъ правленіямъ представлять въ правленіе семинаріи росписаніе учебныхъ часовъ и экзаменовъ, а также свѣдѣнія о числѣ училищныхъ воспитанниковъ, удостоенныхъ перевода въ семинарію, и о томъ, всѣ-ли они желаютъ воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ поступить въ семинарію; ж) разрѣшить правленію семинаріи объявлять о свободныхъ вакансіяхъ въ различныхъ классахъ семинаріи, кромѣ епархіальныхъ вѣдомостей, и въ мѣстной газетѣ; з) въ случаѣ превышенія штатнаго числа учащихся въ I и II классахъ семинаріи, послѣ приема въ оныя воспитанниковъ, по удостоенію училищныхъ правленій и по приемнымъ семинарскимъ испытаніямъ, принимать мѣры къ открытію параллельныхъ отдѣленій, и и) разъяснить семинарскому и училищнымъ правленіямъ, что составляемые смотрителями духовныхъ училищъ годовые отчеты о

состояніи сихъ учебныхъ заведеній по учебной и нравственной частямъ должны быть и впредь представляемы на разсмотрѣніе педагогическаго собранія семинарскаго правленія, дабы сіе послѣднее всегда имѣло возможность ознакомиться съ состояніемъ подвѣдомыхъ ему духовныхъ училищъ и цѣлесообразными мѣропріятіями направлять ихъ къ неуклонному достиженію цѣли, указанной Высочайше утвержденнымъ уставомъ сихъ учебныхъ заведеній, находясь съ ними въ живой и неразрывной связи; о чемъ, для объявленія правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ, къ ихъ свѣдѣнію и руководству въ потребныхъ случаяхъ, сообщить, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго общества.

Харьковскій комитетъ Православнаго Миссіонерскаго общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ составъ суммъ комитета въ іюнь и іюль мѣсяцахъ 1884 года поступило: отъ купца Зосимы Гавриловича Сергѣева 6 руб., получено за полгода процентовъ по облигаціямъ 2-го и 3-го восточнаго займовъ 40 руб., отъ покупки облигаціи 3-го Восточнаго займа, за внесенныя Преосвященнымъ Геннадіемъ 100 руб. въ обезпеченіе членскаго взноса осталось 4 руб. 55 коп., отъ священника Стефана Роменскаго 3 руб., итого въ іюнь и іюль мѣсяцахъ сего 1884 года поступило 53 руб. 55 к., а съ поступившими съ 1 января 1884 года—2439 р. 92 коп.

Всѣхъ ревнителей православія, сочувствующихъ св. дѣлу распространенія онаго между язычниками, комитетъ покорнѣйше проситъ доставлять свои членскіе взносы непосредственно въ комитетъ при архіерейскомъ домѣ или вручать своимъ приходскимъ священникамъ.

Въ члены общества могутъ поступать лица всякаго званія, состоянія и пола; отъ члена требуется ежегодный взносъ не менѣе *трехъ* руб. или же едновременно не менѣе *шестидесяти* рублей.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— На священническое мѣсто помощника настоятеля къ Свято-Владимірской церкви, села Лознаго, Старобѣльскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи Иларіонъ *Жуковъ*.

— Къ той-же церкви опредѣленъ н. д. псаломщика учитель Иванъ *Гривизирскій*.

— На псаломщицкое мѣсто къ молитвенному Успенскому дому села Гречишкина, Старобѣльскаго у., перемѣщенъ сверхштатный я. д. псаломщика Покровской церкви, слоб. Лашиновки, Иванъ *Квитковскій*.

— Крестьянинъ Савелій *Красняковъ* утверждень въ должности церковнаго старосты къ Троицкой церкви сл. Больше-Черниговки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Въ должности церковнаго старосты къ Успенской церкви, слоб. Вѣлокуракиной, и къ Каплуновской кладбищенской церкви утверждень крестьянинъ Гавріиль *Лизенко*.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а :

Священническія: 1) Въ Ольховатскомъ приходѣ, Волчанскаго уѣзда, помощника настоятеля. 2) Въ Семеренкахъ Ахтырскаго уѣзда настоятельское.

Псаломщицкія: 1) Въ Ольховатскомъ приходѣ. 2) Въ Кулянскѣ при соборѣ.

Списокъ лицъ, кои Высочайшими указами, данными капитулу російскихъ Императорскихъ и царскихъ орденовъ въ 15-й день іюня 1884 года, Всемилостивѣйше пожалованы, согласно удостоенію комитета гг. министровъ, орденами:

Св. Анны 3-й степени: Преподаватели Харьковской духовной семинаріи: Валентинъ *Леонтовичъ*, Алексій *Вертеловскій* и Ѳедоръ *Садовъ*; Св. Станислава 3-й степени—преподаватель Иванъ *Кудревичъ*.

Списокъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія Харьковской епархіи, коимъ, за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ отъ 6-го—9-го іюня сего 1884 года, за № 1149, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, съ выдачею установленныхъ грамотъ.

Прихожанамъ Петропавловской церкви, слободы Денежникова, Старобѣльскаго уѣзда; прихожанамъ Вознесенской церкви слободы Чебановки, того-же уѣзда; прихожанамъ двухъ церквей слободы Петропавловки того же уѣзда, 2-й гильдіи купцу Марку *Подулько*; прихожанамъ Богородице-Рождественской церкви слободы Штормовой, Старобѣльскаго уѣзда; прихожанамъ Дмитріевской церкви слободы Свято-Дмитріевки того-же уѣзда; прихожанамъ Ахтырско-Богородичной церкви, слободы Ново-Ахтырки, того же уѣзда; прихожанамъ Богодуховской Покровской церкви; 2-й гильдіи купцу Монсею *Коваленко*; церковному старостѣ Троицкой церкви заштатнаго города Славяйска, Изюмскаго уѣзда, купцу Поликарпу *Михайловскому*; прихожанамъ Георгіевской церкви хутора Павленкова, Лебединска-

го уѣзда; дочерямъ полковника *Соляникова*: *Екатерины*, *Любови* и *Надежды* и мѣщанкѣ *Татианѣ Ялуриной*.

Списокъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія Харьковской епархіи, коимъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ отъ 6-го—9-го іюня сего 1884 года, за № 1149, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода безъ грамотъ.

Сумскому цеховому *Исаакію Калитаю*; крестьянину *Никитѣ Черниченко*; проживающей въ городѣ Москвѣ *Теоктистѣ Еремѣевой*; церковному старостѣ церкви села Ильмовъ, Сумскаго уѣзда, крестьянину *Ивану Нагорному*; землевладѣльцу *Александрѣ Штенгерѣ*; церковному старостѣ Предтеченской церкви слободы Варваровки, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянину *Василію Малинину*; крестьянину *Константину Попову*; прихожанамъ *Покровской* церкви слободы Спѣваковки, Старобѣльскаго уѣзда и церковному старостѣ Сумской Вокресенской церкви купцу *Иллариону Ладному*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Засѣданіе Харьковскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта. — Толки печати по поводу новыхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ. — Рѣчь г. пензенскаго губернатора къ крестьянамъ. — Заботы духовенства о возвышеніи религіозно-правственномъ воспитаніи своихъ дѣтей. — Благотворительность священника. — Назначеніе на епископскую кафедру. — Высочайшая награда. — О раскопкахъ въ Святой землѣ, предпринятыхъ по желанію Августѣйшаго предсѣдателя Палестинскаго Общества. — „Анти-энциклика“ на болгарскомъ языкѣ. — Книжки для народа. — Отчетъ комитета по сооружеію православнаго храма у подножія Балканъ.

— 23-го числа сего августа по приглашенію отца предсѣдателя Харьковскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта, ректора семинаріи протоіерея Іоанна Братирова, въ помѣщеніи Его Преосвященства, преосвященнѣйшаго Амвросія, собрались члены епархіальнаго училищнаго Совѣта для избранія секретаря Совѣта и обсужденія нѣкоторыхъ возбужденныхъ въ предыдущемъ собраніи вопросовъ. По открытіи засѣданія, Совѣтъ прежде всего приступилъ къ избранію секретаря, каковымъ и былъ избранъ преподаватель семинаріи С. П. Ооменко. Установливая, далѣе, порядокъ дѣлопроизводства, Совѣтъ, въ виду возможности многочисленной и разнообразной переписки съ различными учрежденіями и лицами по текущимъ дѣламъ и значительныхъ при этомъ денежныхъ расходовъ по пересылкѣ корреспонденціи, постановилъ просить Его Преосвященство ходатайствовать, предъ кѣмъ слѣдуетъ, о разрѣшеніи Совѣту имѣть свою особую печать по указанному образцу и вмѣстѣ съ тѣмъ о правѣ безплатной пересылки по почтѣ корреспонденціи Совѣта. Затѣмъ въ виду возможности, при открытіи церковно-приходскихъ школъ, перехода учениковъ изъ уже существующихъ министерства народнаго просвѣщенія школъ въ церковно-приходскія, возбужденъ былъ вопросъ, предложенный еще въ предыдущемъ собраніи директоромъ училищъ, о томъ: „нужно-ли принимать въ церковно-приходскія школы учениковъ, желающихъ перейти въ таковыя изъ школъ министерскихъ и земскихъ?“ Совѣтъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ на томъ основаніи, что невозможно стѣснять свободу родителей въ обученіи дѣтей. Они могутъ отдавать своихъ дѣтей въ тѣ или другія школы, куда пожелаютъ, и переводить ихъ изъ одной въ другую, смотря потому, какая школа будетъ пользоваться особеннымъ ихъ сочувствіемъ и какая изъ нихъ будетъ удобнѣе для обученія дѣтей по мѣстнымъ условіямъ.

— Высочайше утвержденныя новыя правила о церковно-приходскихъ школахъ составляютъ наиболѣе частую тему передовыхъ статей въ нашихъ свѣтскихъ газетахъ за послѣдніе дни. „Новый рядъ народныхъ училищъ въ непосредственномъ вѣдѣніи народныхъ пастырей и подѣ управленіемъ епархіальнаго архіерея“, по мысли „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 206), вполне соотвѣтствуетъ правильному взгляду на духовенство, какъ на „естественнаго учителя народа на первой стадіи образованія“. Отъ этого правильнаго взгляда у насъ допущено было въ послѣдніе годы отступленіе, вслѣдствіе недостаточно выясненнаго представленія о германскомъ народномъ учителѣ, побѣдившемъ Францію. Народнаго учителя хотѣли признавать и признавали не только однимъ изъ первѣйшихъ представителей и руководителей каждой народной общины, на равной степени съ администраторомъ, священникомъ и врачомъ, но и, считая его центромъ и источникомъ знанія на почвѣ реального обученія, полагали его миссію въ искорененіи предрасудковъ, со включеніемъ религіи, въ пропагандѣ соціальнаго и политическаго свойства. Учителя хотѣли возвысить, чтобы только не допустить въ школахъ слишкомъ сильнаго вліянія священника и уроковъ закона Божія, преподаваемыхъ въ духѣ церковномъ. Газета находитъ важнымъ, что новое законоположеніе чуждо того опасенія, никогда у насъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, не существовавшаго клерикализма, которое, однако, проглядывало до послѣдняго времени во многихъ дѣйствіяхъ руководителей народнаго образованія. Новый законъ ставитъ церковно-приходскія училища въ прямое и исключительное завѣдываніе духовенства, между тѣмъ какъ прежній законъ (25-го мая 1878 г.) церковно-приходскія школы, учрежденныя духовенствомъ, вводитъ въ кругъ школъ, завѣдуемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Выразивъ надежду, что новый законъ пробудитъ въ духовенствѣ „живой духъ начинанія въ области учительства, такъ сродный пастырскому служенію“, газета ожидаетъ съ другой стороны, что „тѣснѣйшее сближеніе школы съ церковію, столь согласное съ понятіями и желаніями народа, будетъ новымъ стимуломъ благотворительности; школы церковныя скорѣе привлекутъ пожертвованія, чѣмъ школы въ тѣсномъ смыслѣ казенныя“.

„Свѣтъ“ (№ 164) обращаетъ вниманіе на тотъ циркуляръ, съ которымъ обратился по своему вѣдомству г. министръ народнаго просвѣщенія, по сообщеніи ему Св. Синодомъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ. Г. министръ признаетъ за нашимъ духовенствомъ ту

важную заслугу, что оно съ первыхъ временъ основанія русскаго государства стояло во главѣ распространенія образованія въ народѣ, что и за послѣднее время развитіемъ и совершенствованіемъ народныхъ училищъ Россія во многомъ обязана духовенству. До начала шестидесятыхъ годовъ священно и церковно-служители были почти единственными учителями сельскихъ школъ. Иныя школы они поддерживали своими средствами. Земскія, городскія и казенныя школы они поддерживали своимъ вліаніемъ, возбуждая довѣріе къ нимъ въ народѣ. Циркуляръ г. министра приглашаетъ чиновъ министерства народнаго просвѣщенія всѣми зависящими отъ нихъ способами содѣйствовать духовенству въ его благихъ начинаніяхъ.

„Школа—единственная союзница церкви, и въ святомъ дѣлѣ ея веденія не можетъ быть ни розни, ни пререканій... И нынѣ существующія училища, и возникающія церковно-приходскія должны стремиться къ одной общей цѣли—къ обученію и просвѣщенію подрастающаго поколенія на неизблемыхъ основахъ вѣры и въ духѣ всецѣлой преданности престолу и отечеству“.

„Новости“ (№ 196), повидимому, только скрѣпя сердце допускаютъ ту видную дѣятельность по части образованія народнаго, которая предоставляется духовенству новымъ закономъ. Газетѣ „нѣсколько рѣзко бросается въ глаза тщательное обособленіе вновь узаконяемыхъ школъ отъ всякаго вліанія на нихъ свѣтской власти“. Но гарантируемая духовенству самостоятельность въ дѣлѣ народнаго образованія имѣетъ своею цѣлью наибольшее преуспѣяніе этого дѣла первостепенной государственной важности. Въ виду этой цѣли, газета отказывается даже усвоити какое-либо серьезное значеніе заподозриваніямъ нашего духовенства въ стремленіяхъ къ клерикальной политической роли. Не знаемъ, почему-то въ § 11 „правилъ о церковно-приходскихъ школахъ“, предоставляющемъ наставленіе въ правилахъ вѣры и преподаваніе закона Божія членамъ клира или благонадежному учителю изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу клира, газета усматриваетъ „важный шагъ къ порученію преподаванія закона Божія въ народныхъ школахъ свѣтскимъ лицамъ“. Законодательнымъ путемъ шагъ этотъ давно уже сдѣланъ: законоучительство въ школахъ предоставлено лицамъ и не имѣющимъ духовнаго сана, только эти лица подчинены были контролю священнослужителей. Руководящее значеніе въ церковно-приходскихъ школахъ, и по новому закону, принадлежитъ тому же клиру церковному съ архіереемъ во главѣ.

Къ отзывамаъ столичныхъ газетъ, отнесшихся къ законоположенію о церковно-приходскихъ школахъ съ сочувствіемъ, присоединяется „Кіевлянинъ“ и „Южный Край“. Первая изъ нихъ (№ 167 и 168), перечисливъ тѣ облегченія, какія указываются новыми „правилами“ къ учрежденію церковно-приходскихъ школъ духовными лицами, и полагая, что послѣ этого уже не можетъ быть и рѣчи о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ духовенствомъ въ его народно-учительской дѣятельности, указываетъ съ своей стороны на „одно изъ средствъ къ облегченію работы духовенства“, имѣющее мѣстное значеніе, но въ видоизмѣненномъ видѣ существующее и въ другихъ частяхъ нашего отечества. Газета именно обращаетъ вниманіе православнаго духовенства на услуги предлагаемыя Кіевскимъ Обществомъ грамотности школамъ относительно снабженія ихъ книгами. При дѣятельной помощи этого общества въ каждомъ приходѣ и при каждой церкви легко возможно было-бы устроить библиотеки, изъ коихъ и снабжались-бы бѣднѣйшіе изъ учениковъ необходимыми учебными пособіями. Такія бібліотеки могли-бы сослужить немалую службу и въ дѣлѣ поддержки грамотности, постановленной въ школѣ. У насъ почти на каждомъ шагу встрѣчаются такіе факты, что ученики изъ народныхъ школъ чрезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи школы забываютъ грамоту, не видя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ни одной книги. При существованіи церковно-приходскихъ бібліотекъ подобные факты составляли-бы рѣдкое исключеніе, а быть можетъ и были бы положительно немислимы.—Сочувствуя давно уже извѣстной мысли газеты „Русь“ о священникахъ изъ крестьянъ, „Кіевлянинъ“ полагаетъ, что „учрежденіе церковно-приходскихъ школъ можетъ при извѣстныхъ условіяхъ оказать желательное поздѣйствіе и на составъ священниковъ“. Если-бы способнѣйшіе изъ учениковъ церковно-приходскихъ школъ были посылаемы въ духовныя училища, то изъ нихъ выходили-бы потомъ „недорогіе учителя для самихъ церковно-приходскихъ школъ. Послѣднее было-бы въ особенности желательно, такъ какъ единоличныхъ силъ приходскаго священника не всегда можетъ быть достаточно для правильной организаціи школы... Именно учителя изъ крестьянъ въ данномъ случаѣ были-бы всего желательнѣе уже по тому одному, что такой учитель всегда дешевле стоитъ приходу и обществу, а слѣдовательно при такихъ учителяхъ и количество церковно-приходскихъ школъ можетъ быть несравненно больше“. Духовенство-же, которому по новому закону принадлежитъ въ церковно-приходскихъ школахъ первенствующая и руководящая дѣя-

тельность, обязано и званіемъ своимъ къ просвѣтительной въ народѣ дѣятельности (10 правило 7-го всел. собора) и, по условіямъ своего положенія въ обществѣ, сохранило себя не поврежденнымъ отъ того шатавія мысли, которое составляетъ повальную болѣзнь нашего общества въ послѣдніе годы, но вмѣстѣ съ тѣмъ чуждо и того клерикальнаго направленія, которое ему стала усвоить наша печать, судя о немъ по западно-европейскому католическому духовенству, которое, повинувшись своему особому государю—папѣ, составляетъ въ народахъ католическихъ государство въ государствахъ, между тѣмъ какъ наше духовенство выполнѣ національно, не преслѣдуетъ и не можетъ преслѣдовать интересовъ, противныхъ интересамъ народнымъ.

Надежду на успѣхъ духовенству въ дѣлѣ, которое ему дается, газета основываетъ на томъ руководительномъ и властномъ участіи, которое предоставляется въ этомъ дѣлѣ епархіальному архіерею. Она припоминаетъ, какъ въ Кіевской губерніи, по инициативѣ митрополита Арсенія, была учреждена масса приходскихъ школъ и какъ въ Смоленской губ. духовенство занималось церковно-приходскими школами по указанію епископа Антонія.

До какой степени извѣстная часть нашего общества боится и чуждается церковно-приходскихъ школъ, газета „Кіевлянинъ“ показываетъ на примѣрѣ Старорусскаго городского общества и уѣзднаго земства, которыя отказали въ пособіи школѣ, открытой въ Старой Русѣ въ память Ѳ. М. Достоевскаго,—отказали только потому, что школа—церковно-приходская.

„Южный Край“ (№ 1239) краткому изложенію существенныхъ чертъ новаго законоположенія о церковно-приходскихъ школахъ предпосылаетъ характеристику того „болѣзненнаго разлагающаго направленія“, которое господствуетъ въ народной школѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и которое дѣлаетъ столь желательнымъ обновленіе народнаго образованія въ другомъ духѣ.

Коренная реформа народной школы „въ духѣ православія и народности“ сдѣлалась, наконецъ, насущнѣйшею потребностью общества. Не только представители его болѣе образованной части, но и самъ народъ, милліонами голосовъ, требовалъ именно такой постановки дѣла, отказывая въ копѣчныхъ жертвахъ для пріобрѣтенія всей либеральной премудрости, изложенной въ учебникахъ Корфа, Евтушевскаго и проч., и уходя въ то-же время учиться къ раскольничьимъ начетчикамъ, открывая свои домашнія школы грамотности, съ псалтыремъ, церковнымъ пѣніемъ и отставнымъ сол-

датомъ-руководителемъ. Не находя въ „послѣднемъ словѣ“ либеральной науки удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей и развращаемый изо дня въ день прелестями буржуазно-либеральной цивилизаціи, народъ или начиналъ жадно прислушиваться къ проповѣди самозванныхъ пророковъ изъ своей-же братіи, или бросалъ все и уходилъ въ омутъ трактирно-городской жизни, теряя здѣсь и здоровье, и послѣднія черты „образа Божія“. Въ концѣ концовъ, получался или типъ сторонящагося отъ всѣхъ, таящаго гнѣвъ и презрѣніе, сектанта, или та характерная фигура „цивилизованнаго дикаря“ съ гармоникой, трактирной паясонеткой и массой физическихъ и нравственныхъ недуговъ, которая такъ успѣшно стремится воспроизвести на русской почвѣ столь любезный сердцу либеральныхъ педагоговъ типъ западно-европейской „босоногой команды“. Отсутствіе въ этой части населенія какихъ-бы то ни было духовныхъ и нравственныхъ интересовъ, погоня лишь за низменными, животными наслажденіями, развратъ, увеличивающаяся изъ года въ годъ масса преступленій, ослабленіе семейныхъ основъ и отвращеніе къ условіямъ деревенской, мірской жизни,—все это не замедлило явиться какъ достойное увѣнчаніе того зданія, которое такъ усердно строила на трудовыя народныя деньги „раціональная педагогія“, забывая, что народу нужны не послѣднее „слово науки“ и обрывки „научно-практическихъ знаній“, а лишь „просвѣщеніе въ истинахъ православной вѣры и въ правилахъ благочестія“ („Ц. В.“).

— Далеко не всѣ, особенно изъ людей свѣтскихъ, признаютъ себя обязанными содѣйствовать по мѣрѣ силъ къ благополучному разрѣшенію вопроса объ улучшеніи народной нравственности. Пріятное исключеніе въ этомъ отношеніи представилъ начальникъ Пензенской губерніи А. А. Татищевъ. Во время поѣздки для обозрѣнія губерніи въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ онъ обращался къ сельскимъ обществамъ съ рѣчью, въ которой не только доказывалъ важность общественныхъ запашекъ, но побуждалъ также вести нравственную жизнь и воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ. „Всякому благомыслящему челоуѣку больно видѣть, говорилъ онъ, какъ съ каждымъ годомъ ослабѣваетъ въ людяхъ благочестіе, которымъ такъ гордились и были сильны наши предки. Посмотрите кругомъ, сколько ужасныхъ примѣровъ безвѣрія и упадка нравственности; не говоря уже о тѣхъ чудовищныхъ преступленіяхъ, жертвою которыхъ сдѣлался самый добрѣйшій изъ Монарховъ, Царь-Освободитель, не говоря уже о тѣхъ извергахъ, святотатственная

рука которыхъ поднялась на самого помазанника Божія,—вы видите вокругъ себя не только неповиновеніе дѣтей родителямъ, но даже оскорбленіе отцовъ и матерей и словомъ, и дѣломъ; всякое безчестіе, отъ котораго съ негодованіемъ отворачивались прежде, теперь стало зауряднымъ явленіемъ; обманъ, присвоеніе чужаго, неисполненіе договоровъ теперь никого не возмущаютъ. Храмы Божіи пустѣютъ, а молитва стала лишь обрядностью. Не дальше, какъ вчера, я былъ пораженъ печальнымъ явленіемъ: въ праздникъ, чтимый народомъ, за раннею обѣдней рѣшительно не было никого изъ прихожанъ, кромѣ двухъ старухъ и двоихъ крестьянъ, едва-ли не по наряду пришедшихъ въ церковь, чтобы понести хоругви во время крестнаго хода, который открылся шествіемъ одного священника и названныхъ четырехъ лицъ; въ одномъ селеніи, черезъ которое я проѣзжалъ вчера-же, мнѣ встрѣтилась церковная процессія—молились о дождѣ, и кромѣ дѣтей и старухъ не было никого на этой общественной молитвѣ: мужики и бабы преспокойно сидѣли у воротъ или на завалинахъ. Праздники чтутъ крестьяне, но чтутъ не молитвою или добрыми дѣлами, какъ-бы слѣдовало, а гульбищами и пьянствомъ. Не отъ того-ли и Господь прогнѣвался на нихъ, и тѣ бѣды, какія мы испытывали и испытываемъ въ послѣднее время, не служатъ-ли предзнаменованіемъ Его гнѣва? Неурожаи, грозы, ливни, градобитія, опустошительныя бури, скотскіе надели, пожары и т. п. увеличиваются соразмѣрно съ уменьшеніемъ въ насъ благочестія. На дняхъ въ одной деревнѣ ночью вспыхнулъ пожаръ, угрожавшій истребить все до-тла; крестьяне бросились спасать свой скотъ и согнали его со дворовъ въ поле; но тамъ на стадо напали волки и перегрызли до восьмидесяти головъ“.

„Не пора-ли намъ опомниться, православные, и обратиться къ Богу! Совѣтую вамъ почаще бывать въ храмѣ Божіемъ, а дѣтей приказываю вамъ всякій праздникъ обязательно посылать въ церковь, къ утрени и обѣднѣ. Человѣкъ пожилой, потрудившійся шесть дней, можетъ быть, иногда почувствуетъ потребность отдохнуть и съ грѣхомъ пополамъ останется дома во время богослуженія; но для дѣтей не можетъ быть никакихъ отговорокъ. Изъ отдаленныхъ отъ церкви деревень, въ особенности въ осеннее и зимнее время, посылать однихъ дѣтей неудобно, но чтобы избѣжать этого неудобства, совѣтую вамъ установить такой порядокъ, чтобы каждый давалъ по очереди подводу для своза дѣтей въ церковь и обратно. Если-бы я жилъ съ вами, то я не дожидался-бы

очереди—возилъ-бы ихъ каждый праздникъ, и считалъ-бы это счастьемъ для себя: дѣтскую молитву Богъ услышитъ скорѣе, чѣмъ нашу, грѣшную, а молясь, они не преминули-бы положить поклонъ и за лицо, доставившее имъ возможность помолиться—и тѣмъ сторицею вознаградили-бы за подводу, которая въ этомъ случаѣ будетъ равносильна свѣчѣ, поставленной передъ образомъ“.

„Итакъ, посылайте дѣтей вашихъ въ церковь Божию, учите ихъ любить и почитать Государя и отечество, повиноваться властямъ и уважать не только родителей, но старшихъ вообще. Миѣ пріятно было-бы встрѣчать молодыхъ людей, которые не предо мною однимъ снимали-бы шапки, но предъ всякимъ старикомъ, заслуживающимъ право на почтеніе своими сѣдинами. Волостные и сельскіе начальники, а также волостные судьи, должны строго наблюдать за добрыми нравами подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ и не оставлять безъ взысканія всякаго малѣйшаго проступка, памятуя, что распущенность къ добру не приведетъ, а разумная и справедливая строгость послужитъ къ водворенію порядка, на которомъ зиждется всякое благоустройство. Преслѣдуя пьянство и праздность, которая—мать всѣмъ порокамъ, наблюдайте за исполненіемъ договоровъ и обязательствъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда договорившійся получилъ уже впередъ плату за условленную работу, а отъ самой работы уклоняется. Это тоже хищеніе чужой собственности, тѣмъ болѣе преступное, что иногда наниматель лишенъ возможности сдать работу другимъ лицамъ и непредвидѣнно долженъ нести большіе убытки“.

По словамъ газеты, рѣчь эта имѣла весьма благотворное вліяніе и уже составлено много приговоровъ сельскихъ обществъ, обязывающихъ посылать дѣтей въ церковь, а въ деревняхъ, отстоящихъ отъ храма на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи, давать подводы для отправки дѣтей въ церковь.

— И православное русское духовенство, побуждаемое Св. Синодомъ (указъ отъ 30-го ноября 1883 года), заботится о примѣненіи мѣръ къ возвышенію религіозно-нравственнаго воспитанія своихъ дѣтей. Общее благочинническое собраніе города Калуги 10 іюля 1884 года признало необходимымъ для достиженія цѣли водить дѣтей во всѣ воскресные и праздничные дни въ церковь къ богослуженію, мальчиковъ заставлятъ прислуживать въ алтарѣ, пѣть и читать на клиросѣ, взрослымъ, готовящимся на служеніе церкви, показывать и по возможности объяснять образъ совершенія таинствъ и всѣхъ обрядовъ церкви. Тѣмъ изъ оо. настоятелей, въ церкви

которыхъ, по распоряженію училищнаго начальства, воспитанники дѣловнаго училища собираются въ воскресные и праздничные дни къ богослуженію (наприм. церкви Одигитріевская и Никитская), имѣть наблюденіе, чтобы способные изъ воспитанниковъ пѣли на клиросахъ, чтобы очередные прислуживали въ алтарѣ, читали часы, канѣны, шестопсалміе и проч., чтобы при этомъ пѣніе производилось благоговѣнно, не партесное, но обыкновеннымъ простымъ общецерковнымъ напѣвомъ, чтеніе-же не спѣшно, внятно, правильно, по удареніямъ. Объ уклоненіяхъ отъ сего немедленно сообщать училищному начальству. Признавая важное значеніе для дѣтей добраго примѣра, собраніе рекомендовало священно-церковно-служителямъ самимъ проникнуться благоговѣніемъ къ святости богослуженія, молитвы и возгласы произносить не спѣшно, внятно и точно.

— Священникъ церкви въ предмѣстьи Одессы Холодная Балка построилъ на свой счетъ школу для названнаго предмѣстья. Школа постройкой окончена и, какъ передаетъ „Одесскій Вѣстникъ“, отличается удобствами и полной пригодностью для своего назначенія. Согласно заявленію священника о желаніи пожертвовать городу зданіе для открытія школы, и. д. городского головы на дняхъ осматривалъ постройку и нашелъ, что она не оставляетъ желать ничего лучшаго.

— Государь Императоръ въ 21-й день іюля 1884 года Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи настоятелю Кіево-Николаевскаго второ-класснаго монастыря архимандриту *Полжарту* епископомъ Уманскимъ, вторымъ викаріемъ Кіевской епархіи, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе его въ епископскій санъ произведено было въ г. Кіевѣ.

— Священнику Рождественскаго женскаго монастыря г. Ростова, Ярославской губерніи, о. Аристарху Израилеву, за труды по настройкѣ чрезъ подточку колоколовъ въ церкви Собственнаго Его Величества дворца, пожалованъ золотой наперстный крестъ, украшенный драгоценными камнями.

— Въ отчетѣ Православнаго Палестинскаго Общества сообщаются весьма любопытныя свѣдѣнія о раскопкахъ, предпринятыхъ по желанію Августѣйшаго предсѣдателя Палестинскаго Общества. При производствѣ этихъ раскопокъ имѣлось въ виду получить данныя для опредѣленія, въ какомъ направленіи шла окружавшая Иерусалимъ стѣна, за которою недалеко отъ воротъ по евангельскому сказанію находились какъ Голгоѳа, такъ и мѣсто погребенія Христа.

Рѣшеніе вопроса о направленіи этой стѣны имѣеть важное значеніе—въ зависимости отъ него находится доказательство подлинности чтимыхъ святынь: Голгоѳы и пещеры Господней.

Извѣстно, что окружавшія Іерусалимъ стѣны были воздвигаемы три раза—первую древнѣйшую замѣнила собою стѣна, сооруженная въ 445 году до Р. Х. и называемая стѣной Нееміи; третья стѣна, построенная Иродомъ Агриппой, была начата въ 49 году по Р. Х. Отъ Нееміиной стѣны по настоящее время сохранились весьма незначительные остатки; а она-то и имѣеть особое значеніе для топографіи св. града, какъ стѣна, чрезъ врата которой совершалъ Свой крестный путь Искупитель міра. Для того чтобъ отождествить современную Голгоѳу съ Голгоѳой евангельскою, необходимо убѣдиться, что она дѣйствительно была внѣ предѣловъ стѣны Нееміиной.

По раскопкамъ Палестинскаго Общества, въ западномъ углу русскаго участка обнаружены три древнія стѣны, которыя носятъ на себѣ отпечатокъ постройки еврейской, приближаясь по величинѣ своихъ камней (3—6 футовъ длины и 3—4 фута ширины), а также по самой кладкѣ ихъ къ стѣнамъ храма Хевронскаго. Открыты также остатки четвертой стѣны, составляющей восточную границу нашего участка. Эта стѣна несомнѣнно болѣе древняго происхожденія. На сѣверномъ ея концѣ остались слѣды воротъ, порогъ которыхъ, по сообщенію архимандрита Антонина, „состоитъ изъ двухъ громадныхъ плитъ весьма потертыхъ и какъ-бы вылощенныхъ отъ долговременной ходьбы по нимъ. Линія большихъ дверныхъ створовъ видна совершенно отчетливо, обозначенная выбоиною въ камнѣ. Середина порога, именно въ мѣстѣ соединенія плитъ, несмотря на то, что глубоко выбита стопами людскими, представляетъ въ себѣ очеркъ четверугольной ямки, въ которой утверждался дверной засовъ“.

Площадь четверугольника, ограниченная названными стѣнами, признана за основаніе Акры, престола областеначальника, т. е. укрѣпленнаго замка, служившаго для мѣстопробыванія намѣстника.

Архитекторъ Шикъ, долго изучавшій палестинскія древности, воспользовавшись добытыми при раскопкахъ данными, не только составилъ общій планъ Акры, но изобразилъ болѣе или менѣе близко къ дѣйствительности и всѣ детали ея. По его словамъ, „на югѣ находился собственно большой дворъ, который дѣлился однакоже на двѣ части, изъ коихъ ниже лежащая образовала обыкновенный проходъ, другая высшая (на нее ведутъ ступени), представлявшая террасу, вымощенную большими плитами, образовала

форумъ съ судебною палатою на западѣ, близъ городскихъ воротъ... Здѣсь находился главный входъ въ замокъ, но не непосредственно, а черезъ проходъ или улицу". Улица эта облегла Акру съ запада и сѣвера и вела на торговую площадь. Изъ стѣнъ Акры двѣ, сѣверная и западная, входили въ составъ городской стѣны и шли параллельно окружавшему городъ рву, въ который выходили и ворота, ведшія въ загородные сады. Ворота эти были въ западномъ концѣ Акры, гдѣ по близости непосредственно за рвомъ и находилась Голгоа. Г. Шикъ признаетъ эти ворота за врата Ефремовы, то есть за конечный пунктъ „Крестнаго пути“, начинавшагося отъ площади замка Антонія.

Изъ сопоставленія всѣхъ данныхъ установился взглядъ, по которому можно принять за несомнѣнное, что путь Богочеловѣка, шедшаго на крестную смерть, пролегалъ именно въ той мѣстности, которая составляетъ собственность русскихъ, и что чтимая нынѣ Голгоа есть то самое Краніево мѣсто, о которомъ повѣствуется въ Евангеліи и которое, какъ оказывается, лежало саженьхъ въ 20 отъ городскихъ воротъ.

Обогативъ такимъ важнымъ открытіемъ библейскую археологію, наши раскопки дали еще нелишние интереса результаты для ознакомленія съ нѣкоторыми деталями базилики Воскресенія, построенной Константиномъ Великимъ.

Описаніе этого памятника сохранилось въ біографіи Константина, написанной Евсевіемъ Памфиломъ. По его разсказу, до Константина пещера гроба Господня была засыпана землей и представляла возвышенную, устланную камнемъ, площадь, на которой помѣщался храмъ Афродиты. Разрушивъ это языческое капище и расчистивъ мѣсто отъ наносной земли и камней, Константинъ приступилъ къ созданію храма при гробѣ Господнемъ. Съ особымъ стараніемъ была прежде всего украшена пещера гроба, гдѣ воздвигнуты художественно сдѣланныя колонны и другія мраморныя украшенія, вокругъ устроена обширная площадь, выстланная блестящими камнями. Площадь эта съ трехъ сторонъ была окружена длинными обходами портиковъ, съ четвертой-же, примыкая къ восточному боку пещеры, располагалась базилика. Это было величественное зданіе, отличавшееся своими размѣрами какъ въ высоту, такъ и по другимъ направленіямъ. Стѣны ея, полированные снаружи, были выложены внутри разноцвѣтными мраморами. Крыша была свинцовая, потолокъ штучный, вызолоченный. Съ восточной стороны имѣлись три двери, противъ нихъ при вершинѣ базилики бы-

ло воздвигнуто двѣнадцать колоннъ, увѣнчанныхъ серебрянными кратерами. Архитекторомъ базилики, по свидѣтельству блаженнаго Іеронима, былъ константинопольскій пресвитеръ Евстафій, который воспользовался постройкой вышеозначенной Акры, такъ что три стѣны ея—сѣверная, восточная и южная—превращены были въ стѣны базилики. Площадь была нѣсколько расширена, причемъ былъ отчасти засыпанъ и шелпій около стѣны ровъ. На русскомъ участкѣ сохранились два столба, поддерживавшіе крышу портика, бывшаго на южной границѣ базилики; на западной окраинѣ открыта полукруглая съ тремя абсидами стѣна, къ которой примыкалъ крытый портикъ, далѣе за нимъ стояли 20 колоннъ, расположенныхъ въ видѣ круга. Между этими колоннами былъ проходъ прямо противъ нищеры гроба Господня. Обнаружены также остатки колоннъ отъ паходившихся по срединѣ площади пропиленъ, отъ которыхъ уцѣлѣлъ угловой пилястръ.

Благодаря послѣднимъ раскопкамъ, архитектору Шилу удалось составить довольно близкую къ описанію Евсевія реставрацію сооруженій Св. Константина, причемъ онъ сдѣлалъ отступленіе только отъ одной частности установленнаго въ настоящее время возрѣнія: по его мнѣнію, мѣстомъ обрѣтенія Животворящаго Креста нельзя признавать то мѣсто, гдѣ сооруженъ придѣлъ въ честь сего событія. Свой взглядъ на это основываетъ онъ на древнемъ преданіи, по которому кресты Христа и распятыхъ съ нимъ разбойниковъ были брошены въ городской ровъ; чтимое же нынѣ мѣсто обрѣтенія Креста находится на скалѣ. Поэтому онъ полагаетъ болѣе справедливымъ признавать таковымъ мѣстомъ то, гдѣ построены храмъ св. Елены.

— Извѣстное полемическое сочиненіе, годъ тому назадъ вышедшее въ Харьковѣ подъ названіемъ „Анти-Энциклики“, въ противодѣйствіе напору католичества, явилось на дняхъ въ Болгаріи въ переводѣ на болгарскій языкъ подъ заглавіемъ „*Анти-Энциклика, или братское слово отъ единъ православенъ славянинъ къ католицитъ славяне по поводъ на издадената отъ папа Левъ XIII булла за празнуваніета память на свв. Кириллъ и Методій*“ Софія, 1884 года, (стран. XXIX и 119, in-8-0). Скрытая въ русскомъ подлинникѣ личность сочинителя подъ общимъ именемъ „православнаго славянина“ въ „переводѣ“ обнаружена подъ именемъ бывшаго профессора Харьковскаго университета И. В. Платонова; переводчикомъ объявленъ бывший студентъ Харьковскаго-же университета, а нынѣ кончающій курсъ по филологическому факультету

въ Петербургскомъ университетѣ, родомъ болгаринъ, П. Д. Драгановъ, а средства къ изданію доставилъ *единъ Харьковскій поборникъ на православіа въ Руссія* (да будетъ его имя вѣдомо и благословено у Бога и у людей). Трудъ изданія, вмѣстѣ съ написаніемъ ученаго „Предисловія“ о сношеніяхъ болгарскихъ царей и проч. съ Римомъ, принялъ на себя извѣстный ревнитель православія, бывший софійскій митрополитъ Мелетій, доселѣ незаслуженно томящійся въ тѣснотѣ Кюстендильскаго заточенія, не смотря на милостивое вниманіе со стороны болгарскаго князя, явленное «заточнику» въ пожалованіи ордена 2-й степени св. Александра *). Такимъ образомъ, „Анти-Энциклика“ и переводнымъ своимъ воспроизведеніемъ, въ важной долѣ, обязана тому-же Харьковцу, которому обязана первоначальнымъ своимъ происхожденіемъ.

Ревнующій по вѣрѣ издатель митрополитъ, не смотря на свое стѣсненное положеніе, не укоснилъ безмездно распространить свое изданіе, съ разрѣшенія экзарха, по всѣмъ главнымъ центрамъ, широко раскинувшася, болгарскаго населенія. Такъ для его блаженства, Экзарха, послано изъ напечатанныхъ 1,200 экземпляровъ, въ Константинополь 260 для раздачи въ Македоніи, 50 въ Адрианополь пресвященному Синесію, 100 въ Филиппополь пресвященному Гервасію, 60 въ Тырново митрополиту Климехту и 25 въ Россію на имя первоначальнаго автора „Анти-Энциклики“, для распространенія между друзьями Славянъ. Казалось-бы такимъ распределеніемъ антикатолическаго творенія, рѣзко выступающаго всю ложь и несостоятельность Запада, православіе болгаръ, въ большей или меньшей мѣрѣ, должно было бы обезопаситься отъ посягательствъ и происковъ римской пропаганды; но что приходится дѣлать, и чего ожидать, когда въ средѣ самаго болгарскаго населенія есть дѣятели, прямо противоположащіе этому вѣроохранительному направленію и становятся открыто на сторону гонителей православія? Тогда какъ изданная митрополитомъ на болгарскомъ языкѣ „Анти-Энциклика“, равно и „Отвѣтъ“, написанный въ защиту ея, прямо выставляютъ Штроссмайера заклятымъ врагомъ православія, фанатикомъ, задавшимъ себѣ несбыточною мыслию объединить славянскій міръ на грязной и болотной почвѣ католичества, опровергаютъ всѣ его, въ этомъ духѣ, затѣи и тенденціи,—существующее въ Софіи, такъ названное, Учительское Общество (учительско тѣло), 11 мая этого года, по поводу празднованія памяти свв. Кирилла и Меѳодія, на ряду съ почтеннѣйшимъ радѣтелемъ славянъ, И. С. Акса-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. въ отдѣлѣ „Листокъ для Харьк. епар.“ стр. 322.

ковымъ, находить умѣстнымъ послать поздравительную телеграмму и папскому приспѣшнику, дьяковарскому бискупу. Какого содержанія была телеграмма и въ какихъ выраженіяхъ написана, осталось неизвѣстнымъ; но отвѣтъ, данный на нее на имя предсѣдателя общества отъ такъ лестно привѣтствованнаго врага родной вѣры болгаръ, напечатанъ въ издающейся въ Софіи газетѣ: „Отечество“ (с. г. № 30 стр. 3), на болгарскомъ языкѣ. Вотъ этотъ скандальный отвѣтъ.

„Многоуважаемый господинъ!

„Сегодня, послѣ долгаго путешествія по Италіи, я возвратился на родину и получилъ телеграмму, въ которой сообщается мнѣ, что уважаемое Учительское Общество, по случаю празднованія дня св. Кирилла и Меодія, *пило за мое здоровье* и что оно *поздравляетъ меня* (въ подлинномъ: *пило за мене здравица и ме поздравлява*)“.

„Въ отвѣтъ на это сколько лестное, столько-же и неожиданное для меня честваніе (въ подл.: колко-то лестно, толко-ва и неочаквано честитяванне) выражаю вамъ, многоуважаемый господинъ, и всѣмъ тѣмъ, которые вспоминали меня, мою горячую благодарность“.

„Да благословить Богъ почтенныхъ болгарскихъ учителей, а равно и нашъ братскій народъ. До конца дней своихъ не перестану любить славянское племя и работать, и страдать для его пользы. (До когато буду живъ неще преставамъ да обичамъ славянско-то племя и да работя и страдамъ за негова-та пользы)“.

„Поздравьте сердечно всѣхъ дорогихъ мнѣ болгаръ“.

„Остаюсь съ отмѣннымъ почтеніемъ вашъ Іосифъ I. Штроссмайеръ, епископъ“.

Дьяково. 6 іюня, 1884.

Вотъ такіе-то между болгарами есть либералы и предатели своей вѣры и отечества! И это все интеллигентный людъ, все учителя! Чему-же, спрашивается, учать они ввѣряемое имъ несчастное юношество?... А мѣстное министерство народнаго просвѣщенія все видитъ это и—молчитъ, хотя во главѣ его стоитъ личность получившая высшее образованіе въ Кіевской духовной академіи.

Хорошо-бы было, еслибы благомыслящая часть болгаръ собралась съ средствами перевезти и напечатать написанный еще на русскомъ въ защиту „Анти-Энциклики“, „Отвѣтъ“, въ которомъ личность и дѣятельность Штроссмайера разоблачены полнѣе и представлены въ истинномъ ихъ злонамѣренномъ видѣ, дабы такимъ образомъ умы невѣдущихъ болгаръ предохранить отъ склоненія къ католичеству, грозящему уничтоженіемъ ихъ славянскаго характера и подрывомъ ихъ, нашею кровью добытой, самостоятельности.

— Въ виду развивающейся въ настоящее время, среди русскаго народа, потребности въ религіозно-нравственномъ чтеніи, духовное вѣдомство, какъ сообщаютъ „Московскія Вѣдомости“, въ послѣднее время усиленно занялось изданіемъ разныхъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія для продажи ихъ народу по самымъ дешевымъ цѣнамъ, а отчасти даже и для бесплатной раздачи ихъ людямъ бѣднымъ. Синодальная типографія, хорошо организованная, работаетъ въ этомъ отношеніи весьма успѣшно. Св. Синодъ ассигнуетъ особыя средства на изданіе подобныхъ книгъ для потребностей церковно-приходскихъ школъ, братствъ, попечительствъ и другихъ учрежденій при церквахъ. Являются и частные благотворители, обращающіеся къ содѣйствію духовнаго начальства для изданія и бесплатной раздачи народу разныхъ сочиненій религіознаго содержанія. Въ этомъ направленіи и дѣйствуетъ нынѣ духовное вѣдомство съ особенною энергіей. Одновременно съ симъ министерство народнаго просвѣщенія вошло въ соглашеніе со Святѣйшимъ Синодомъ относительно изданія школьнаго Евангелія, которое-бы по формату, шрифту и цѣнѣ было пригодно и доступно самымъ бѣднымъ школамъ. Кроме того, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ возникло въ настоящее время, какъ слышно, предположеніе издать для народа Библію, снабдивъ ее множествомъ рисунковъ въ духѣ православія.

— Комитетъ по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877/78 годовъ, приводитъ для свѣдѣнія жертвователей отчетъ по 31 декабря 1883 года. Къ общей суммѣ пожертвованій, принятыхъ по 31 мая 1883 года 383,505 р. 95½ коп., поступило вновь съ 1 іюня по 31 декабря 1883 года: непосредственно въ комитетъ 590 р. 53 к., чрезъ хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ 9,183 р. 06 к.; а всего поступило пожертвованій съ открытія комитета 393,279 р. 54½ коп. Сверхъ того съ 1 іюня по 31 декабря 1883 года поступило процентовъ: на процентныя бумаги: а) принадлежащія къ расходному капиталу комитета 6,080 р. 29 к.; б) принадлежащія къ запасному капиталу онаго (100,000 рублей) 2,565 р.; в) на пожертвованныя 2 облигаціи 1-го восточнаго займа, въ 50 р. каждая, 5 р.; а съ поступившими до 1 іюня 1883 г. какъ на суммы, находившіяся на особомъ счету въ государственномъ банкѣ, такъ и на процентныя бумаги 42,151 р. 99 к.; всего процентнаго поступленія 50,802 р. 28 к. Всего же въ приходѣ съ открытія комитета по 31 декабря 1883 года 444,081 р. 82½ к.

Общая сумма пожертвованій 393,279 р. 54½ к. распредѣляется по источникамъ поступленія слѣдующимъ образомъ: Всемилюсти-вѣйше пожаловано въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ 1,000 р.; пожертвовано Его Высочествомъ Княземъ Болгарскимъ 400 р.; пожертвовано начальниками, офицерами, нижними чинами и вообще служащими отдѣльныхъ воинскихъ частей, сухопутныхъ и морскихъ 29,192 р. 43 коп.; поступило отъ духовнаго вѣдомства пожертвованныхъ и собранныхъ епархіальными архіереями, мона-стырями, благоточными, приходскими священниками, причетниками и консисторіальными чиновниками 139,678 р. 40 к.

ИВ. Въ томъ числѣ пожертвованныхъ Афонскими монастырями 8,122 р., полу-ченныхъ отъ Видинскаго митрополита Анема 337 р. 50 коп. и поступившихъ по епархіямъ:

Московской	14,069 р. 35 к.	Минской	1,975 р. 80 к.
Самарской	7,353 „ 74 „	Тобольской	1,915 „ 69½ „
Воронежской	5,871 „ 75 „	Иркутской	1,889 „ 02 „
Петербургской	4,988 „ 46 „	Новгородской	1,679 „ 01 „
Ярославской	4,752 „ 01 „	Астраханской	1,648 „ 47 „
Курской	4,625 „ 52 „	Орловской	1,638 „ 63 „
Симбирской	4,285 „ 90 „	Псковской	1,597 „ 97 „
Владимірской	4,127 „ 14 „	Волынской	1,594 „ 42 „
Полтавской	3,892 „ 11 „	Уфимской	1,546 „ 59 „
Екатеринославской	3,861 „ 07 „	Полоцкой	1,253 „ 46 „
Вологодской	3,852 „ 70½ „	Якутской	1,210 „ 46 „
Кіевской	3,612 „ 93 „	Рязанской	1,208 „ 53 „
Подольской	3,412 „ 76½ „	Оренбургской	1,190 „ 55 „
Смоленской	3,307 „ 76½ „	Литовской	983 „ 09 „
Тульской	3,133 „ 38 „	Елисейской	941 „ 02 „
Донской	3,112 „ 08 „	Холмско-Варшавской	869 „ 41½ „
Тамбовской	2,901 „ 92 „	Рязской	633 „ 52 „
Харьковской	2,812 „ 31 „	Вятской	624 „ 61 „
Нижегородской	2,646 „ 79½ „	Архангельской	533 „ 40 „
Калужской	2,487 „ 85 „	Олонцкой	503 „ 31 „
Херсонской	2,411 „ 20 „	Могилевской	365 „ 19 „
Таврической	2,360 „ 92 „	Томской	350 „ 64 „
Кишпневской	2,334 „ 50 „	Пензенской	105 „ 68 „
Костромской	2,254 „ 12 „	Кавказской	74 „ 39 „
Казанской	2,015 „ 19 „	Тверской	61 „ 62 „

Пожертвовано начальниками, преподавателями и учащимися учеб-ныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, разныхъ исповѣданій и вѣ-домствъ 5,757 р. 79 к.; пожертвовано служащими въ разныхъ пра-вительственныхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства 19,199 р. 74 коп.; поступило отъ дворянства какъ коллективно, такъ и со-бранныхъ по подписнымъ листамъ и пожертвованныхъ предводите-

лями дворянства 7,097 р. 59 к.; пожертвовано городскими думами, а также пожертвовано и собрано по подпискѣ городскими головами, членами городскихъ управъ и служащими въ нихъ 54,925 р.

ХВ. Въ томъ числѣ пожертвовано Московскою городскою думою въ память двадцатинятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора 50,000 р.

Собрано и пожертвовано членами земскихъ управъ и мировыхъ учреждений и служащими въ нихъ 6,728 руб. 68½ коп.; собрано и пожертвовано начальниками губерній и полицейскими чинами 75,718 р. 02½ к.; отъ мѣстныхъ комитетовъ и управленій Россійскаго общества Краснаго Креста 3,950 руб. 16 коп.; отъ русскихъ посольствъ, миссій и консульствъ за границую 6,396 р. 89½ к.

НВ. Въ томъ числѣ постунившихъ отъ Императорскихъ российскихъ посольствъ: въ Лондонѣ—1,000 р., въ Константинополѣ—242 р. 65 коп.; отъ генеральныхъ консульствъ: въ Бейрутѣ—1,877 р. 60 к., въ Санъ-Франциско—552 р. 50 коп., въ Солунѣ—510 р. 92 коп.; отъ консульства въ Триестѣ—273 р. 30 коп. и отъ вице-консульства въ Варнѣ—488 р. 85 коп.

Отъ ярмарочныхъ комитетовъ 983 р. 65 к.; отъ частныхъ банковыхъ обществъ и учреждений 2,124 р. 40 к.; отъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ обществъ и управленій и отъ страховыхъ обществъ 15,669 р. 45 к.; отъ содержателей фабрикъ и заводовъ 7,187 руб. 91 коп.; отъ купцовъ и торговыхъ обществъ и компаний 4,483 руб. 83 коп.; отъ мѣщанъ ремесленниковъ и рабочихъ артелей 832 р. 01 к.; непосредственно отъ крестьянъ 7,414 руб. 18 коп.; отъ клубовъ и общественныхъ собраній 421 р. 50 коп.; отъ разныхъ лицъ отдѣльно и по подпискѣ 3,615 р. 25 коп.; отъ содержателей гостинницъ и трактирныхъ заведеній 331 р. 65 коп.; отъ биржевыхъ маклеровъ 171 р.; всего 393,279 р. 54½ к.

Съ 1 юня по 31 декабря 1883 года произведены слѣдующіе расходы: издержано на дѣлопроизводство, канцелярскія принадлежности, печатаніе бланковъ, почтовые расходы, разсылку, освѣщеніе и т. п. 953 руб. 96 коп.; выдано чиновникамъ хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ въ награду за счетоводство и переписку по суммамъ комитета 500 р.; отправлено въ генеральное консульство въ Филиппополь на расходы по приобрѣтенію земли подъ церковь 496 р. 90½ к.; выдано военному инженеру Успенскому на путевые расходы по приѣзду его изъ Кіева въ Петербургъ по дѣламъ комитета 100 р.; уплачено М. П. Романову за составленіе, для сооружаемой церкви, списковъ убитыхъ въ минувшую кампанію военныхъ чиновъ, за исправленіе имъ обязанностей секретаря и за наемъ помѣщенія для канцелярціи комитета 100 руб.; уплачено за переписку трехъ смѣтъ на постройку храма 54 руб.;

нотаріальнаго расхода по засвидѣтельствуванію довѣренности, данной предсѣдателемъ комитета на пріобрѣтеніе земли подъ церковь 7 р.; уплачено государственному банку за храненіе цѣнностей 17 р. 59 коп.; израсходовано хозяйственнымъ управленіемъ при Святѣйшемъ Синодѣ на отсылку увѣдомленій о полученіи денежныхъ пожертвованій 69 коп.; на проценты, поступившіе на 100,000 руб. запаснаго капитала комитета, пріобрѣтены облигаціи 3-го восточнаго займа, на номинальную сумму 2,700 руб., за кои уплачено 2,499 р. 48¹/₂ к.; итого въ расходѣ 4,729 р. 63 к.; а съ присоединеніемъ общаго расхода по 31 мая 1883 года 13,512 р. 76¹/₂ к. и израсходованныхъ на тотъ-же срокъ на покупку 415 облигацій 3-го 5⁰/₀ восточнаго займа, по 1,000 р. и 6-ти таковыхъ-же облигацій, по 100 руб. каждая, на номинальную сумму 415,600 руб. 385,897 руб. 47 коп.; всего въ расходѣ по 31 декабря 1883 года 404,139 р. 86¹/₂ к.; затѣмъ остается въ наличности къ 1 января 1884 года: процентными бумагами (въ числѣ ихъ двѣ пожертвованныя облигаціи 1-го 5⁰/₀ восточнаго займа, по 50 руб. каждая), считая по номинальной ихъ цѣнѣ 418,400 руб.; кредитными деньгами 39,859 р. 14 к.; а всего 458,259 р. 14 к.

Изъ означенной общей суммы—105,300 р. облигаціями 3-го восточнаго займа и 142 р. 67¹/₂ к. кредитными деньгами, а всего 105,442 р. 67¹/₂ к. составляютъ неприкосновенный запасный капиталъ комитета.

Изъ наличной суммы кредитными деньгами хранится на особомъ счету въ конторѣ государственнаго банка 39,634 руб. 13 коп.; находится въ кассѣ комитета 225 р. 01 к.

ПОДПИСКА НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОЛНА“⁶⁶

роскошное еженедѣльное изданіе въ форматѣ больш. иллюстрац. съ рисунками въ краскахъ (акварель)

50 номеровъ или 1200 страницъ убористой печати.

Журналъ „Волна“ издается при ближайшемъ участіи лучшихъ художниковъ и литературныхъ силъ Россіи. Каждый номеръ журнала заключаетъ въ себѣ отъ 20 до 30-ти страницъ текста и картинъ въ краскахъ.

Большой томъ втораго полугодія, кромѣ множества роскошныхъ оригинальныхъ рисунковъ, и по своему разнообразному литературному содержанію составитъ богатое приобрѣтеніе для каждаго, интересующагося русской литературой, русскою жизнью и русскими рисунками.

Въ теченіи года 300 рисунковъ въ краскѣ и 12 роскошныхъ художест. приложений.

Художественный отдѣлъ:

На этотъ отдѣлъ редація обращаетъ особенное вниманіе и въ теченіи года будетъ помѣщено до 300 оригинальныхъ рисунковъ большого формата, исполненныхъ красками, по заказу редакціи, известными русскими художниками. Въ журналѣ „Волна“ будутъ помѣщаться: историческія картины, иллюстраціи къ повѣстямъ и рассказамъ, картины изъ русской жизни, типы городовъ, селъ и захолустій, портреты выдающихся дѣятелей, копіи съ известныхъ картинъ, виды мѣстностей, разнообразныя типы, фантастическіе рисунки изъ русскихъ повѣрій, множество виньетокъ и рисунковъ на злобы дня.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Вопросы и новости для („Обо всемъ и повсюду“). 3) Историческіе и бытовые романы съ рисунками въ краскахъ. 4) Этнографическіе очерки. 5) Повѣсти и рассказы изъ русской жизни. 6) Стихотворенія и поэмы. 7) Мелочи, анекдоты и разнообразный отдѣлъ смѣся. 8) Событія въ мірѣ: политическомъ. 9) Житіи литературы и искусства. 10) Операциі бандитовъ и картинныя. 11) Земское дѣло. 12) Народное образованіе. 13) Судебная хроника. 14) Статьи историческаго содержанія. 15) Справочный листокъ биржи и проч. 16) Конгрессиональціи изъ разныхъ мѣстъ. 17) Фельетонъ (обзоръ общественной жизни). 18) Театръ и музыка. 19) Рискизы, очерки и описанія въ рисункахъ. 20) Почтовый ящикъ. 21) Частныя объявленія и, въ видѣ безплатнаго приложенія, парижскія моды съ картинками.

Всѣмъ подписавшимся по 1-е января 1885 г. высылается бесплатно „Альбомъ канвовыхъ рисунковъ“ 20 листовъ русскихъ и малороссійскихъ узоровъ, отпечатанныхъ красками.

Въ теченіе всего полугодія въ журналѣ „Волна“ не прерывались будутъ печататься: большой историческій романъ изъ эпохи 1812 г. — „Божье знаменіе“ (съ рисунками), „Въ волчьей пасти“ (романъ изъ уголовной хроники), „Послѣдство нищаго“ рассказы изъ быта трущобъ (съ рисунками) и еженедѣльный фельетонъ Джона Броуна (псевдонимъ) „По телефону“.

Подписавшимся журналъ высылается съ номера перваго со всѣми приложеніями.

Желающіе ближе ознакомиться съ нашимъ журналомъ благоволятъ высылать 25 к. марками на пересылку одного номера.

Безплатная премія: большая картина, отпечатанная масляными красками на холстѣ

РУССКІЙ БОГАТЫРЬ АЛЕША ПОПОВИЧЪ и ПОЛОНЕННАЯ ИМЪ ЦАРЁВНА.

Оригиналъ картины писанъ по заказу редакціи художникомъ К. В. Лебедевымъ.

Сюжетъ заимствованъ изъ поэмы графа А. Толстаго и изображаетъ богатыря Алешу Поповича на холстѣ среди камышей, играющаго на гусяхъ передъ полоненною имъ царевной.

За пересылку и упаковку преміи предлагается 21 коп. марками.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 1 мѣсяць—1 руб., на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп., на 6 мѣсяцевъ—5 р. и на 1 годъ—8 р. съ доставкой и пересылкою. Гг. служащія могутъ быть сдѣлана расрочка за ручательствомъ казначеивъ или начальниковъ.

Подписка принимается: въ Конторѣ редакціи, Москва, уголь Никитской и Леонтьевскаго пер., д. бар. Корфъ, у Печковской, Петровскія ливія, Мещалъ, Кузнецкій, д. Солодовникова, Вольфа, Дациро, Малютова, Ланга (Кузнецкій мостъ). Гг. инопородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи: уголь Никитской и Леонтьевскаго пер., д. баронессы Корфъ, въ Москвѣ.

ВЪ ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Редакціи Кіевскаго Народнаго Календаря

Кіевъ. Крещатикъ, д. Клугъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ ИЗДАНИЯ:

Кіевскій народный календарь на 1885 г., годъ 21-й, съ картою желѣзныхъ дорогъ. Новая статья: о празднованіи тысячелѣтія первоучителя славянскаго Меѳодія; смуты въ Малороссіи въ концѣ XVII в.; о происхожденіи названія Россіи; важнѣйшіе новые законы; предохранительныя мѣры на случай появленія холеры; снаряжъ для спасенія утопающихъ; путь къ богатству; что намъ нужно (о сельскихъ библіотекахъ); о распространеніи усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, сельско-хозяйственныя орудія, полезныя въ большихъ и малыхъ хозяйствахъ; новыя растенія: росичка, лаллемація, алифа; о кормовыхъ растеніяхъ; устройство плодовыхъ садовъ и посадка деревьевъ и другія статьи по садоводству, пчеловодству, птицеводству, скотоводству и другія. Ц. 20 к., въ переплетѣ 30 к., на виленовой бумагѣ 50 к., въ переплетѣ съ золотыми буквами 1 руб.

Учительскій календарь на 18⁸⁴/₈₅ учебный годъ. Ц. 50 к

Ученическій календарь на 18⁸⁴/₈₅ учебный годъ. Ц. 30 к.

Преподобный Несторъ лѣтописецъ, народное чтеніе Кіевскаго общества грамотности. Цѣна 10 к.

Народная азбука для церковно-приходскихъ училищъ, по звуковому способу, священника Руданскаго, съ объясненіемъ самаго способа обученія. 1884 г. Ц. 10 к.

Прописи Грушевскаго съ рисунками для черченія и рисованія. Цѣна 5 к

Прописи-тетради для усовершенствованія въ письмѣ. Ц. 10 к.

Руководство нъ начальной географіи, курсъ перваго класса, К. Турчаковскаго, составленное примѣнительно къ указаніямъ современной методики географіи и требованіямъ программы министерства народнаго просвѣщенія. Ц. 40 к.

Учебникъ Всеобщей Географіи, К. Турчаковскаго. Курсъ втораго класса гимназій и прогимназій. Изданіе второе, исправленное. Кіевъ, 1884 года. Книга одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ качествѣ учебнаго руководства, какъ для мужскихъ, такъ и для женскихъ гимназій. Цѣна 65 коп.

Родная Нива. Задачи для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Пособіе для первоначальнаго изученія русскаго языка. Изданіе 2-е. Т. Лубецца Цѣна первой части 20 коп., второй части 30 коп.

Учебникъ латинскаго языка для двухъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ А. О. Поснишилъ, преподаватель древнихъ языковъ при Кіевской 1 гимназій. Часть I. (Курсъ перваго класса). Цѣна 50 коп.

УСЛОВІЯ ВЫШИСКИ:

При покупкѣ въ одинъ разъ изъ Педагогическаго книжнаго магазина книги изданія редакціи Кіевскаго Народнаго Календаря на сумму двадцать руб. на наличныя деньги дѣлается уступка 20%, при покупкѣ на пятьдесятъ руб.—25%, на сто руб.—30%, при покупкѣ свыше 500 рублей—уступки 35%, свыше тысячи рублей—40%.

ФАБРИКА

ЖЕРКОВЫХЪ ВЕЩЕЙ

Константина Владиміровича

ДЕМИДОВА

(основана имъ въ 1869 году)

(БЫВШЕЕ ТОВАРИЩЕСТВО П. М. КРЮЧКОВЪ и К. В. ДЕМИДОВЪ)

въ Москвѣ,

уголь Большой площади и Кокоревскаго бульвара, домъ № 5.

исполняетъ по заказамъ всевозможные предметы, нужные для Православныхъ храмовъ:

серебряные 84 пробы вызолоченные кресты, евангеліи, сосуды и ризы на иконы; бронзовые вызолоченныя и высеребренныя панкадила, подсвѣчники, лампады и хоругви; парчевыя священно-церковныя облаченія; вышитыя золотомъ хоругви и плащаницы; иконы лучшей живописи.

въ Совѣтъ Харьковскаго Епархіального Женскаго Училища

имѣются въ продажъ книги:

„Выписки изъ дорожнаго дневника во время путешествія въ Иерусалимъ и другія священныя мѣста Палестины“

Свящ. А. Анисимова.

Цѣна за экземпляръ 75 коп.

Выписывающіе не менѣе десяти экземпляровъ пользуются уступкою 10%.

Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ второе издавіе соч. доцента Кіевской Духовной Академіи *Арсенія Царевскаго*, бывшаго смотрителя Черкаскаго дух. уч.

„Уроки по Закону Божию, способствующіе усвоенію пространнаго Христіанскаго Катихизиса Православной Церкви“

(выпускъ первый). Сочиненіе это *Св. Синодомъ и многими Архiepастырями одобрено для церковныхъ библіотекъ и признано очень полезнымъ для вѣбогослужебныхъ бесѣдъ.* Цѣна 1 руб. 15 коп.

Вмѣстѣ съ симъ предлагается подписка на слѣдующіе ЧЕТЫРЕ выпуска этого сочиненія, которые вмѣстѣ съ первымъ составляютъ пять книгъ не менѣе, какъ въ 1000 стр. in 8°. Желающіе приобрѣсть всѣ эти выпуски благоволятъ прислать автору въ г. Кіевъ 3 р. сер., въ томъ числѣ 1 руб. за 1-й и по 50 коп. за каждый послѣдующій выпускъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„В Ъ Р А И Р А З У М Ъ“

ВЪ 1885 ГОДУ.

Богословско-философскій журналъ „Вѣра и Разумъ“ будетъ издаваемъ въ слѣдующемъ году по прежней программѣ. Знамя, которому мы служимъ и вокругъ котораго хотѣли-бы собрать своихъ читателей, теперь ясно для всѣхъ. Девизъ, выставленный на нашемъ знамени—это христіанская истина, понимаемая разумно, или разумное христіанское міросозерцаніе, применительно къ живымъ потребностямъ современнаго намъ общества. Глубоко убѣжденные, что только это міросозерцаніе запечатлѣно характеромъ реальной правды, что только оно наиболѣе соответствуетъ особенному складу нашей народно-духовной жизни, что только въ немъ можно паходить истинный и глубокой „смыслъ жизни“, мы хотѣли-бы остаться вѣрными своему знамени и въ новомъ году нашего изданія. Мы убѣждены, что только христіанское, т. е. религіозное міросозерцаніе, вполне гармонируя съ доступною намъ научно-истинною, наиболѣе соответствуетъ и нашимъ народнымъ (національнымъ) особенностямъ; что всякое другое міровоззрѣніе (напр. критическое, позитивное, матеріалистическое и пр.), противорѣчитъ народному духу, можетъ лишь скользить по поверхности нашего народнаго сознанія и навсегда должно остаться для насъ чужимъ, навяаннымъ со стороны, замороженнымъ, не говоря уже о его внутренней лжи и несостоятельности; что поэтому одно лишь религіозное міросозерцаніе можетъ дать намъ истину, сколько сродную съ человѣческимъ духомъ вообще, столько же наиболѣе соответствующую нашему народному духу. Религіозное міросозерцаніе русскаго народа, какъ особенное свойство его народности, есть фактъ несомнѣнный, безспорный; онъ громко сказывается и ясно очерчивается во всѣхъ сферахъ, во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни и энергично живетъ на пространствѣ всей тысячелѣт-

ней исторіи нашего народа. Съ этимъ не можетъ не согласиться каждый безпристрастный русскій историкъ и вообще всѣ безпристрастные наблюдатели нашей народной жизни.

Правда, наше народное религіозное міросозерцаніе еще запечатлѣно характеромъ первоначальной непосредственности и простоты; оно искренно, сильно и глубоко, по крайней мѣрѣ, въ большей части нашего народа; но оно недостаточно ясно сознается нашимъ обществомъ, какъ единственная не только жизненная, но и научная правда. Современное намъ общество не только въ лицѣ малообразованныхъ членовъ своихъ, но и въ лицѣ вполне образованныхъ и даже ученыхъ людей, еще недостаточно ясно сознаетъ, что въ религіозномъ міросозерцаніи коренится характеристическая особенность русскаго народнаго духа и что поэтому нельзя быть истинно русскимъ человекомъ безъ того, чтобы не стараться понять религіозное, или, что для насъ одно и тоже—православное ученіе, какъ единственно жизненную и глубокую научную правду. Мы не упрекаемъ въ этомъ наше общество. Быть можетъ, упрековъ въ этомъ отношеніи всего менѣе заслуживаетъ то общество, которое разными неблагоприятными условіями своей жизни такъ долго было уклоняемо отъ народныхъ началъ и нашло возможнымъ знакомиться съ научными богословскими системами на родномъ языкѣ не болѣе, какъ лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ, котораго самостоятельная духовная литература еще слишкомъ молода, и которое, наконецъ, само стало получать серьезное и солидное образованіе лишь очень недавно. Мы утверждаемъ только, что наше народное самосознаніе должно, наконецъ, освѣтиться научнымъ религіознымъ міросозерцаніемъ, что въ этомъ состоитъ главная задача современнаго намъ образованнаго общества и что разработка научныхъ и философскихъ основъ нашего религіознаго міросозерцанія, особенно примѣнительно къ живымъ запросамъ современнаго намъ общества, есть живая общественная потребность и призываетъ къ усиленнымъ, настойчивымъ и серьезнымъ изысканіямъ всѣхъ людей мысли, всѣхъ истинно русскихъ людей. Наше общество пережило страшный періодъ отрицанія всѣхъ высшихъ основъ общечеловѣческой и народной мысли и жизни;

мы дошли въ своемъ отрицаніи до послѣднихъ предѣловъ. Дай Богъ, чтобы эти страшные уроки исторіи не прошли для насъ безслѣдно! Дай Богъ, чтобы они дали намъ возможность опомниться и вразумиться! Намъ кажется, что именно теперь наступила пора углубиться въ свое общественное самосознаніе, ясно понять коренныя особенности нашего народнаго духа и точно намѣтить путь нашего дальнѣйшаго развитія и нашего дальнѣйшаго движенія въ духовной жизни. Именно теперь настала пора сознать себя, какъ самостоятельный или особенный народъ, призванный жить своею особенною самостоятельною жизнью, и имѣющій свои особенныя незыблемыя устои народной жизни,—устои столько же разумныя и твердыя, сколько благородныя, высокія и гуманныя. Но крайней мѣрѣ, идти прежнимъ путемъ развитія оказывается безусловно невозможнымъ.....

Насколько мы вѣрно понимаемъ главныя задачи современной стадіи развитія нашего общественнаго самосознанія, насколько хороши тотъ девизъ, который журналъ нашъ выставилъ на своемъ знамени и которому хотѣлъ-бы служить по мѣрѣ своихъ силъ, судить мы не беремся, и, конечно, только время рѣшитъ это окончательно. Но уже и теперь можно гадать объ этомъ въ благопріятномъ для нашего журнала смыслѣ. Журналъ нашъ встрѣтилъ живое сочувствіе, небывалое въ нашей богословской литературѣ, не только въ средѣ нашего образованнаго общества, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго, но и заслужилъ одобреніе высшихъ органовъ правительственной власти. Онъ рекомендованъ по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія, Министерства Народнаго Просвѣщенія, Императрицы Марии и по офицерскимъ бібліотекамъ Военнаго Вѣдомства. Потребовалось вторичное изданіе журнала послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ книжекъ его. Сотрудничать въ нашемъ изданіи, идти подъ нашимъ знаменемъ, по прежнему, изъявляютъ готовность лучшія, живыя силы нашихъ духовныхъ академій и нашихъ университетовъ. Редакція журнала надѣется даже еще болѣе развить современнымъ свои научныя и литературныя силы.

Программа журнала „Вѣра и Разумъ“ по прежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который будетъ входить все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторіи Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него будутъ входить отдѣльныя изслѣдованія изъ области психологіи, метафизики, исторіи философіи, изложенныя просто и ясно, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ наше изданіе, между прочимъ, замѣняетъ для духовенства Харьковской епархіи Епархіальныя Вѣдомости, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, будетъ отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ будутъ помѣщаемы свѣдѣнія, составляющія обыкновенно такъ называемый оффиціальныи отдѣлъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и извѣстія, относящіяся къ внутренней жизни обще-церковной и собственно Харьковской епархіи.

Журналъ будетъ выходить ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе журнала 10 рублей.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Феранютова.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.